

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ
РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ,

ТАКЖЕ

ИВЕРСКИХЪ И СЛАВЯНСКИХЪ,

И МѢСТНО ЧТИМЫХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ БЛАГОЧЕСТІЯ.

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ.

Изданіе второе.

С. П. Б.

Типографія Э. Метцга, (Лит. просп., № 34).

1867.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. С. Петербургъ. Юля 18 дня, 1867 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Мѣсяць Августъ	1.
Житіе Святаго блаженнаго Василя, Христа ради юродиваго.	3.
— Преподобнаго Антонія Римлянина Новгородскаго Чудотворца	24.
Обрѣтеніе мощей и чудеса преподобнаго Антонія.	30.
Житіе преподобнаго Пимена многоболѣзненнаго	37.
— Блаженнаго Іова Желѣза, Игумена лавры Почаевской.	45.
— Преподобныхъ отецъ Печерскихъ Теодора и Василя	54.
— Святителя Тихона Задонскаго	65.
— Преподобнаго Максима Грека	136.
— Преподобнаго Алипія иконописца Печерскаго	167.
— Преподобнаго Авраамія Архимандрита Смоленскаго.	175.
— Преподобнаго Арсеія Комельскаго	186.
Перенесеніе мощей Святителя Петра Митрополита	192.
Житіе Преподобнаго Саввы Крыпецкаго, Псковскаго Чудотворца	200.
Житіе святаго Данила князя Московскаго	218.
— Преподобнаго Александра Свирскаго	224.
Устройство обители Свирской	237.
Заключеніе	249.

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ.

Торжествомъ церковнымъ открывается сей послѣдній изъ мѣсяцевъ церковнаго лѣта: исхожденіемъ честныхъ древъ Животворящаго Креста, для освѣщенія водъ, въ память двойной свѣтлой побѣды надъ невѣрными Царя Греческаго и боголюбиваго Князя Русскаго. Это вмѣстѣ и умиленный праздникъ Всемиловитаго Спаса, служащій предверіемъ посту предъ Успеніемъ Богоматери, и Церковь смиренно взываетъ къ Господу отъ лица своихъ чадъ:

«Всякія скверны, Всемиловитый Спасе, азъ быхъ дѣлатель и во отчаянія ровъ впадся; но стению отъ сердца и вопію къ Тебѣ, Слово: ускори щедрый и потщися на помощь нашу, яко мпловитъ».

Въ тотъ же день совершается память Святыхъ семи мучениковъ Маккавеевъ, матери ихъ Соломоніи и учителя ихъ Елеазара.

Во 2-й день Августа, Церковь Вселенская празднует перенесеніе мощей Св. первомученика и Архидіакона Стефана и поетъ ему: «Первый сѣялся еси на земли небеснымъ дѣлателемъ, всехвальне Стефане: первый на земли за Христа кровь изліялъ еси, блаженне: первый отъ Него побѣды вѣнцемъ увязлся еси на небесѣхъ, страдальцевъ начало, вѣчннче мучениковъ первострадальне».

Въ тотъ же день Россійская Церковь совершаетъ память Василія Блаженнаго, Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца.

Ж И Т И Е

СВЯТАГО БЛАЖЕННАГО ВАСИЛІЯ, ХРИСТА РАДП
ЮРОДИВАГО.

«Премудрость смиреннаго» говоритъ Иисусъ сынъ Сираховъ «вознесетъ главу его и посредѣ вельможъ посадитъ его; сердце свое власть утревевати къ Господу, сотворшему его, и предъ Вышнимъ помолится. Премудрость его повѣдаютъ языцы и хвалу его поповѣсть Церковь».— (Сирах. гл. 11). Черты сія премудраго ясно раскрываются въ жпзни смиреннаго раба Божія Василія блаженнаго, Московскаго Чудотворца; его богомудрое юродство вознесло главу его и посадило его съ князьями людей своихъ; многіе восхвалили разумъ его и имя его въ память вѣчную будетъ; хвалу его, отъ лѣтъ древнихъ, повѣдаетъ Святая Церковь, ублажая его, какъ единаго отъ друзей Божіихъ.

Блаженный Василій родился близъ царствующаго града Москвы, при державѣ благовѣрнаго Ве-

ликаго Князя Иоанна III-го, собирателя Руси, и во дни святительства перваго Филиппа митрополита Московскаго, въ 1469 году. Преданіе сохранило намъ только одни имена благочестивыхъ его родителей, Иакова и Анны, не сказавъ, къ какому званію они принадлежали. Извѣстно и то, что подобно другимъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ, долго искушаемы были они отъ Господа неплодствомъ, и что благословеніе ихъ, рожденіемъ сына, было слѣдствіемъ усердной молитвы. Будущую богоугодную жизнь ихъ младенца явилъ Господь необыкновеннымъ знаменіемъ, еще на лонѣ матери, ибо вкушая млеко изъ праваго сосца ея, никогда не касался лѣваго, знаменуя тѣмъ избраніе имъ десной части добродѣтели. Отъ юнаго возраста возлюбилъ онъ единаго Бога и вслѣдъ Его пошелъ, оставивъ домъ отеческій и родъ свой, и хотѣлъ служить одному только Господу. Шестнадцати лѣтъ бѣжалъ Василій изъ дома родительскаго, но не въ безмолвную пустыню, гдѣ бы могъ удобнѣ восходить благоговѣйнымъ помысломъ въ горняя, но удалился, (что могло бы казаться страннымъ) въ многолюдный градъ, въ которомъ, по слову псаломному, не оскудѣваютъ беззаконіе, неправда, лихва и леть. Преподобный показалъ своимъ примѣромъ, что не мѣсто спасаетъ человѣка, или полагаетъ преграды его спасенію, но что благочестивый человѣкъ освящаетъ всякое мѣсто, ибо онъ жилъ во градѣ, какъ въ пустынѣ, и въ народѣ пребывалъ, какъ бы въ обители кающихся.

Избравъ необыкновеннымъ мѣстомъ для своего подвижничества многолюдный градъ, блаженный избралъ и необыкновенный путь ко граду небесному, юродство Христа ради. Въ продолженіе всей своей подвижнической жизни, всегда имѣлъ онъ предъ своими глазами страшный день воздаянія Господня и не носилъ никакого одѣянія, но пожелалъ быть всегда нагимъ, какъ бы уже предстоящимъ неліцемѣрному судилищу Сына Божія; посему и былъ извѣстенъ у современниковъ подъ именемъ нагоходца. Ни зимою, ни лѣтомъ, никогда не имѣлъ онъ у себя крова, ни даже какого-либо малаго даже вертепа, но зимою страдалъ отъ мороза, лѣтомъ же былъ опаляемъ зноемъ. «Если яростна зима, то сладокъ рай», говорилъ преподобный, вспоминая сорокъ мучениковъ, скончавшихся отъ мороза на озерѣ Севастійскомъ въ виду разогрѣтой бани. Какъ первозданный Адамъ, прежде своего преступленія, нагъ ходилъ онъ и не стыдился, свыше украшенный душевною красотою, не радѣя о своемъ тѣлѣ и вмѣняя нестерпимый морозъ какъ бы въ нѣкую теплоту, ибо тѣло праведника, согрѣваемое благодатію Божіею, сильнѣе было и стужи и огня. Истомляя плоть свою необычайнымъ воздержаніемъ и подвигами, превышавшими силы человѣческія, сохранялъ онъ душу свою свободно отъ страстей, посреди молвы житейской, обитая посреди народа, какъ бы на одинокомъ столпѣ, и безмолвствуя, какъ бы совершенно безгласный, чтобы утаить отъ людей свою

добродѣтель. Духовное его обращеніе къ Богу выражалось и въ самомъ тѣлѣ Блаженнаго, ибо глава его всегда была поднята къ небу и очи его устремлялись горѣ; посему и Господь прославилъ еще на землѣ угодника Своего чудными знаменіями.

Когда ночью тайно ходилъ преподобный по святымъ церквамъ на молитву, ему, какъ доброму молитвеннику, церковныя врата сами собою отверзались; былъ данъ ему отъ Господа и даръ прозрѣнія вещей будущихъ. Лѣтописецъ повѣствуетъ о чудномъ видѣніи, которое открылъ Богъ блаженному Василию въ 1521 году предъ грознымъ нашествіемъ Махметъ-Гирея. Не задолго до сего многимъ изъ благоговѣйныхъ были страшныя видѣнія, для исправленія нашего, и наипаче видѣлъ ихъ праведный нагоходецъ Василій. Пришелъ онъ однажды ночью къ соборной церкви Богоматери и долго стоялъ предъ святыми вратами, уныло на нихъ взирая и тайную совершая со слезами молитву къ Богу: тогда слышали нѣкоторые близъ него стоявшіе шумъ великій внутри церкви и видѣли въ ней страшное пламя, которое исходило изъ всѣхъ ея оконъ, такъ что вся церковь казалась огненною и по времени утихло пламя. И въ другой разъ, повѣствуетъ лѣтописецъ, человѣколюбивый Богъ, не хотящій конечной гибели нашей, но да престанемъ отъ злобы и да не уповаемъ на мимотекущее богатство, попустилъ быть страшному пожару Іюня въ 21 день 1543 года, и опять

было о томъ заблаговременно откровеніе блаженному Василю.

Послѣ сихъ пожаровъ, въ полдень, 8 Іюля, пришелъ блаженный въ монастырь Воздвиженія Честнаго Креста, что называется на Островѣ, сталъ предъ дверьми церкви, которая въ то время была еще деревянная, и взирая на нее, плакалъ неутишно. Дивился мимо ходившій народъ, не понимая причины его плача, и только узнали впоследствии, когда на другой день возгорѣлся страшный пожаръ и пламя изъ церкви распространилось на сосѣднія улицы; выгорѣла Неглинная, Большой Посадъ и весь великій торгъ, и самый дворъ Царскій съ Митрополичьимъ, все сіе испепелилось въ мгновеніе ока; не только деревянные храмы, но и каменные распадались и желѣзо растоплялось какъ олово.

Сколько ни старался утаить, своимъ юродствомъ, высоту своей добродѣтели блаженный Василій, не могъ однако укрыться, по слову Евангельскому, градъ стоящій вверху горы. Слава о чистомъ его житіи и крѣпкомъ терпѣніи дошла до слуха благовѣрнаго Царя Іоанна Васильевича и Святителя Макарія, который возвѣстилъ о немъ Державному; оба восхваляли Бога, даровавшаго въ ихъ время столь святаго мужа. Господь прославилъ его предъ Государемъ многими знаменіями, чтобы послѣдую примѣру Царя, всѣ люди воздавали ему достойную честь.

Случилось однажды блаженному Василю, въ

день тезоименитства царскаго, быть приглашеннымъ въ палаты; принялъ онъ въ руку заздравную чашу и до трехъ разъ выливалъ ее изъ окна, возбудивъ тѣмъ негодованіе Царя, который подумалъ, что имъ пренебрегаетъ блаженный; но Василій дерзновенно сказалъ Державному: «Престань отъ гнѣва твоего, о Царь, и вѣдай, что изліяніемъ се-го питія, угасилъ я пламя, которымъ объять былъ весь Новгородъ, и престало запаленіе». Сказавъ сіе, устремился вонъ изъ палатъ царскихъ; погнавшіеся за нимъ не могли его настигнуть, ибо когда прибѣжалъ къ Москвѣ рѣкѣ, прямымъ путемъ пошелъ онъ по водамъ и сдѣлался невидимъ. Ужаснулся Царь, видѣвшій это изъ своего терема. Хотя и почиталъ онъ Василю за святаго мужа, но однако усумнился въ томъ, что возвѣщалъ онъ о пожарѣ великаго Новгорода и, замѣтивъ день и часъ послалъ туда гонца. Тогда лишь обнаружилась истина. Горожане свидѣтельствовали посланному, что во время всеобщаго запаленія города, явился внезапно нагой человекъ съ водоносомъ, который заливалъ пламя, и оно потухло. Это былъ самый тотъ день и часъ, когда преподобный бѣжалъ съ пира царскаго. Тогда еще бѣльшимъ уваженіемъ исполнился Царь къ блаженному Василю. Спустя нѣсколько времени случились въ Москвѣ люди Новгородскіе; они узнали святаго Василю, что это былъ тотъ самый, который потушилъ запаленіе города, и поймали его у Варварскихъ воротъ, когда хотѣлъ

отъ нихъ убѣжать; весь народъ прославилъ Господа дивнаго во Святыхъ своихъ.

Пришло на мысль Царю соорудить себѣ домъ на Воробьевыхъ горахъ; приступилъ онъ къ строению и однажды въ день праздничный, пришедши въ церковь помышлялъ о томъ, какъ бы довершить ему благолѣпно зданіе. Пришелъ въ тотъ же храмъ и Святый Василій и, утаившись отъ лица царскаго, сталъ въ углу, взирая на Царя и внутреннимъ окомъ наблюдая, что совершается въ мысляхъ его. Послѣ божественной службы, взошелъ Царь въ свои палаты и вслѣдъ за нимъ блаженный Василій. Державный сталъ вопрошать его: гдѣ былъ во время литургіи?—Блаженный отвѣчалъ ему: «тамъ же, гдѣ и ты» и когда Царь говорилъ что не видѣлъ его, «я же видѣлъ тебя», возразилъ опять блаженный, и даже тамъ, гдѣ ты истинно былъ, въ храмѣ, или въ иномъ мѣстѣ».—«Нигдѣ не былъ я, какъ только въ храмѣ, сказалъ Царь; но блаженный обличилъ тайную его мысль. «Нѣтъ, я видѣлъ тебя мысленно ходящимъ по Воробьевымъ горамъ и строящимъ дворецъ свой; и такъ ты не былъ во храмѣ Господнемъ, а Василій тамъ былъ, ибо послѣ пѣнія: всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, со святыми Херувимами поклонялся онъ Богу, ни о чемъ земномъ не помышляя, стоять же въ храмѣ и помышлять житейское, значить не быть въ немъ. Умилился Царь и сказалъ: «такъ истинно было со мною», и еще бо-

лѣ сталъ бояться блаженнаго, какъ обличителя тайныхъ его мыслей.

«Истинное свидѣтельство и отвърагъ приносится», говоритъ Святая Церковь, восхваляя блаженнаго Василія; дѣйствительно и самые враги Христовы повѣдали чудодѣйственную силу Божию видимымъ предстательствомъ о нихъ Преподобнаго. Случилось кораблю Персидскому, въ которомъ много было народа, плыть по Каспійскому морю; поднялся бурный вѣтръ и волны начали заливать корабль, такъ что уже не было больше надежды на спасеніе; кормчій не правилъ кораблемъ, ибо утратилъ путь посреди бурной стихіи.— Вмѣстѣ съ Персіянами находились на кораблѣ нѣсколько православныхъ Христіанъ: вспомнили они въ часъ опасности блаженнаго Василія и сказали плившимъ съ ними невѣрнымъ: «есть у насъ на Руси въ Москвѣ блаженный Василій, который ходитъ по водамъ и волны его слушаютъ; онъ имѣетъ великое дерзновеніе ко Христу Богу нашему и силенъ избавить отъ потопленія корабль нашъ, погружаемый волнами и спасти насъ».— Едва произнесли слово сіе, увидѣли обнаженнаго мужа, стоящаго на водахъ, который взялъ корабль ихъ за руль и направлялъ посреди бурныхъ волнъ; еще не много—утихли волны и престалъ вѣтръ, и всѣ спаслись отъ предстоящей гибели.— Возвратившіеся въ свою землю Персіяне, возвѣстили Хану своему о бывшемъ чудѣ; Ханъ же послалъ о томъ сказать Царю Русскому Іоанну

Васильевичу, и когда нѣкоторые изъ спасенныхъ Персіанъ пришли по торговымъ промысламъ въ Москву, узнали они Христа ради юродиваго на стогнахъ, что это былъ тотъ самый, который избавилъ ихъ на морѣ, и прославили Бога Христіанскаго.

Одинъ изъ вельможъ Московскихъ любилъ блаженнаго Василія и самъ Василій не рѣдко посѣщалъ его. Однажды когда пришелъ къ нему въ лютый морозъ, бояринъ сталъ умолять его, чтобы по крайней мѣрѣ въ такое суровое время прикрылъ наготу свою.—«Истинно ли желаешь сего спросилъ его Христа ради юродивый,—«Истинно желаю, отвѣчалъ бояринъ, чтобы ты облекся въ мои одежды, ибо люблю тебя отъ всего сердца.»— Улыбнулся блаженный и сказалъ: «добро господинъ мой, дѣлай какъ хочешь, ибо и я тебя люблю». Обрадовался бояринъ и вынесъ ему собственную лисью шубу, покрытую краснымъ сукномъ, и Василій облекшись ею устремился по стогнамъ. Лукавые люди, увидя издали святаго въ столь необычайной одеждѣ, умыслили коварно испросить у него шубу. Одинъ изъ нихъ легъ на дорогѣ и представился какъ бы мертвымъ; другіе же, когда приблизился къ нимъ юродивый пали предъ нимъ на землю и просили подать имъ что-либо для погребенія лжеумершаго. Воздохнулъ Василій изъ глубины сердца о ихъ окаянствѣ и спросилъ: «истинно ли мертвъ клеветъ ихъ и давно ли скончался?» Они отвѣчали: «что въ сію

волько минути», и блаженный, снявъ съ себя шубу, покрылъ мнимо усопшаго, говоря: «Писано въ псалмахъ: лукавнующіе потребятся». — Едва только отошелъ онъ, товарищи стали будить мертваго, думая что заснулъ, но онъ уже болѣе не восталъ, ибо дѣйствительно умеръ.

Проходилъ по торжищу Христа ради юродивый, гдѣ сидѣли женщины, продававшія свое рукодѣлье; посмѣялись онѣ наготѣ его и всѣ ослѣпли. Одна изъ нихъ будучи разумнѣе другихъ, какъ только почувствовала, что лишается зрѣнія, воспользовавшись остаткомъ свѣта, устремилась вслѣдъ за Василіемъ, умоляя его остановиться. Со слезами припала она къ ногамъ его, раскаяваясь въ своемъ согрѣшеніи, и блаженный добродушно сказалъ ей: «прозришь, если исправишься.» Онъ дунулъ ей на глаза и она прозрѣла. Исцѣленная умолила его возвратиться къ ея подругамъ, сидѣвшимъ на торжищѣ въ слѣпотѣ своей; человекъ Божій снисходительно исполнилъ ея желаніе и всѣмъ имъ возвратилъ зрѣніе.

Пришелъ онъ въ корчемницу, которой хозяинъ былъ золь сердцемъ и съ бранью подносилъ вино, часто повторяя имя демонское. Блаженный Василій сталъ въ дверяхъ и, скорбя духомъ, смотрѣлъ на приходившаго пить; вслѣдъ за нимъ вошелъ человекъ, трясущійся тѣломъ отъ многого пьянства, который просилъ корчемника скорѣе дать ему за деньги вина, но тотъ отъ нетерпѣнія, въ порывѣ злобы, крикнулъ на него: «Лукавый да возъ-

меть тебя пьяницу, мѣшающаго мнѣ подносить лучшимъ тебя». — Услышавъ такое слово, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ пришедшій, принимая изъ рукъ его вино; а блаженный Василій, какъ бы юродствуя, громко засмѣялся и рукоплескалъ ему, говоря: «Хорошо сдѣлалъ ты, человѣкъ, такъ и всегда дѣлай, чтобы спастись отъ невидимаго врага». — Бывшіе въ корчемницѣ спрашивали о причинѣ смѣха; разумно отвѣчалъ имъ Христа ради юродивый: «когда корчемникъ призвалъ имя лукаваго, взошелъ онъ, съ его словомъ, въ сосудъ; когда же хотѣвшій пить вино оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, вышелъ изъ сосуда демонъ и бѣжалъ изъ корчмы; я же смѣялся отъ великой радости и хвалю помнящихъ Христа Спаса нашего и осѣняющихъ себя во всѣхъ дѣлахъ своихъ, крестнымъ знаменіемъ, которая отражаетъ всю силу вражію.» —

Если иногда проходилъ юродивый мимо такого дома, въ которомъ совершалось молебное пѣніе, или читали Божественное писаніе, или бесѣдовали о Богѣ, онъ собиралъ камни и съ улыбкою металъ ихъ въ углы сего дома. Когда же спрашивали люди, которые привыкли вопрошать о странныхъ его дѣйствіяхъ, для чего бросаетъ камни? онъ отвѣчалъ: «Отгоняю бѣсовъ, которымъ нѣтъ мѣста въ такомъ домѣ, исполненномъ святыми, чтобы и внѣ его не прилѣплялись, и мысленно благодарю владыку дома, что не даетъ имъ у себя мѣста.» — Если же проходилъ мимо такого дома

гдѣ пили вино, или пѣли безстыдныя пѣсни, или плясали, то со слезами обнималъ углы дома и на вопросы мимоходившихъ отвѣчалъ: «Неподобающее Христіанамъ творится въ этомъ домѣ. Спаситель повелѣлъ намъ непрестанно молиться, да не ввидемъ въ напасть, а не суетными дѣлами утѣшаться; сказано въ Евангеліи: горѣ вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете (Луки IV, 25).—Домъ сей изгоняетъ отъ себя блюстителей своихъ—Ангеловъ Святыхъ, приставленныхъ намъ отъ купели, ибо не терпятъ они такихъ непотребныхъ дѣяній и поелику не обрѣтается имъ мѣста, сидятъ они на углахъ, скорбные и увымые, и я привѣтствовалъ ихъ со слезами, вы же думаете, что я цѣлую углы. Я просилъ ихъ, чтобы они умолили Господа о тѣхъ людяхъ, къ которымъ они были приставлены, да спасутся!»—Внимая такой разумной бесѣдѣ мнимоюродиваго, умилился народъ и благодарилъ Бога за столь чуднаго соувѣтника.

Такъ, въ великомъ подвигѣ многіе годы неуклонно провелъ блаженный Василій, голодомъ и жаждою, зноемъ и мразомъ, и всякими лишеніями распиная плоть свою, какъ истинный рабъ Христовъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ причастникомъ славы его.—Когда же, по Божіему усмотрѣнію, настало время земному обратиться въ землю, предсмертная болѣзнь объяла преподобнаго и въ первый разъ возлегъ онъ на одрѣ. Услышавъ о близкомъ его преставленіи, благовѣр-

ный Царь Иоаннъ, съ супругою своею Анастасіею и дѣтьми Иоанномъ и Теодоромъ, пришли принять его благословеніе. Блаженный, уже при послѣднемъ издыханіи, пророчески сказалъ Царевичу Теодору: «Все прародителей твоихъ твоимъ будетъ и будешь имъ наслѣдникъ.» Необычайная радость осіяла лице блаженнаго Василя, ибо созерцалъ онъ пришествіе къ нему Ангеловъ Божіихъ, и такъ предалъ въ руки ихъ праведную свою душу.—Чудное благовоніе распространилось отъ тѣла Святаго, почти весь городъ собрался на его погребеніе. Умиленное было зрѣлище: Царь и Князья, на раменахъ своихъ, сами понесли тѣло его въ церковь и провожалъ его Митрополитъ со всѣмъ своимъ клиромъ, народъ же, со слезами взывалъ: «О блаженный Василю! молись прилѣжно Христу Богу за градъ нашъ Москву и за всѣ Россійскіе грады и веси, и за Христолюбиваго Царя и воинству его буди пособникъ на супостатовъ.» Царь и Царипа проливали слезы, вмѣстѣ радостныя и скорбныя: скорбныя о лишеніи такого подвижника, радостныя же о его прославленіи; и многіе тогда получили исцѣленіе чрезъ прикосновеніе къ святымъ мощамъ.—Съ великою честію похоронилъ его Святитель Макарій, близъ малой деревянной церкви Святыя Троицы, на мѣстѣ, гдѣ воздвигнуть Покровскій Соборъ, 2 Августа 1557 года. Всей жизни блаженнаго было 88 лѣтъ, изъ коихъ юродствовалъ онъ 72 года.

Съ кончиною блаженнаго не окончилась память богоугодной его жизни и славныхъ дѣлъ, но напротивъ возвеличилась: ибо по его преставленіи, какъ свидѣтельствуесть жизнеописатель, безчисленныя чудеса совершались надъ его ракою, которыя невозможно было всѣ записать, ради ихъ множества; не только жители царствующаго града, приходившіе съ вѣрою къ мѣсту его погребенія, почерпали исцѣленіе отъ своихъ недуговъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, но и въ отдаленныхъ предѣлахъ царства Русскаго сдѣлалось извѣстнымъ славное имя преподобнаго. Многіе болящіе, для которыхъ безсилна была помощь человѣческая, вразумляемы были въ сновидѣніяхъ, прибѣгнуть къ молитвамъ блаженнаго Василія, и изъ дальнихъ странъ предпринимали, при своей немощи, трудный путь въ царствующій градъ, гдѣ получали по вѣрѣ своей исцѣленіе. Наконецъ приспѣло, по усмотрѣнію Божию, время, въ которое имя Василія Блаженнаго, написанное на небесахъ въ Церкви первородныхъ, должноствовало быть прославленнымъ и на землѣ Церковію, воинствующею подъ знаменіемъ Креста Господня.

Въ тридцать первый годъ послѣ его преставленія, уже при державѣ благочестиваго Царя Феодора Иоанновича и при Святѣйшемъ Патріархѣ Іовѣ, прославилъ Господь многими знаменіями святость угодника своего, въ самый день его памяти, при великомъ стеченіи народа, множае ста двадцати болящихъ внезапно получили исцѣ-

леніе. Царь и Святитель, принимая знаменіе сіе съ несомнѣнною вѣрою, воздали хвалу Богу, благоволявшему въ ихъ времена проявить своего угодника, и повелѣли ко вновь сооруженному храму Покрова Богоматери, пристроить придѣлъ во имя сего блаженнаго, въ которомъ до нынѣ почиваютъ святыя его мощи. Изъ множества исцѣленій, здѣсь описываются только нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя:

Въ слободѣ Московской, называемой Бараши, женщина, по имени Татіана, лишилась зрѣнія и уже цѣлый годъ ничего не видала; слышала она о исцѣленіяхъ, которыя подавалъ Господь чрезъ своего угодника, и часто ходила молиться на его гробницу. Однажды, возвратясь домой, погрузилась въ глубокой сонъ и увидѣла святолѣпнаго мужа, который говорилъ ей: «много разъ видѣлъ я тебя у гроба моего, но не было времени исцѣлить тебя; если хочешь быть здоровою, иди сего дня къ Живоначальной Троицѣ и Пречистой Богородицѣ, приложись ко гробу блаженнаго Василия, и исцѣлитъ тебя Богъ!»—Слѣпая отвѣчала: «желаю получить здравіе, но не знаю откуда», и слышала опять голосъ: «только дерзай и вѣра твоя спасетъ тебя.»—Воспрянувъ отъ сна, въ страхъ и радости почувствовала она, что исцѣлилась отъ болѣзни, и разсказа мужу бывшее ей видѣніе. Оба устремились ко гробу блаженнаго отслужить благодарный молебенъ, и тамъ повѣ-

дали о исцѣленіи Протоіерею соборному Димитрію.

Сынъ боярскій изъ города Вологды, Василій Копятовъ, страдалъ ногами, такъ что не могъ двинуться съ мѣста въ теченіи года. Пришло ему на мысль, просить себѣ исцѣленія у гроба блаженнаго Василя, и собрался онъ въ дальній путь на костыляхъ, сильный вѣрою, хотя и немощный тѣломъ; но болѣзнь одолѣла и онъ долженъ былъ остановиться отъ разслабленія.—Не зная, что ему дѣлать, мысленно обратился онъ къ Угоднику Божию и воскликнулъ: «Помоги мнѣ и избавь отъ моего недуга!»—Едва лишь произнесъ слово сіе, какъ услышалъ отвѣтный голосъ: «Если хочешь получить исцѣленіе, иди приложиться къ моему гробу»; и въ ту же минуту почувствовалъ себя совершенно разрѣшеннымъ отъ болѣзни; уже не для исцѣленія, но по чувству благодарности, продолжалъ онъ путь свой и, со слезами умиленія, облобызалъ раку блаженнаго Василя.

Пришла изъ Пскова женщина, по имени Евдокія, одержимая крайнею нищетою. Шестъ лѣтъ была она лишена зрѣнія и не владѣла правою рукою, но при всей своей немощи, не усумнилась идти въ Москву. Близъ города Ржева, изнемогая отъ болѣзни, призвала она на помощь блаженнаго Василя, и онъ, встрѣтивъ ее на пути, исцѣлилъ своимъ явленіемъ; такимъ образомъ она могла довершить молитвенный обѣтъ свой на его гробѣ.

Въ день памяти блаженнаго, въ присутствіи Царя и Патріарха, женщина Агрипина, три года ничего не видѣвшая, стояла въ притворѣ и плакала о слѣпотѣ своей, ибо не могла достигнуть до священной раки сквозь народную толпу. — «Горе мнѣ убогой странницѣ, взывала она, не могу сподобиться поклоненія честныхъ твоихъ мощей.»—Когда же Царь и Патріархъ вышли изъ храма на лобное мѣсто, нѣкто сжалившись надъ слѣпою, взялъ ее за руку и подвелъ къ ракѣ; тутъ она внезапно прозрѣла предъ всѣмъ народомъ.

Немного дней спустя, человекъ изъ селенія Яропольца, по имени Лукіанъ, два года страдавшій главною болѣзнію, пришелъ поклониться гробу блаженнаго Василія и пробылъ тамъ всю ночь на молитвѣ. На разсвѣтѣ, послѣ утрени, когда стали пѣть канонъ Святому, почувствовалъ онъ облегченіе и, при чтеніи Евангелія, совершенно прозрѣлъ, какъ только покропили его святою водою.

Инокня Марѳа изъ Ростова, у которой вся голова покрыта была язвами и отекли глаза, по совѣту сердобольныхъ людей хотѣла просить милости у блаженнаго Василія и общалась идти помолиться надъ его ракою; но скорый помощникъ въ скорбяхъ не ожидалъ прихода скорбящей черноризицы и милостиво издѣлалъ ее на пути. — Такъ и другая женщина изъ города Коломны,

по имени Анна, семь лѣтъ страдавшая болѣзнію сердца, собравшись въ обѣтный путь для поклоненія блаженному, исцѣлилась отъ своего недуга на половинѣ дороги.

Въ подгородномъ селеніи была женщина, по имени Евдокія, которая имѣла великую вѣру къ блаженному Василю и дала обѣтъ идти къ его гробу отслужить благодарный молебень, но по слабости человѣческой отлагая день отъ дня исполненіе своего обѣта, почти о немъ забыла. Однажды утромъ, выходя изъ дома своего на работу, встрѣтилъ ее какъ бы порывъ бури и внезапно почувствовала она расслабленіе во всѣхъ своихъ членахъ. Тогда невольно вспомнила обѣтъ свой и просила присныхъ отвести ее на гробъ блаженного, гдѣ, по усердной молитвѣ возвратилось ей здравіе.

Земледѣлецъ Косьма, болѣвшій глазами, уже нѣсколько лѣтъ ничего не видѣлъ лѣвымъ глазомъ, собрался онъ въ путь, чтобы поклониться ракъ преподобнаго и на ночлегъ явился ему во снѣ блаженный Василій, который укорялъ его, для чего прежде не хотѣлъ идти къ нему просить разрѣшенія: ему казалось, что Святой дунуль на лѣвый глазъ его, и съ той минуты онъ прозрѣлъ.

Убогій по имени Юсифъ, жившій въ царствующемъ градѣ, скитался по улицѣ Покровской, будучи нѣмъ отъ рожденія и просилъ милостыню; иногда же нападали на него припадки бѣснава-

нія и опасенъ былъ въ такія минуты тѣмъ, съ кѣмъ встрѣчался.—Съ большимъ трудомъ привлекли его на гробъ преподобнаго, но какъ только отпѣли молебень и окропили святою водою, открылся языкъ его, и онъ прославилъ угодника Божія.

Убогій черноризецъ Герасимъ, жившій въ Спасскихъ вратахъ, ползалъ на колѣняхъ двѣнадцать лѣтъ, прося милостыню. Однажды явился ему блаженный Василій и спросилъ: «Старче! сколько лѣтъ, ползаешь ты на колѣняхъ?»—«Двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ убогій, и все что имѣлъ, роздалъ по врачамъ, но безъ всякой пользы.»—Блаженный возразилъ ему: «для чего, старче, не вѣруешь ты Святымъ, отъ которыхъ можно принять исцѣленіе безъ всякой мзды; вѣруешь ли, что можетъ Богъ тебя исцѣлить!»—«Вѣрую, Господи, воскликнулъ старецъ, и твоими молитвами помилуетъ меня Богъ». — Явившійся велѣлъ ему идти на гробъ Христа ради юродиваго, чтобы тамъ получить исцѣленіе; и когда исполнилъ обѣтъ сей и пришелъ поклониться гробу, въ то же время получилъ разрѣшеніе отъ болѣзни.

Женщина, по имени Евѣмія, пѣт окрестностей столицы, будучи въ совершенномъ убожествѣ, впадала въ бѣснованіе и тридцать пять лѣтъ страдала симъ жестокимъ недугомъ. Много скорбѣла она о сиротствѣ своемъ и болѣзни, доколѣ не сжалился надъ нею блаженный; предсталъ онъ ей однажды въ сонномъ видѣніи и сказалъ: «ес-

ли хочешь быть здоровою, иди ко гробу моему и исцѣлишь тебя Богъ!» Она же, какъ бы на яву, отвѣчала Святому: «Не имѣю, что принести въ даръ и потому стыжусь идти;» но блаженный возразилъ ей; «если вѣруешь, получишь исцѣленіе, ибо не ради мзды бываютъ различныя дарованія отъ Бога.»—Сказавъ сіе, скрылся отъ взоровъ; она же, возставъ въ страхъ и радостномъ трепетѣ, стала собираться въ путь. Встрѣтился ей дорогою странникъ и подалъ серебрянную деньгу.—Съ теплою вѣрою достигла она до царствующаго града и пришла въ храмъ, гдѣ собралось множество народа, почерпавшаго исцѣленіе душевное и тѣлесное у священной раки; тамъ обрѣла оное и убогая жена сія и освободилась отъ тяжкаго своего недуга, при окропленіи святою водою.

Патріаршій поваръ, по имени Θεодоръ, два года страдалъ головою болѣзнію.—Пришла ему мысль о чудесахъ блаженнаго Василія и со слезами пошелъ онъ къ священной его ракѣ просить себѣ исцѣленіе.—Въ ту же ночь увидѣлъ онъ себя во снѣ, какъ бы у гроба Василіева, и самаго блаженнаго, сядящаго въ своей ракѣ, съ двумя святолюбными мужами по сторонамъ ея.—«Что скорбишь о сей болѣзни, сказалъ ему Святой, проси дерзновенно, чтобы за тебя молились всѣ предстоящіе и будешь исцѣленъ.»—При сихъ словахъ сдѣлался невидимъ и въ ту же минуту про-

снулся болящій и почувствовалъ себя псѣленнымъ.

Много пныхъ чудесъ повѣдали намъ отцы наши, которыя исполняютъ сердце наше теплою вѣрою къ сему блаженному подражателю древнихъ угодниковъ Божіихъ, и мы къ нему также съ теплою вѣрою взываемъ, устами Церкви:

«О преблаженный Василій! молись прилѣжно Христу Богу за градъ нашъ Москву и за всѣ Россійскіе грады и веси, и за Христолюбиваго Царя и воинству его буди одолѣніемъ на супостаты.»

(Изъ Пролога, Степенной Книги и древней рукописи, хранящейся въ Покровскомъ соборѣ).

3-го Августа, преподобныхъ Отець: Исаакія Далмата и Фавста.

Въ тотъ же день преподобнаго Антонія Римлянина, Новгородскаго Чудотворца.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ РИМЛЯНИНА НОВГОРОДСКАГО
ЧУДОТВОРЦА.

Таинственно было явленіе Римлянина въ предѣлахъ Новгородскихъ; но вѣрующее сердце въ памятованіи о великихъ знаменіяхъ, которыми не разъ прославлялъ Господь своихъ угодниковъ, чтобы посредствомъ ихъ утвердить вѣру въ народахъ, найдетъ вѣрное средство къ отраженію всѣхъ могущихъ родиться недоумѣній.

Старый Римъ былъ отечествомъ преподобнаго, въ бѣдственную годину для Церкви Православной, когда уже послѣдовало отпаденіе Римскаго Епископа, по духу превозношенія, и возникли вмѣстѣ съ крестовыми походами гоненія на державшихся праваго исповѣданія отцевъ своихъ. Антоній сынъ богатыхъ родителей, съ юнаго возраста пожелалъ житія иноческаго и, раздавъ все родительское наслѣдіе нищимъ, заключилъ нѣкоторые священные сосуды и драгоценности

въ дельву (т. е. бочку), и бросилъ ее въ море по таинственному движенію сердца, а самъ бѣжалъ изъ Рима въ пустыню въ обитель иноческую. Тамъ провелъ онъ въ строгомъ постѣ и молитвѣ болѣе двадцати лѣтъ, проходя самый тяжкій искусъ; когда же и оттолкъ изгнало его гоненіе Латинянъ, разграбившихъ обитель, онъ скрывался нѣкоторое время въ горахъ, наконецъ, пришедши на берегъ моря, основался, какъ нѣкій древній столпникъ, на камнѣ, обмываемомъ морскою волною, безъ всякаго покрова отъ непогоды. Образъ Божій всегда былъ начертанъ въ его сердцѣ и, какъ отраженіе сего дивнаго образа, ему непрестанно видѣлась на облакахъ икона предвѣчнаго Младенца на лонѣ Его божественной Матери, осѣняющая его отъ бурь житейскихъ и стихій. Невидимо протекло годичное время въ такомъ духовномъ созерцаніи, и вотъ однажды, нечувствительно для Святаго, волна морская отторгла отъ берега камень на которомъ онъ стоялъ, и понесла далеко въ пучину, безъ всякой для него туги или боязни, а восторженная молитва, съ воздѣяніемъ рукъ, служила ему пищею во время сего чуднаго плаванія, безъ ладьи и кормила, съ единымъ надежнымъ кормчимъ Господомъ Иисусомъ.

Преплылъ онъ море и вошелъ въ устье рѣки, и наконецъ почувствовалъ, что камень его причалилъ къ берегу; ему слышится дальній утренній благовѣстъ, и ужаснувшійся Антоній мнитъ

себя въ сосѣдствѣ враждебнаго ему Рима: подходятъ къ нему жители невѣдомой страны и онъ не разумѣетъ языка ихъ, они же съ изумленіемъ смотрятъ на чуждаго пришельца, который не смѣетъ сойти съ своего камня, гдѣ домъ его и твердыня, уже испытанная среди бурь. И вотъ послѣ трехдневной молитвы, посылаетъ ему Господь гостя Греческаго, разумѣющаго языкъ Латинскій; труженикъ спрашиваетъ его о градѣ и странѣ, которыхъ столь чудно достигъ, и о ихъ разстояніи отъ Рима, и съ изумленіемъ слышитъ что предъ нимъ великій Новгородъ и Св. Софія, что камень его не на водахъ Тибра, а на Волховѣ, который отстоитъ на полугодишный путь отъ древней столицы; ему же трехдневнымъ казалось сіе таинственное странствіе на пучинахъ. Вслѣдъ за гостемъ входитъ онъ въ великій Новгородъ, гдѣ обладаетъ сынъ Мономаховъ Мстиславъ, вступаетъ и въ Св. Софію, гдѣ священнодѣйствуетъ Святитель Никита, и душа пришельца, гонимаго на своей родинѣ за вѣру предковъ, исполняется несказанною радостію, при видѣ благолѣпія службы Православной, столь убогой на оставленномъ имъ Западѣ. Но еще Римлянинъ не смѣетъ предстать Владыкѣ, не вѣдая языка его и, возвратясь на свой камень, опять молить Господа даровать ему сіе познаніе, дабы онъ могъ свободно объясняться съ своими новыми соотечественниками, и Господь посылаетъ ему даръ языковъ: когда слухъ о пришельцѣ достигъ

до Святителя, уже Антоній призванный въ палаты Архіерейскія, могъ съ нимъ обясняться на собственномъ его нарѣчїи.—Сперва на вопросы Святителя, о мѣстѣ рожденія, странникъ отвѣтствовалъ только, что онъ недостойный инокъ; но когда владыка, по внушенію духа, назвалъ по имени пришельца и повелѣлъ ему ради послушанія открыть всю истину, тогда со смиреніемъ исповѣдалъ предъ нимъ Антоній свою чудную повѣсть и падши къ ногамъ его, умолялъ со слезами сохранить ее въ тайнѣ, дабы избѣжать славы человѣческой.—Ужаснулся Епископъ Никита, внимая пришельцу, который являлся ему какъ бы нѣкій Ангель, и воздавъ хвалу Богу, дивному во святыхъ своихъ, простерся самъ къ ногамъ преподобнаго, прося его молитвъ. Оба лежали другъ предъ другомъ на землѣ, взаимно прося себѣ благословенія, ради обоюднаго ихъ смиренія, и наконецъ Святитель, по долгу пастырскому, благословилъ инока и насладившись его бесѣдою, отпустилъ съ миромъ.—Самъ онъ посѣтилъ его на избранномъ имъ мѣстѣ, и испросивъ мѣсто сіе у посадниковъ, отдалъ пришельцу, дабы онъ тутъ основалъ свою обитель. Скоро возникла на берегу Волхова, не далеко отъ города, малая деревянная церковь во имя Рождества Богоматери, которая осѣнила видимымъ своимъ покровомъ труженика, ибо на канунъ ея праздника присталъ онъ къ землѣ Новгородской: нѣсколько келлій соорудилось также около церкви

и мало по малу стала въ нихъ собираться братія какъ пчелы въ устроенный для нихъ улей.

Новое чудо ознаменовало начало монастыря. Однажды преподобный Антоній просилъ рыбарей трудившихся напрасно цѣлую ночь, закинуть еще разъ сѣти въ Волховъ, и далъ имъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы все, что извлекутъ они изъ воды, принадлежало его возникавшей обители. Къ общему изумленію, вмѣстѣ съ множествомъ рыбы, едва не прорвавшей неводъ, извлечена была бочка, скованная желѣзными обручами, которую призналъ своею, тою самою, что нѣкогда бросилъ онъ въ море, еще будучи въ Римѣ; но рыбаари, обрадовавшись нечаянной добычѣ, не хотѣли отдать ее законному обладателю, хотя онъ уступалъ имъ всю пойманную рыбу.—Дѣло дошло до посадниковъ, и хотя рыбаки увѣряли, будто бочка сія издавна имъ принадлежала, истина обличилась на судѣ, когда преподобный объявилъ, какія именно драгоценности въ ней заключены, и ему присуждено было его достояніе. Онъ положилъ всѣ сіи сокровища въ ризницу Софійскую и, по совѣту Святителя, началъ сооружать новую каменную церковь Рождества Богоматери, вмѣсто деревянной, употребляя на строеніе золото, обрѣтенное въ бочкѣ, и раздавая убогимъ добротныя даванія гражданъ въ пользу обители.—Въ скоромъ времени Св. Епископъ Никита предалъ праведную душу свою Богу; столь же богобоязненный мужъ Св. Нифонтъ занялъ каее-

дру Софійскую, сохраняя ту же любовь къ Преподобному. Уже четырнадцать лѣтъ подвизался Антоній въ распространявшейся обители, когда братія стали умолять его, дабы воспріять надъ ними совершенное начальство, въ санѣ игумена съ степенью пресвитерскою, и не смотря на свое смиреніе, не могъ онъ отказать пламенной молитвѣ своихъ иноковъ. Святый владыка Нифонтъ съ радостію рукоположилъ его въ пресвитера, и еще 16 лѣтъ игуменствовалъ блаженный пришелецъ Римскій въ созданной имъ обители, доколѣ не настигъ его послѣдній часъ. Предчувствуя кончину, онъ собралъ вокругъ себя плачущую братію, утѣшилъ ее словами Писанія и далъ ей настоятелемъ нѣкоего инока Андрея, которому открылъ свою чудную повѣсть, заповѣдавъ предать ее будущимъ родамъ, во славу Божию.—Мѣсяца Августа въ 3-й день 1147 года представился онъ отъ временной жизни въ вѣчную, послѣ 80-ти лѣтняго на землѣ подвига и былъ погребенъ въ созданной имъ церкви.

ОБРЪТЕНІЕ МОЩЕЙ И ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ.

Святость преподобнаго Антонія обнаружилась вскорѣ въ чудныхъ знаменіяхъ, и первый испыталъ благоую его помощь игумень обители его Кириллъ. По злобѣ демонской келарь вложилъ отраву въ его пищу и вкусившій ее уже отчаявался въ жизни, ибо вся его внутренность горѣла отъ жестокаго яда; вспомнилъ онъ посредитерзаній слова Господни: «аще и что смертно испиете, не вредитъ вамъ» (Марк. XVI, 18) и еще: «просите и дастся вамъ» (Мате. VII, 7), обратился съ молитвою къ Господу и Пречистой Его Матери, призвалъ къ себѣ на помощь и преподобнаго Антонія, и по вѣрѣ своей получилъ исцѣленіе, ибо внялъ его молитвѣ усердный заступникъ созданной имъ обители. Исполненный благодарности Игумень поставилъ подъ особую сѣнь тотъ камень, на которомъ чудно прибылъ онъ изъ Рима и внесъ въ церковь къ его гробу тѣ тростники морскіе, которые привезъ съ собою Антоній, ибо и отъ нихъ бывали исцѣленія вѣрующимъ.

При томъ же Игуменѣ Кириллѣ, проявились и чудныя мощи великаго Антонія, послѣ 450 лѣтняго пребыванія ихъ въ нѣдрахъ земли: это бы-

ло во дни Святѣйшаго Патріарха Іова, при державѣ благочестиваго Царя Θεодора Іонновича, когда на Софійской кафедрѣ возсѣдалъ первый Митрополитъ Новгорода Александръ. Жилъ въ обители старецъ Ананій, иконописецъ, весьма богоговѣнный, который 33 года не выходилъ за ограду и великую питалъ вѣру къ преподобному; былъ у него ученикъ, по имени Нифонтъ, котораго наставлялъ онъ къ богоговѣнному образу жизни.—Скончался Ананій въ 1581 году и ученикъ поселившійся въ келліи его, свято исполнялъ правило, которое отъ него принялъ. Однажды послѣ правила былъ онъ сведенъ въ тонкій сонъ; ему представилось, что онъ въ монастырской церкви Рождества Богоматери, гдѣ видимо созерцалъ на престолѣ Господа, окруженнаго ликомъ Ангеловъ и множество птицъ небесныхъ летающихъ по монастырю. Воспріянувъ отъ видѣнія, помышлялъ самъ въ себѣ инокъ, не знаменуетъ ли оно, что и преподобный Антоній хочетъ себѣ устроить раку поверхъ земли, подобно Святителю Никитѣ, съ которымъ вмѣстѣ сооружалъ церковь, и онъ повѣдалъ о томъ духовнику и опытнымъ старцамъ, ибо много тогда совершалось исцѣленій надъ гробомъ преподобнаго. Часто приходилъ Нифонтъ молиться надъ гробомъ блаженнаго Антонія и однажды, во время молитвы, приподнялъ доску, которая была во главѣ раки, для того, чтобы созерцать мощи блаженнаго, ибо они лежали поверхъ земли, хотя и

ниже помоста церковнаго; съ радостнымъ изумленіемъ увидѣлъ инокъ совершенное ихъ нетлѣніе и самый покровъ на нихъ въ цѣлости, и горько ему стало, что такое великое сокровище положено въ забвеніи.—Спустя нѣсколько времени, пришло ему на мысль приподнять каменный гробъ съ мощами изъ глубины могилы, чтобы братія могла цѣловать ихъ, и онъ пришелъ открыть игумену Кириллу желаніе своего сердца, не утаивъ и то, какимъ образомъ удостовѣрился въ нетлѣннн святыхъ мощей. Игумень, посовѣтовавшись съ болѣе опытными изъ числа братіи, самъ освидѣтельствовалъ гробницу Св. Антонія и убѣдился въ истинѣ словъ Нифонта, который непрестанно побуждалъ Настоятеля открыть святія мощи; но не дерзалъ онъ къ сему приступить безъ дозволенія своего владыки. Митрополитъ обѣщалъ извѣстить о томъ Царя и Патріарха, но не успѣлъ сего исполнить, ибо вскорѣ скончался.

Между тѣмъ Игумень Кириллъ вызванъ былъ въ Архимандрита Лавры Сергіевой и на мѣсто его поставленъ Игумень Трифонъ, котораго также не преставаъ возбуждать усердный Нифонтъ къ совершенію богоугоднаго дѣла; но и самъ Нифонтъ вынужденъ былъ обстоятельствами оставить свою обитель и переселиться въ Лавру къ бывшему своему Настоятелю Кириллу; видя какъ уважаетъ его и Царь и Патріархъ, убѣждалъ его усердный инокъ доложить о томъ Державному,

который и самъ пыталъ больную вѣру къ подобному Антонію.

Исполнилъ наконецъ усердное желаніе пнока Архимандритъ Кириллъ, и Царь изумился, услышавъ о сокровищѣ нетлѣнныхъ мощей, которое хранилось столько вѣковъ подъ спудомъ. Посоветовавъ о томъ съ Патріархомъ Іовомъ, онъ повелѣлъ написать грамоту Митрополиту Новгородскому Варлааму, заступившему мѣсто Александра, объ открытіи святыхъ мощей. Не вдругъ однако приступилъ къ сему дѣлу благоговѣйный Варлаамъ и положилъ сперва соборно о томъ молить самого Угодника Божія. Было стоявшему на молятвѣ Святителю нѣкое чудное откровеніе о преподобномъ, было и настоятелю обители Трифону, который внезапно услышалъ въ тишинѣ ночи торжественный звонъ ея колоколовъ, предзнаменовавшихъ долженствовавшее совершиться торжество, и оно совершилось къ общему утѣшенію всѣхъ православныхъ. — Когда сняли богато украшенную гробницу, осѣнявшую мѣсто, гдѣ погребенъ былъ преподобный, чудное пролилось благоуханіе, и открылось нетлѣнное тѣло, лежавшее на камнѣ, какъ нѣкогда на камнѣ совершилъ Антоній чудное свое плаваніе изъ Рима. Такъ и было оно приподнято на камнѣ изъ пѣдръ земли, для переложенія въ священную раку и множество исцѣленій потекли отъ святыхъ мощей.

Первая сподобилась испытать надъ собою благодатную силу сію разслабленная женщина, изъ

предѣловъ Новгородскихъ, которая увидѣла въ тонкомъ снѣ свѣтлаго старца, приглашавшаго ее въ обитель Антоніеву, для полученія здравія, и дѣйствительно надъ ракою преподобнаго разрѣшилась она отъ своего недуга. Въ самомъ Новгородѣ, слѣпой отъ рожденія и три посадскихъ человѣка, страдавшіе различными болѣзнями, получили исцѣленіе у гроба преподобнаго; и по сему случаю совершенъ былъ самимъ Митрополитомъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ обитель, и тогда переложены были съ подобающею честію, святыя мощи въ новую раку и поставлены надъ прежнею могилою въ созданной самимъ Антоніемъ церкви Рождества Богородицы; это происходило 1-го Іюля 1597 года и день сей положено было праздновать въ обители. — Много иныхъ исцѣленій въ тотъ знаменательный день совершилось въ обители преподобнаго, и съ радостною вѣстію о томъ посланъ былъ отъ Митрополита игуменъ Трифонъ въ царствующій градъ къ Царю и Патріарху.

Между тѣмъ, пока еще настоятель былъ въ Москвѣ, не оскудѣвали чудеса у раки преподобнаго, какъ бы въ древнія времена Апостольскія: разслабленнымъ возвращались силы ихъ, слѣпымъ зрѣніе, люди, покрытые жестокими язвами, по видимому неисцѣлимыми, совершенно освобождались отъ сихъ тяжкихъ недуговъ, какъ бы никогда не болѣвшіе, не только тогда, когда приносимы были къ священной ракѣ, но и когда мысленно издали призывали имя преподобнаго; бѣснующіе въ узахъ

привлекаемы были ко гробу сего великаго Антонія и внезапно разрѣшались отъ узъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Всѣ сія чудныя знаменія записывались въ обители и ихъ сообщали въ царствующій градъ игумену Трифону, который возвѣщалъ о нихъ Державному и Святителю; радостию исполнялось ихъ сердце, что проявилъ Господь, во дни ихъ, чуднаго свѣтильника въ странѣ Сѣверной, какъ нѣкогда Златоуста въ Команахъ, и прославили они Бога, дивнаго во Святыхъ своихъ.

(Изъ Сборника Житій Святыхъ Новгородскихъ, хранящагося въ Семинаріи въ обители Преподобнаго Антонія).

4-го Августа, святыхъ семи отроковъ, иже во Ефесѣ; и святія преподобномученицы Евдокіи.

5-го числа, предпразднество Преображенія Господа нашего Іисуса Христа; и Святаго мученика Евсигнія.

6-го числа, Святое Преображеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

«Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ твоимъ славу твою, яко же можашу; да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ твой присносущный, молитвами Богородицы, свѣтодавче, слава тебѣ».

7-го числа, святаго преподобномученика Дометія и преподобнаго отца Пимена многоболѣзненнаго Печерскаго.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНАГО ПИМЕНА МНОГОБОЛѢЗНЕННАГО.

Больнымъ родился на свѣтъ блаженный Пимень, больнымъ возросъ, и сія тѣлесная болѣзнь не дала мѣсто душевной; чистъ остался онъ отъ порока и плотскихъ грѣховъ. Много разъ молилъ юноша родителей своихъ, чтобы отдали его въ монастырь, но они, по чадолюбію, возбраняли, желая имѣть его наслѣдникомъ, но самъ Господь устроилъ его участь. Однажды заболѣлъ блаженный свыше мѣры такъ, что отчаявались въ его жизни; тогда неволею вынуждены были родители принести его въ Печерскій монастырь, просить молитвъ у преподобныхъ отцевъ о исцѣленіи сына, но не пользовала ихъ молитва, ибо ее преодолевала молитва самого болящаго, который просилъ у Господа не здравія, но умноженія болѣзни, для того, чтобы исцѣленному, не быть извлечену изъ обители и не лишиться желаемаго. Видя ожесточеніе родителей, которые никакимъ образомъ не хотѣли по-

зволить ему постричься, прилежно сталъ онъ молить Господа, чтобы исполнилъ его желаніе, какими вѣдаетъ судьбами.

Однажды ночью, когда спали въ его келліи родители и слуги, взошли къ нему свѣтлые Ангелы, одни въ образѣ прекрасныхъ юношей, другіе же въ образѣ Игумена и братіи, нося въ рукахъ свѣчи, Евангеліе, власяницу, мантию, куколь и все, что нужно для постриженія, и говорили ему: «хочешь ли, пострижемъ тебя?»—Блаженный отвѣчалъ: «Ей, хочу, Господь послалъ васъ, отцы мои, исполнить давнее желаніе сердца моего.»—Мнимые иноки стали дѣлать ему вопросы по чину, какъ слѣдуетъ въ уставѣ иноческаго постриженія и, постригши въ великій Ангельскій образъ, облекли въ мантию и куколь и нарекли его Пименомъ; они ему дали по обычаю въ руки горящую свѣчу, говоря: «сорокъ дней и ночей да не угаснетъ свѣча сія,» и предсказали ему всегдашнюю болѣзнь, полученіе же здравія—знаменіемъ смерти; исполнивъ все сіе, Ангелы цѣловали его и отошли въ церковь, взявъ съ собою въ убрूसъ остриженные власы его, которые положили на гробѣ преподобнаго Θεодосія.

Братія, бывшая въ сосѣднихъ келліяхъ, слышали голосъ пѣнія и возбудили другихъ иноковъ, полагая, что Игуменъ постригаетъ болящаго, или что уже преставился; они пришли въ ту келлію, гдѣ лежалъ блаженный, но къ чрезвычайному изумленію, всѣхъ тамъ обрѣли спящими, хотя келлія была ис-

полнена благоуханія; боляшаго же увидѣли исполненнаго радостію и облеченнаго въ иноческую одежду. Когда спросили его: «къмъ пострижень? и что за пѣніе было слышно въ его келліи?», онъ отвѣчалъ: «Игумень съ братією приходили постричь меня и нарекли Пименомъ; ихъ пѣніе вы слышали и они дали мнѣ эту свѣчу, которая непрестанно должна горѣть сорокъ дней; власы же мои взявъ въ убрूसъ, удалились съ ними въ церковь.»—Братія пошли въ церковь и нашли, что она заперта; разбудили пономаря и спрашивали: входилъ ли кто послѣ вечерней молитвы? онъ отвѣчалъ: «никто, ибо и ключи у еkkлeсiарха.»—Разбудили его, ибо никому не поручалъ ключей, и въ церкви нашли на гробѣ преподобнаго Θεодосіа власы въ убрूसѣ.—Тогда возвѣстили Игумену, и напрасно искалъ онъ, кто постригалъ блаженнаго Пимена; уразумѣли наконецъ что это совершилось Промысломъ Божиимъ, чрезъ Ангеловъ его святыхъ, и чудное постриженіе сіе было признано дѣйствительнымъ, ибо и власы обрѣлись на гробѣ Θεодосіа и данная свѣча горѣла по обѣщанію сорокъ дней. По сему сказалъ Игумень новопостриженному: «Довлѣетъ тебѣ, братъ Пименѣ, дарованный отъ Бога образъ, но скажи мнѣ, какковы были постригавшіе тебя и не оставили ли чего написаннаго въ книгахъ сихъ постриженія.»—«Что искушаешь меня, отче, возразилъ блаженный Пименъ, не ты ли самъ со всею братією, пришедши ко мнѣ въ келлію, совершилъ надо

мною все, что написано въ книгахъ сихъ; не ты ли еще предсказалъ мнѣ, что подобаетъ мнѣ страдать всю мою жизнь отъ болѣзни, и тогда только, когда приблизится исходъ мой, возвратится мнѣ здравіе, такъ, что я буду въ силахъ, своими руками, понести смертный свой одръ; но моли о мнѣ отче, да подастъ мнѣ Господь терпѣніе!»

По сему чудному предсказанію, много лѣтъ пролежалъ Пименъ въ болѣзни тяжкой и смрадной, такъ что гнушались имъ служившіе и часто оставляли его голоднымъ и жаждущимъ по два и по три дни; но съ радостію все сіе терпѣлъ Пименъ и за все благодарилъ Господа. Случилось однажды, что другой, подобный ему страдалецъ, принесенъ былъ въ Печерскій монастырь, и тамъ постриженъ. Ивоки, приставленные для служенія больнымъ, внесли его въ келлію блаженнаго Пимена, чтобы въ одно время служить имъ обоимъ, но по нерадѣнію своему, забыли о нихъ, такъ, что больные изнемогали отъ жажды. Тогда Пименъ сказалъ болящему: «братъ мой, поелику служащіе гнушаются нашего смрада, то если бы возставилъ тебя Господь, хотѣлъ ли бы ты пребывать въ этой службѣ?» Больной обѣщался, что до смерти своей съ усердіемъ служилъ бы болящимъ.» И такъ Господь отъемлетъ отъ тебя болѣзнь твою, сказалъ ему Пименъ; отнынѣ будь здоровъ; но исполни обѣщаніе твое, служа мнѣ и подобнымъ мнѣ; на нерадивыхъ же наведетъ Господь лютую болѣзнь, чтобы наказанные такимъ образомъ спа-

слися.»—Въ ту же минуту возсталъ болящій совершенно здоровымъ, и началъ служить ему; а нерадивыхъ, не хотѣвшихъ служить ему, объялъ лютой недугъ, по слову блаженнаго.

Но исцѣлѣвшій братъ мало послужилъ преподобному, ибо и онъ, не перенося смрада, уклонился отъ него и, забывъ данный обѣтъ, оставилъ его алчнымъ и жаждущимъ; самъ же удалился въ другую келлію; тамъ внезапно попалъ на него огненный недугъ: три дня не могъ онъ встать съ одра своего и, томясь жаждою, началъ взывать: «помилуйте меня, Господа ради, умираю отъ жажды!»— Пришли на крикъ братія и возвѣстили Пимену, что служившій ему братъ умираетъ. Блаженный отвѣчалъ: «что сѣетъ человекъ, то и пожнетъ; какъ оставилъ меня жаждущимъ, такъ и самъ испыталъ сіе, солгавъ Богу и презрѣвъ мою худость; но поелику не научены мы воздавать зломъ за зло, то скажите ему: зоветь тебя Пименъ, вставъ, иди къ нему!»—Какъ только братія сказала слово сіе болящему, внезапно всталъ онъ совершенно здоровымъ, и самъ собою пришелъ къ Пимену. Блаженный увѣщевалъ его, говоря: «Маловѣре, ты здоровъ опять; къ тому не согрѣшай, чтобы не горше тебѣ было; или не знаешь, что равную будутъ имѣть мзду болящій и служащій ему, ибо терпѣніе болящихъ не погибнетъ до конца, ибо тѣ, которые здѣсь терпятъ скорбь и нужду, будутъ наслаждаться веселіемъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія,

но жизнь безконечная: сего ради и я терплю мою болѣзнь; Богъ же, тебя исцѣлившій мною, можетъ и меня воставить отъ одра сего и немощь мою исцѣлить, но я сего не хочу, ибо претерпѣвый до конца спасенъ будетъ. Лучше мнѣ въ сей жизни всему истлѣть, чтобы въ будущей плоть моя была нетлѣнною, и вмѣсто здѣшняго зловонія насладиться тамъ благоуханіемъ. — Отраднo церковное предстоаніе въ чистомъ и свѣтломъ мѣстѣ; гдѣ съ Ангельскими силами невидимо возсылается пѣснь къ Богу, ибо церковь есть земное небо; но полезна и сія темная смрадная хранина. Не есть ли это судъ прежде суда и мука прежде безконечной муки? Однако терпящій здѣсь съ благодареніемъ, достойно говорить Господу: терпя потерпѣлъ я Господа и Онъ внялъ мнѣ; и самъ Господь увѣщаетъ насъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши!»

Послѣ такого увѣщанія, не удалялся уже отъ блаженнаго служившій ему братъ; доблестный же страдалецъ и подражатель Юва, непрестанно благодаря Бога, въ страданія своемъ лежалъ 20 лѣтъ. Когда настало время его преставленія, было знаменіе въ Печерской обители: во мракѣ ночи три столпа огненныхъ поднялись отъ трапезы на верхъ церковный, ибо Господь уже послалъ Ангеловъ своихъ за душою многоболѣзненнаго Пимена, какъ нѣкогда за душою нищаго Лазаря. Въ тотъ день внезапно исцѣлился многоболѣзненный и всѣмъ возвѣстилъ скорый свой исходъ: онъ обходилъ всѣ

келіи и, кланяясь каждому, просилъ прошенія, болящимъ же братіямъ говорилъ: «братія, люди мои, воставше проводите меня,» и по его слову оставляла ихъ болѣзнь. Взшедши въ церковь, причастился онъ Божественныхъ Таинъ, потомъ взялъ свой погребальный одръ и самъ отнесъ его, никѣмъ не наставляемый, къ пещерѣ, въ которой никогда не былъ, по причинѣ своей болѣзни, гдѣ находился гробъ преподобнаго Антонія; тутъ избралъ себѣ мѣсто упокоенія.

Тутъ же открылъ чудную тайну: указывая на гробъ и двухъ погребенныхъ братій, другъ противъ друга, сказалъ онъ: «въ нынѣшнеелѣто вы положили здѣсь двухъ братій, одного въ схимѣ, другаго безъ схимы, но теперь вы его обрѣтете въ схимѣ, ибо много разъ хотѣлъ въ нее облечься, а вы пренебрегли его, хотя и проявлялъ дѣла, достойныя сего Ангельскаго образа; сего ради, по смерти его самъ Господь даровалъ ему схиму;—другаго же брата, котораго положили вы въ схимѣ, найдете безъ нея, ибо во время своей жизни не хотѣлъ принять ее и не былъ ея достоинъ, а только говорилъ вамъ: когда буду отходить отъ сей жизни, тогда постригите меня умирающаго въ схиму;—не помянулъ онъ словъ псаломныхъ: не мертвіи восхвалятъ Тя Господи, ниже вси нисходящіи во адъ, но мы живіи благословимъ Господа (Псал. 113, 25); и по сему была отъ него отъята благодать схимническая и дана показавшему дѣла достойныя.—Третій братъ давно уже здѣсь погребенъ

и весь истлѣлъ, но схи́ма его нетлѣнною пребы-
ваетъ, ибо соблюдается на обличеніе ему, какъ
недостойному сего Ангельскаго образа, ибо ни-
что не пользуется для таковыхъ постриженіе схим-
ническое, если не имѣютъ добрыхъ дѣлъ, изба-
вляющихъ отъ мукъ.» Открывъ сію тайну, пре-
подобный Пимень сказалъ братіи: «вотъ пришли
постригавшіе меня, чтобы взять меня съ собою»
и при сихъ словахъ возлегъ и почилъ о Госпо-
дѣ; братія же, съ великою честію, положили его
на указанномъ имъ мѣстѣ въ пещерѣ. Послѣ его
погребенія, откопали они гробы, о коихъ таин-
ственно имъ возвѣстилъ, и обрѣли трехъ черно-
риццевъ въ томъ видѣ, какъ было откровеніе о
нихъ многоболѣзненному Пимену; подивились они
неизреченному суду Божию, и прославили Воздаю-
щаго каждому по дѣламъ его.

(Изъ Патерика Печерскаго).

8-го Августа, Святаго Емилиана Исповѣдника,
Епископа Кизическаго, и блаженнаго Іова, Игу-
мена Лавры Почаевской.

Ж И Т И Е

БЛАЖЕННАГО ІОВА ЖЕЛѢЗА, ИГУМЕНА ЛАВРЫ ПОЧАЕВ-
СКОЙ.

Не именовъ только, но и самими событіями уподобился сей блаженный многострадальному Іову Ветхаго Завѣта, по своей добродѣтели, и подвижнической жизни отъ первыхъ дней юности. Родомъ былъ онъ изъ земли Галицкой отъ предѣловъ Покутскихъ и происходилъ отъ правовѣрныхъ родителей, по прозванію Желѣзо; Іоанномъ былъ нареченъ въ святомъ крещеніи и съ десятилѣтняго возраста сердце его уже возгорѣлось желаніемъ подражать великому пустынножителю. Онъ удалился изъ дома родительскаго въ сосѣднюю обитель Угорницкую Преображенія Господня и просилъ Игумена позволить ему тамъ послужить братіи; съ любовію принялъ его Игумень, провидя въ немъ избранный сосудъ благодати Божіей и, наставивъ духовною бесѣдою; поручилъ его еkkлeсiарху, чтобы научить послушанію церковному. Но не-

довольный однимъ симъ послушаніемъ, ревностный отрокъ старался оказывать услуги каждому изъ братіи, съ кротостію и смиреніемъ, и по общему согласію всего братства, постриженъ былъ въ иноческій образъ на 12-мъ году возраста, въ столь юные годы явля въ себѣ уже и искуснаго инока, и какъ бы Ангела во плоти, на пользу духовную всей обители.

Возрастая день ото дня въ добродѣтеляхъ, былъ онъ въ послѣдствіи вынужденъ настоятелемъ принять на себя санъ священства, отъ котораго долго отрекался по своему смиренію; но сердце его, исполненное благодати Божіей, желало еще большаго отреченія отъ всего мірскаго, чтобы на крыльяхъ серафимскихъ возноситься духомъ къ Господу; онъ воспріялъ на себя великій Ангельскій образъ, или схиму, желая устраниться отъ молвы человѣческой, ибо по всѣмъ предѣламъ Польши и Малороссіи разносилась слава о его высокой добродѣтели и вельможи стекались къ нему со всѣхъ сторонъ за назидательными совѣтами. Великій ревнитель православія, Князь Константинъ Острожскій и Дубенскій, исполненный благоговѣнія къ святому мужу, упросилъ Игумена, ради любви Божіей, послать сего блаженнаго въ обитель Животворящаго Креста, на Дубенскомъ островѣ, чтобы тамъ показать образъ благоугоднаго житія инокамъ; Игумень, не желавшій лишиться своего великаго подвижника, хотя и съ великою скорбію, долженъ былъ однако отпустить отъ себя блаженнаго Ю-

ва въ Крестную обитель, гдѣ вскорѣ избранъ былъ въ настоятели вопреки своей волѣ. Тамъ, въ продолженіи 20-ти лѣтъ, процвѣла подъ его мудрымъ управленіемъ обитель и стало отовсюду стекаться многочисленное братство, которое, по его примѣру, усердно занялось писаніемъ церковныхъ книгъ; но уже множество посѣтителей сдѣлалось тягостнымъ любителю безмолвія.

Тайно бѣжалъ онъ изъ обители въ святую гору Почаевскую, издавна прославленную чудесами отъ иконы Матери Божіей, но и тамъ не могъ укрыться; вскорѣ былъ избранъ въ настоятеля, общимъ голосомъ братіи, ибо Матерь Божія пожелала оставить его во главу своей обители. Богу единому, вѣдущему тайны сердецъ человѣческихъ, извѣстны всѣ его подвиги, которыми истомлялъ плоть свою, при недремлющихъ заботахъ настоятельства; весь день трудился онъ въ садахъ монастырскихъ, занимаясь самъ насажденіемъ деревъ и укрѣпленіемъ плотины около ограды монастырской, какъ бы одинъ изъ наемниковъ; всю же ночь проводилъ въ непрестанной молитвѣ. «Если бы каменная пещера, въ которой обиталъ онъ, имѣла уста, говорить ученикъ его и писатель житія Досифеѣй, то она бы повѣдала намъ всѣ тайные подвиги сего многострадальнаго Іова, по слову Евангельскому: аще люди умолкнутъ, каменіе возопіють (Лук. XIX, 40).

Тамъ затворялся иногда на три дня, иногда на цѣлую седмицу, проливая горькія слезы, не толь-

ко о своихъ грѣхахъ, но и о всемъ мірѣ, погруженномъ въ злобу. Однажды, во время пламенной молитвы, небесный свѣтъ осіялъ его пещеру и отразился изъ глубины ея на самую церковь Почаевскую. Свидѣтель чуднаго сего свѣта Досиѳей, въ ужасѣ палъ на землю, пораженный страшнымъ видѣніемъ. Отъ чрезвычайнаго подвига отебли ноги Іова и даже покрылись ранами, которыя еще доселѣ можно видѣть на нетлѣнныхъ мошахъ его, самая плоть отпадала у него отъ костей; но все сіе переносилъ онъ съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и былъ до такой степени кротокъ и милосердъ къ братіи, что никто не слышалъ отъ него ни единого тяжкаго слова; на устахъ его была непрестанная молитва сія. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго».

Однажды, проходя черезъ гумно монастырское, засталъ онъ человѣка, крадущаго пшеницу; оцѣпенѣлъ отъ стыда и страха хищникъ предъ лицомъ благолѣпнаго старца и упалъ къ ногамъ его, умоляя не разглашать его злаго дѣла, чтобы не потерпѣло доброе имя его между сосѣдями.—Что же святой старецъ? не только не укорилъ его ни единымъ словомъ, но даже самъ возложилъ на плеча его кулъ пшеницы и съ миромъ отпустилъ, напомнивъ ему о томъ отвѣтѣ, который долженъ дать каждый на страшномъ судищѣ Божіемъ.

Блаженный Іовъ достигъ, въ такомъ великомъ подвигѣ, до 100 лѣтъ и, чувствуя близкое свое разрѣшеніе отъ міра, за недѣлю предрекъ часъ

своего исхода, который и совершился въ тотъ самый часъ безъ всякой болѣзни, 22 Октября 1651 года. По совершеніи Божественной литургіи, воздавъ послѣднее цѣлованіе сѣгущей братіи, мирно прешель онъ отъ привременной жизни къ вѣчному блаженству. Братія со слезами погребла изсохшее отъ постовъ тѣло великаго своего наставника, но не соизволилъ Господь духовному сему свѣтильнику долго оставаться во мракѣ земли. Семь лѣтъ оставались въ могилѣ святыя мощи Іова и чудный свѣтъ часто надъ ними являлся. На осьмой годъ явился ночью, въ сонномъ видѣніи, блаженный Митрополиту Кіевскому Діонисію Балабану, съ извѣстительнымъ словомъ, что Господь хочетъ проявить его мощи, и видѣніе сіе повторилось.

Но Митрополитъ, опытный въ духовной жизни, хотя и позналъ въ сонномъ видѣніи старца, котораго лице и добродѣтели были ему извѣстны еще при жизни, не рѣшился однако легко приступить къ сему богоугодному дѣлу. Явился ему и въ третій разъ тотъ же старецъ, уже съ нѣкоторымъ прещеніемъ, если вскорѣ не исполнить повелѣннаго. Въ ужасѣ воспрянулъ онъ отъ сна и въ то же утро поспѣшилъ въ Лавру Почаевскую, взявъ съ собою Архимандрита Овручскаго Θεοφана со всѣмъ своимъ клиромъ. Испытавъ тамъ подробно о богоугодныхъ дѣяніяхъ блаженнаго Іова, по совѣту братіи, велѣлъ немедленно открыть гробъ преподобнаго, въ которомъ обрѣ-

тены мощи его совершенно нетлѣнными, какъ бы вчера погребенныя, и съ подобающею честію перенесены были въ церковь Живоначальныя Троицы, гдѣ положены въ паперти, 8-го августа 1659 года.

Много послѣдовало тогда исцѣленій притекавшимъ съ вѣрою къ святымъ мощамъ. На канунѣ праздника Воздвиженія Честнаго Креста Господня, пріѣхала въ Лавру благородная жена Евгенія Домашевская; ночью услышала она изъ своей келліи, вмѣстѣ съ своею прислугою, необычайное пѣніе, исходившее изъ церкви и увидѣла изъ окна чудный свѣтъ; она подумала, что иноки совершаютъ всенощное служеніе и послала одну изъ служанокъ своихъ, по имени Анну, къ дверямъ церковнымъ. Анна подошла къ дверямъ; которыя отверсты были невидимою рукою и, слыша чудное пѣніе, вошла внутрь храма; тамъ въ ужасѣ увидѣла блаженнаго старца, посреди двухъ свѣтлыхъ Ангеловъ совершающаго молитву. Оцѣпенѣвшая отъ страха не могла она двинуться съ мѣста; но угодникъ Божій обратился, къ ней и кроткимъ голосомъ сказавъ: «Не бойся, дѣвица, иди и призови ко мнѣ игумена Лавры Досея». Она отвѣчала: «приглашаемый тобою лежитъ на смертномъ одрѣ и нѣтъ надежды къ его исцѣленію». Тогда преподобный вручилъ ей шелковый платъ, омоченный въ муро, и велѣлъ отнести къ болящему. Повиновалась она и толкнувъ въ дверь игуменской келліи, звала его отъ

имени святаго старца Іова въ церковь.—Болящій принялъ такой зовъ за искушеніе діавольское, но она не преставала стучать въ двери, требуя, чтобы хотя высмалъ къ ней старца принять отъ нея платъ. Вооружившись знаменіемъ крестнымъ, Досиѳеѣй велѣлъ отворить двери и, какъ только возложилъ на себя принесенный платъ, омоченный муромъ, почувствовалъ совершенное исцѣленіе, такъ что могъ подняться съ постели и идти въ церковь. Онъ нашелъ еkkлeсiарха, отворявшаго двери церковныя и спросилъ: «что въ ней совершается дивнаго?» Изумился еkkлeсiархъ, увидя здравымъ того, кто еще на канунѣ былъ при послѣднемъ издыханіи, и спросилъ его: какъ поднялся со смертнаго одра, чтобы идти къ утреди?» «Іовъ отецъ нашъ молится за насъ и послалъ мнѣ исцѣленіе,» отвѣчалъ Игуменъ. Вмѣстѣ взошли они въ храмъ и, падши предъ ракою блаженнаго Іова, воздали благодареніе Господу о чудесахъ его.

Въ 1685 году, во время такъ называемой Збаражской войны съ Турками, полчища Татарскія приступили къ Лаврѣ Почаевской, чтобы до основанія раззорить ее; иноки и міряне, заключенные въ стѣнахъ ея, теплыя возсылали молитвы предъ чудотворною иконою Матери Божіей и надъ ракою блаженнаго Іова, и не измѣнилъ на сей разъ обители скорый заступникъ.—Явился онъ въ чудномъ свѣтѣ молящимся о своей обители и ужасомъ поразилъ Агарянь, которые спер-

ва пустили въ него свои стрѣлы и потомъ въ ужасѣ бѣжали отъ его Лавры, когда на нихъ самихъ падали пущенныя ими стрѣлы.

Вскорѣ послѣ открытія Св. мощей, исцѣлилась надъ священою ракою, отъ тяжкаго недуга бѣснованія, одна благородная жена, по имени Анна, которая много обходила святыхъ мѣстъ, чтобъ получить исцѣленіе, и получила только предъ мощами блаженнаго Іова.

Въ 1711 году, пришелъ нѣкто Панъ Каменскій, съ двумя своими братьями, изъ Браслава въ обитель, и просилъ Игумена Іосифа, чтобы позволено было имъ помолиться въ храмѣ.—Братъ его Владиславъ, увидя нетлѣнныя мощи, усумнился въ святости ихъ и втайнѣ укорилъ иноковъ, какъ бы прославившихъ Іова, ради корыстныхъ видовъ. Въ ту же ночь, когда возвратился въ домъ свой, увидѣлъ онъ въ сонномъ видѣніи грозящаго ему старца и въ ужасѣ взывалъ къ нему о пощадѣ. Проснулся отъ его вопля братъ его Буррафъ Кременецкій и спрашивалъ, что было причиною вопля? «Или не видишь, отвѣчалъ ему Владиславъ, страшнаго старца сего съ палицею грозящаго мнѣ, чтобы не смѣлъ я хульно говорить о Святыхъ Божіихъ, Спасите меня изъ рукъ блаженнаго Іова Желѣза».—На другой день, всѣ трое устремились въ Лавру и усердно помолившись надъ ракою преподобнаго о прошеніи грѣховъ своихъ, клятвенно засвидѣтельствовали сіе событіе предъ лицомъ Игумена. Двадцать лѣтъ

спустя, тотъ же Бургграфъ, посѣтивъ опять Лавру, спрашивалъ еkkлeсiарха, записано ли въ книгѣ житiя преподобнаго о томъ, какъ онъ наказалъ брата за богохульство, вбо самъ еще былъ тому живой свидѣтель.

(Изъ рукописнаго житiя, хранящагося въ Почаевской Лаврѣ).

9-го, Св. Апостола Матѳея.

10-го, Святаго мученика и Архидiакона Лаврентiя.

11-го, Святаго мученика и Архидiакона Евпла, и преподобныхъ отецъ Печерскихъ: Феодора и Василя.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЕЦЪ ПЕЧЕРСКИХЪ ТЕОДОРА И ВАСИЛІА.

Блаженный Теодоръ владѣлъ большимъ имѣніемъ, но слышалъ въ Евангеліи слово Господа: «что всякій, кто не отречется отъ своего имѣнія, не можетъ быть Его ученикомъ» (Луки XIV, 33). Послѣдовавъ слову сему, роздалъ онъ нищимъ все свое богатство и сдѣлался черноризцемъ въ монастырѣ Печерскомъ, гдѣ много подвижался въ добродѣтели, поселившись, по волѣ Игумена, въ дальней пещерѣ, называемой Варяжской. Но тамъ, во мракѣ пещерномъ, постигло его искушеніе: врагъ человѣческой возбудилъ въ сердцѣ его печаль о розданномъ имъ имѣніи, приводя ему на мысль годы старости, изнеможеніе плоти и оскуднѣніе пищи монастырской, ибо забылъ онъ, по лести дѣвольской, слова Господни: «не печетесь душею вашею что ясте или что пиете; воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ» (Мат. VI, 25). Уныніе привело его къ

отчаянію о мнимой нищетѣ и онъ не скрывалъ скорби своей отъ присныхъ ему иноковъ.

Былъ въ той же обители черноризецъ, по имени Василій, изъ числа совершенныхъ; хотѣлъ онъ утѣшить Θεодора и извлечь его изъ пропасти отчаянія.—«Братъ Θεодоръ, говорилъ онъ ему, не погуби мзды своей; если раскаеваешься о розданномъ тобою имѣніи нищимъ, я постараюсь все тебѣ воздать, только скажи предъ Богомъ, чтобы твоя милостыня мнѣ вмѣнилась, и ты будешь безпечаленъ, пріѣвъ обратно все свое имѣніе. Но остерегись, потерпитъ ли тебѣ Господь, ибо вотъ что случилось однажды въ Царьградѣ, когда раскаялся нѣкто, о златѣ розданномъ имъ въ милостыню, и вмѣнилъ оное другому предъ Богомъ, позабывъ, что отъ Бога принялъ то, что раздавалъ; какъ только сказалъ: «не я Господи сотворилъ милостыню, но да причтется она сему!» внезапно палъ онъ посреди церкви и умеръ, утративъ вмѣстѣ и злато и жизнь.»—Услышавъ сіе Θεодоръ раскаялся своемъ согрѣшеніи и ублажилъ брата, воздвигшаго его отъ тяжкаго недуга; съ тѣхъ поръ великая была между ними любовь и опять преуспѣвалъ Θεодоръ въ заповѣдяхъ Господнихъ.

Иную кознь поднималъ противъ него діаволъ, не возмогшій прельстить его сребролюбіемъ. Былъ однажды посланъ Василій на нѣкое послушаніе Игуменомъ и промедлялъ въ ономъ три мѣсяца; врагъ человѣческой преобразился въ подобіе дру-

га, и пользуясь его отсутствіемъ пришелъ къ пещернику, какъ бы ради полезнаго собесѣдованія.—«Какъ успѣваешь нынѣ? говорилъ онъ Θεодору, престала ли у тебя брань бѣсовская, или еще творить тебѣ пакость, возбуждая память розданнаго нищимъ имѣнія?»—Не проникнувъ лести демонской, отвѣчалъ Θεодоръ мнимому брату: «молитвами твоими все мнѣ успѣшно, и я уже болѣе не слушаю демонскихъ внушеній, нынѣ что повелишь, то исполню, ибо великую пользу душѣ моей принялъ отъ твоихъ совѣтовъ.»—Лукавый братъ, сдѣлавшись дерзновеннѣе, потому что Θεодоръ въ бесѣдѣ своей не помянулъ имени Божія, сказалъ обольщенному: «Еще даю теперь другой совѣтъ, въ которомъ найдешь себѣ упокоеніе и воздаяніе за розданное тобою имѣніе: проси себѣ у Господа множество злата и сребра и не позволяй никому входить къ себѣ въ пещеру и самъ изъ нея не выходи.»—Объщався пещерникъ исполнить волю его и, слѣдуя лукавому внушенію, сталъ себѣ просить сокровища у Господа, общая все раздать на милостыню; ночью было ему приведѣніе какъ бы свѣтлаго Ангела, указующаго ему сокровищѣ въ пещерѣ, и оно повторялось нѣсколько дней, доколѣ не сталъ копать въ пещерѣ Θεодоръ на указанномъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствительно обрѣлъ себѣ сокровище.

Тогда опять, въ образѣ Василія, пришелъ лукавый къ пещернику и спрашивалъ: «гдѣ обрѣ-

тенное сокровище, о которомъ будто бы было и ему явленіе;» но Θεодоръ, страдая уже корыстолюбіемъ, не хотѣлъ открыть оное; врагъ человѣческій сталъ ему влагать иныя пагубныя мысли, какъ бы удалиться изъ пещеры, чтобы не открыть богатства своего другимъ, совѣтовалъ уже болѣе не раздавать его убогимъ, что бы опять не впасть въ уныніе и тѣмъ избѣгнуть искушенія, но лучше пріобрѣсти себѣ имущество, цѣною сего злата, и въ часъ смертный завѣщать его кому пожелаетъ, чтобы память о немъ всегда сохранилась. — Колебался Θεодоръ и стыдился оставить монастырь и пещеру, въ которыхъ обѣщалъ пребывать до конца жизни; но лукавый продолжалъ внушать ему, что иначе не можетъ сохранить дарованнаго ему сокровища, а если бы не было сіе угодно Богу, то не было бы оно ему и даровано.— Слово сіе произвело рѣшительное дѣйствіе на пещерника: онъ уже началъ готовить влагалище, чтобы унести съ собою свое злато, готовый, ради его, отчуждить себя отъ благодати Преподобныхъ Антонія и Θεодосія; но Господь и Пречистая Его Матерь, подъ сѣнію коихъ онъ началъ свой иноческій подвигъ, не допустили обольщеннаго до конечнаго паденія.

Пришелъ къ нему настоящій Василій, возвратившійся изъ путешествія своего и началъ спрашивать: «какъ спасался во время долгаго его отсутствія?» Изумился Θεодоръ такому привѣтствію

и возразилъ ему: «не вчера ли и третьяго дня былъ ты со мною и не по твоему ли совѣту иду отсель?»—Въ свою очередь не понявъ рѣчей его Василій и, подозрѣвая какую-либо прелесть бѣсовскую, просилъ друга своего ничего не утаить отъ него; съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему Θεодоръ: «ты говорилъ мнѣ вчера одно, а сегодня другое, такъ что уже не знаю, чему вѣрить,» и въ порывѣ негодованія выгналъ его изъ пещеры.— Какъ только удалился другъ, явился опять прелестникъ въ его образѣ и, какъ бы отъ лица Василія, просилъ не вспоминать безрасудныхъ рѣчей его, но въ ту же ночь бѣжать изъ пещеры со всѣмъ сокровищемъ.

Между тѣмъ Василій, собравъ нѣсколько опытныхъ старцевъ, пришелъ съ ними въ пещеру и сталъ говорить Θεодору: «Старцы сіи мнѣ свидѣтели, что три мѣсяца отсутствовалъ я, будучи посланъ отъ Игумена для потребности монастырской, и не болѣе трехъ дней какъ возвратился въ монастырь! Ты же увѣряешь меня, будто вчера меня видѣлъ. Думаю, что въ образѣ моемъ было тебе нѣкое бѣсовское явленіе; если хочешь узнать истину, не позволяй никому бесѣдовать съ тобою прежде, нежели произнесетъ молитву Іисусову.»—Василій прочелъ надъ обольщеннымъ молитву запрещенія, призывая на помощь ему Святыхъ Угодниковъ и, утвердивъ Θεодора, возвратился въ монастырь.—Лукавый же демонъ не смѣлъ болѣе являться Θεодору, который уразу-

мѣлъ его прелестъ и уже никому изъ приходившихъ къ нему не позволялъ вступать въ бесѣду безъ молитвы Иисусовой. — Такимъ образомъ укрѣпился на врага, и Господь избавилъ его отъ устъ львовыхъ искушителя, ибо пустынножителемъ и затворникамъ особенно нужна непрестанная молитва, чтобы не впасть въ искушеніе.

Прежде всего засыпалъ онъ глубоко въ землю найденное сокровище, чтобы погибла о немъ совершенно память и не впасть бы послѣ него другой въ то же искушеніе; молилъ Господа, чтобы ему самому даровано было забвеніе мѣста его и чтобы угасилъ въ немъ всякую страсть къ сребролюбію, и услышалъ его молитву Господь. Опасаясь новыхъ искушеній отъ праздности, блаженный Θεодоръ предалъ себя на тяжкую работу и поставилъ въ пещерѣ жернова; принося изъ монастыря жито, самъ онъ молилъ его для братіи и цѣлыя ночи проводилъ безъ сна въ ручномъ дѣлѣ и молитвѣ, днемъ же относилъ муку и принималъ новое жито, не давая себѣ такимъ образомъ ни малѣйшаго отдыха.—Такъ провелъ многіе годы; умиллся келарь Лавры, видя постоянно пещерника въ столь тяжелой работѣ и когда привезено было однажды жито въ монастырь, послалъ къ нему въ пещеру пять возовъ, чтобы самъ не трудился ходить за житомъ въ Лавру. Θεодоръ ссыпалъ жито въ жернова и началъ молоть, воспѣвая псалтырь; и здѣсь опять хотѣлъ искушить его врагъ, ибо сами собою начали мо-

лотъ жернова; но пещерникъ смиренною молитвою побѣдилъ искушеніе; ему уже дарована была власть на духа нечистаго. Силою его молитвы, не только въ одну ночь чуднымъ образомъ смололось все жито, но даже отпустилъ въ Лавру двойное его количество.

Оба блаженные, Феодоръ и Василій, положили между собою совѣтъ ничего не таить другъ отъ друга, но все дѣлать по взаимному разсужденію, и такъ Василій удалился на безмолвіе въ пещеру, а Феодоръ, по старости, вышелъ изъ нея, чтобы обитать въ монастырѣ.—Сгорѣлъ тогда монастырь сей и плотами привезенное дерево, для устройства церкви и келлій, лежало на берегу Днѣпра; наняты были извозники, чтобы взвести на гору, но Феодоръ, хотѣвшій поставить себѣ келлію, началъ самъ на себѣ носить лѣсъ съ берега на вершину горы. Лукавые духи, забывшіе побѣду недавно одержанную надъ ними труженникомъ, стали опять искушать его: ночью низвергали съ вершины горы всѣ тѣ дерева, которыя въ теченіе дня съ трудомъ поднималъ Феодоръ на раменахъ своихъ. Великій труженникъ вооружился противъ нихъ Евангельскимъ словомъ Господа и повелѣлъ имъ взнести на гору не только тѣ дерева, которыя самъ носилъ, но даже и всѣ которыя приготовлены были на берегу, для строенія храма и келлій, дабы увѣдали, что Господь на мѣстѣ семъ, и братія избавилась отъ тяжелой работы.—Повпновались слову его духи лукавые

и въ ту же ночь вознесенъ былъ на гору весь приготовленный лѣсъ: пришедшіе на утро возить оный извозники изумились, обрѣтши его уже на вершинѣ горы, распредѣленнымъ для начала работъ. Прославили они Бога въ угодникъ его Θεодоръ; но не превозносился тѣмъ рабъ Божій, памянуя слова Господни: «не радуйтесь, яко души вамъ повинуются, радуйтесь же, яко имена ваши написаны суть на небеси» (Лук. X, 20).

Тѣмъ паче возгорѣлась ярость бѣсовская противъ обоихъ подвижниковъ и воздвигли на нихъ крамолу, возбудивъ извозниковъ требовать отъ нихъ цѣну найма своего, которой лишились, и судія неправедный, обольщенный златомъ, присудилъ Θεодора заплатить наемникамъ утраченную мзду ихъ.—Жестоко было такое навождение бѣсовское на нестяжательнаго старца Θεодора; недовольствуясь тѣмъ, воздвигли противъ него другую смертоносную бурю. Пришелъ демонъ въ образъ Василя, безмолвствовавшаго тогда въ пещерѣ Варяжской, къ одному изъ совѣтниковъ великокняжескихъ, которому былъ знакомъ, и обвинилъ предъ нимъ Θεодора, обрѣтшаго и укрывшаго злато свое, что хочетъ бѣжать въ иную страну, и юродствуетъ, показывая будто имѣть власть надъ духами, которые ему служатъ; но сокровище имъ обрѣтенное хранить до благопріятнаго времени въ пещерѣ.

Бояринъ привелъ мнимаго Василя къ Князю Мстиславу, сыну Святополкову, внушая, чтобы

силою принудили Θεодора открыть свое сокровище, если же не захочет то принудить къ сему муками. На другой день Князь, какъ бы на ловлю, или на крѣпкаго война, самъ поѣхалъ, со множествомъ воиновъ и извлекъ блаженнаго изъ келліи; сперва ласкою, а потомъ угрозою, онъ принуждалъ его открыть свое сокровище.—Князь пожелалъ знать, откуда оно было извѣстно ему, и блаженный отвѣчалъ, что еще великому Антонію говорили, что въ пещерѣ сокрыто Варяжское сокровище, отъ чего прозвалась и самая пещера, и дѣйствительно тамъ много золота и серебра, сосуды же суть Латинскіе.

«Почему не откроешь мнѣ сего сокровища, я бы раздѣлилъ его съ тобою и ты былъ бы мнѣ вмѣсто отца.»—Мужественно отвѣчалъ Θεодоръ: «Свободенъ я отъ страсти, которой ты работаешь, и все бы тебѣ отдалъ, но Господь у меня отнял самую память мѣста того.»—Гнѣвомъ исполнился Князь и велѣлъ слугамъ своимъ, связавъ инока по рукамъ и по ногамъ, три дня не давать ему ни хлѣба ни воды.—Черезъ три дня скованнаго спросили опять, гдѣ сокровище? и то же отвѣчалъ Θεодоръ.—Многими ударами велѣлъ терзать его Князь такъ, что власяница вся обогрилась кровію, потомъ повѣсиль его въ густомъ дымѣ и жечь малымъ огнемъ; и все сіе съ терпѣніемъ переносилъ рабъ Божій, но огонь не прикоснулся къ его власяницѣ.—Одинъ изъ предстоявшихъ сказалъ это Князю и ужаснулся Мсти-

славъ; онъ спросилъ старца: «для чего губишь себя, не отдавая сокровища намъ принадлежащаго.»—**Теодоръ** отвѣчалъ: «Истинно тебѣ говорю, молитвами брата моего **Василія** былъ тогда я спасенъ отъ сребролюбія, когда обрѣлъ оное, и нынѣ, какъ я сказалъ, отъялъ у меня Господь память мѣста, гдѣ закопалъ я злато.»—**Князь** немедленно послалъ за блаженнымъ **Василіемъ**, котораго силою привлекли изъ пещеры, и сказалъ ему, памятуя бывшее явленіе отъ духа лукаваго въ образѣ **Василія**: все что ты повелѣлъ мнѣ сдѣлать сему злому старцу, я исполнилъ, и тебя самого призывалъ теперь во свидѣтели.» Усумнился **Василій** и спросилъ: что повелѣлъ онъ **Князю**?— «Не ты ли возвѣстилъ мнѣ, возразилъ **Мстиславъ**, о сокровищѣ, обрѣтенномъ **Теодоромъ**, которое нехочетъ мнѣ открыть, не смотря на всѣ муки.»— «Познай кознь лукаваго бѣса, тебя прельстившаго, сказалъ **Василій**, и насъ обоихъ оболгавшаго: вотъ уже 15 лѣтъ никто не видалъ меня исходящимъ изъ пещеры; но предстоявшіе всѣ свидѣтельствовали, что видѣли его у **Князя**.—Исполнился ярости **Мстиславъ** и велѣлъ его мучить такъ же какъ и **Теодора**, и шумень бывъ отъ вина, самъ пронзилъ стрѣлою **Василія**. Блаженный вынулъ стрѣлу изъ утробы своей и бросилъ ее **Князю**, говоря: «Сею стрѣлою не по многому времени уязвленъ будешь,» что и сбылось по предсказанію Святаго.—Едва живыхъ велѣлъ онъ свергнуть въ темницу, чтобы на дру-

гое утро предать ихъ еще болѣе лютымъ мученіямъ. Но въ ту же ночь уснули оба преподобные честною смертію предъ Господомъ и Господь извелъ изъ темницы души ихъ, чтобы исповѣдать Имя Его Святое на небесахъ.—Братія услышавъ о ихъ кончинѣ, пришли взять тѣлеса страдальцевъ и съ честію погребли ихъ въ пещерѣ Варяжской, въ которой богоугодно подвижались, но потомъ перенесены они были въ пещеру блаженнаго Антонія, гдѣ и до нынѣ лежатъ нетлѣнно въ окровавленныхъ своихъ власяницахъ. Не много времени послѣ ихъ блаженной кончины. Мстиславъ пораженъ былъ стрѣлою на забралахъ города Владиміра, когда бился съ Давидомъ Игоровичемъ; тогда узналъ онъ стрѣлу свою, которою уязвилъ блаженнаго Василя, и воскликнулъ: «нынѣ умираю ради преподобныхъ Θεодора и Василя.»—

(Изъ Петерика Печерскаго.)

12-го Августа, Святыхъ мучениковъ Фотія и Аникиты.

13-го, преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника.

Въ сей же день преподобнаго Максима Грека.

Ж И Т И Е

СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

При описаніи житій отечественныхъ Святыхъ, утѣшительно заключить назидательный рядъ ихъ очеркомъ жизни новоявленнаго чудотворца Святителя Тихона, который не только прославился при нашихъ глазахъ, но можно сказать даже и подвизался предъ нами, ибо еще недавно отошли на покой знавшіе его лично во временной жизни. Ободрительно для сердца такое отрадное явленіе современныхъ намъ угодниковъ Божіихъ; ясно доказывающее что не оскудѣла и для насъ благодать Божія, всегда восполняющая то, что оскудѣваетъ въ слабой природѣ человѣческой; а между тѣмъ и какое торжество для Церкви православной, прославляемой отъ Господа въ лицѣ вѣрныхъ сыновъ своихъ, достойного прославившихъ своею жизнью! Господь увѣнчалъ ихъ вѣнцомъ нетлѣнія, во свидѣтельство ихъ подвигомъ и праваго исповѣданія той Церкви, которая и доселѣ есть столпъ и утверж-

деніе истины, озаряемая Востокомъ свыше, предъ лицомъ темнаго запада.

Достойно вниманія одно обстоятельство при явленіи мощей Святителя Тихона Задонскаго: — не протекло еще и тридцати лѣтъ, какъ въ той же Воронежской епархіи, одной изъ самыхъ юныхъ, не восходящей далѣе время Петровыхъ, повторилось предъ нами прославленіе другаго уже Епископа ею управлявшаго. Рядомъ съ Святителемъ Митрофаномъ, сталъ Святитель Тихонъ, неоднократно съ нимъ являющійся въ цѣльбоносныхъ сновидѣніяхъ, какъ общій молитвенникъ и заступникъ своей паствы; — обоими чудотворцами красуется Церковь Воронежская. Гласъ Божій, гласъ народа; — давно уже имя Задонскаго Тихона, какъ нѣкое благословеніе разносилось по необъятнымъ предѣламъ отечества нашего, и вѣра въ его скорое прославленіе, еще прежде обрѣтенія мощей перваго Святителя Воронежскаго, была уже отраднымъ ожиданіемъ не только окрестныхъ жителей, сохранявшихъ святую о немъ память, но и всѣхъ благочестивыхъ читателей твореній Тихона, который, какъ въ писаніи такъ и въ житіи своемъ, представлялъ всѣмъ образъ истиннаго Христіанина; — во многихъ церквахъ произносили его поучительныя бѣсѣды, какъ будто и послѣ кончины проповѣдывалъ съ кафедръ усопшій Спаситель; самое его прославленіе ничего не прибавило къ его славѣ, кромѣ одного лишь утѣшенія: призывать въ молитвахъ имя того праведнаго мужа, о

блаженномъ упокоеніи коего всѣ еднородно молились. И вотъ, усопшій въ Богѣ, опять возсталъ предъ нами въ одеждѣ своего нетлѣнія; изъ тихаго Задонска слышится намъ, уже не только одинъ назидательный голосъ его поученій, но мы видимъ и самые его подвиги, въ чудныхъ исцѣленіяхъ имъ совершаемыхъ; жезлъ правленія бывшей своей паствы опять въ рукахъ отшельника Задонскаго!

Происхожденіе Тихона самое убогое: — отецъ его Савва былъ дьячкомъ въ новгородской губерніи, въ селѣ Корецкѣ, Валдайскаго уѣзда, и оставилъ по себѣ вдову съ пятью малолѣтними дѣтьми; младшій изъ трехъ сыновей, будущій Святитель, даже не помнилъ своего отца. Родившійся въ 1724 году, носилъ онъ мірское имя Тимоѳея и, отъ чрезвычайной нищеты своего семейства, едва не остался на всегда въ мірѣ, въ самомъ низкомъ званіи. Самъ онъ рассказывалъ впоследствии своему келейнику, когда уже отдыхалъ въ Задонскѣ отъ пастырскихъ своихъ трудовъ; какъ однажды едва не увелъ его съ собою богатый, но бездѣтный ямщикъ ихъ прихода, который очень его любилъ и хотѣлъ усыновить. Часто говаривалъ онъ его убогой матери Домникѣ: «отлейте мнѣ вашего Тимоѳея, я самъ его воспитаю и отдамъ ему все мое имѣніе.» Жалко было матери разстаться съ любимымъ ребенкомъ; она рѣшилась однако отдать его, въ отсутствіи старшаго сына, и уже повела къ ямщику, но сынъ, воз-

вратившись во время, узналъ о томъ отъ сестры и еще успѣлъ ихъ настичь на дорогѣ. Онъ бросился на колѣни предъ матерью и сказалъ ей: «лучше самъ пойду по міру, а брата въ ящики не отдамъ; будемъ обучать его грамотѣ и тогда можно будетъ опредѣлить его причетникомъ въ какую нибудь церковь.» — Если бы это любопытное сказаніе не сохранилось намъ изъ устъ смиреннаго келейника, мы бы не знали, какой таинственный Промыслъ, отъ самаго отрочества, руководилъ будущимъ великимъ подвижникомъ. — Любовь братская спасла Тихона; она же приготовила въ немъ и достойнаго служителя Церкви; но оставшись въ домѣ родительскомъ, онъ продолжалъ томиться подъ гнетомъ тяжкой нищеты, о которой вспоминалъ въ послѣдніе годы своей жизни: «когда бывало дома ѣсть нечего, рассказывалъ онъ келейнику, я ходилъ на цѣлый день боронить землю у какого либо богатаго пахаря, чтобы онъ только прокормилъ меня.» Иныя нивы духовныя суждено ему было воздѣлывать; такъ трудился онъ однако надъ земными работами, въ потѣ лица, до четырнадцатилѣтняго возраста.

Въ началѣ 1737-го года послѣдовали, одинъ за другимъ, два строгихъ указа Императрицы Анны Иоанновны, имѣвшіе большое вліяніе на его участь, о разборѣ дѣтей церковнослужительскихъ: не учащихъ вѣрно было отдавать въ военную службу. Гражданское правительство еще строже начало исполнять указъ Царскій въ епархіи Новгородской,

сиротствовавшей безъ пастыря потому что, послѣ кончины Архіепископа Феодана Прокоповича, никто не былъ возводимъ на его кафедру; не было въ Новгородѣ и полной Семинаріи, а только одна Славянская школа при Архіерейскомъ домѣ. — Туда, на послѣднія свои деньги, старались пристроить дѣтей своихъ убогіе церковнослужители; но мать отрока Тимофея, по чрезвычайной скудости отъ бывшаго неурожая, не нашла у себя довольно средствъ, чтобы содержать сына своего и въ этомъ училищѣ; однако привезла его въ Новгородъ на разсмотрѣніе начальства, надѣясь еще спасти; ея надежды едва не остались тщетными: уже Тимофеей былъ назначенъ къ исключенію изъ духовнаго званія, для опредѣленія въ военное училище, когда опять сжался надъ нимъ старшій братъ, служившій причетникомъ при одной изъ Новгородскихъ церквей. Не смотря на крайнюю нищету, рѣшился онъ взять брата на свое содержаніе и умолилъ начальство опредѣлить его въ духовное училище. — Но обучаясь тамъ, отрокъ занимался и дома, подъ надзоромъ брата, чтеніемъ полезныхъ книгъ, а въ свободные часы, самъ себѣ спускавалъ пропитаніе, нанимаясь у огородника копать гряды. Множество учениковъ, коихъ считалось до тысячи при двухъ только учителяхъ, препятствовало успѣху занятій; но когда, въ 1640 году, переведенъ былъ изъ Вологды Епископъ Амвросій, училище Новгородское получило лучшее устройство. Ревностный пастырь озаботился

завести полную Семинарію и вызвалъ изъ Кіева ученаго іеромонаха Иннокентія, которому поручилъ училище и перевелъ оное за городъ въ монастырь Св. Антонія Римлянина. Изъ тысячи учениковъ избраны были только самые надежные, числомъ до двухъ сотъ, и помѣщены на казенное содержаніе. Между ними былъ и юный Тимофей, тогда уже совершенный сирота, ибо лишился матери; онъ могъ наконецъ съ успѣхомъ продолжать свое образованіе, но и тутъ одолѣвала его нищета. Такъ рассказывалъ онъ въ послѣдствіи: «когда бывало получу казенный хлѣбъ, то половину оставлю себѣ на продовольствіе, а другую продамъ и куплю свѣчку, чтобы можно было читать. Товарищи мои, богатыхъ отцевъ дѣти, случалось иногда найдуть отощки моихъ лаптей и, смѣясь надо мною, начнутъ ими махать на меня, приговаривая: «величаемъ тя.» Имъ-же довелось въ послѣдствіи кадить Тихону еѣміаѣомъ.

Юноша, всегда стоявшій впереди всѣхъ своихъ сверстниковъ, въ теченіи шести лѣтъ, переходилъ успѣшно въ высшіе классы, и съ такимъ усердіемъ занялся изученіемъ Греческаго языка, что впослѣдствіи самъ могъ преподавать его. Послѣ кончины Архіепископа Амвросія переведенъ былъ на его кафедру Псковскій Архіепископъ Стефанъ, который еще болѣе расширилъ ученіе семинарское и открылъ два новыхъ класса, философіи и богословія. Тимофей приобрѣлъ любовь новаго Архипастыря и, по своихъ отличныхъ

способностямъ, былъ предѣленъ учителемъ риторики. Какъ только позволили ему средства, по должности учительской, онъ взялъ на свое иждивеніе старшую сестру, которая, въ большой нищетѣ, жила въ его родномъ селеніи. Давно уже онъ имѣлъ желаніе постричься въ монашество, но родственники, видѣвшіе въ немъ единственную свою опору старались всячески отклонить его отъ этой мысли и совѣтовали вступить въ бракъ, чтобы получить гдѣ либо мѣсто приходскаго священника. Можетъ быть исполнилось бы ихъ желаніе, еслибы не кончина Архіепископа Стефана, (въ 1753 г.) послѣ котораго паства Новгородская оставалась опять четыре года безъ пастыря, а въ это неопредѣленное время не могъ ни на что рѣшиться Тимошей. Но какъ только переведенъ былъ изъ Рязани, на кафедру Св. Софіи, Архіепископъ Димитрій, то бывший учитель риторики немедленно подалъ ему просьбу о своемъ постриженіи и, въ Лазареву субботу, (1758 года) былъ постриженъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, учителемъ философіи Стефаномъ Лаговскимъ, который впослѣдствіи съ честью занималъ кафедру Рязанскую. Ректоръ Семинаріи Новгородской, Парѣній, постригалъ обоихъ и измѣнилъ мірское имя Тимошея на иноческое Тихона, коимъ суждено было ему прославить Церковь Русскую.

Былъ одинъ случай, когда Тихонъ былъ еще свѣтскимъ учителемъ, о которомъ вспоминалъ

онъ до конца своей жизни, благодаря Бога за свое спасеніе. Однажды на Пасхѣ взошелъ онъ, вмѣстѣ съ сверстниками, на колокольню Антоніевой обители, полюбоваться окрестными видами; товарищи уже сошли, а онъ, погрузившись въ глубокую думу, неосторожно оперся о перила, которыя вдругъ обрушились; его же какъ будто кто оттолкнулъ назадъ къ колоколамъ, такъ что упалъ на помость затылкомъ едва могъ опомниться; съ трудомъ дошелъ онъ до келліи Архимандрита, блѣдный какъ мертвецъ; всѣ ужаснулись, увидя въ дребезги разбитыя перила.

Благодатныя видѣнія рано стали посѣщать юношу, посвятившаго себя богомыслию, еще прежде постриженія въ иноческій образъ. Это разсказывалъ самъ Тихонъ, будучи уже въ Задонскѣ. Однажды, въ тихую Майскую ночь, вышелъ онъ на крыльце послѣ молитвы, и предъ нимъ какъ будто раскрылось небо: внезапно такое яркое сіяніе его облистало, какого браннымъ языкомъ выразить нельзя, но только на одно мгновеніе, небо опять приняло естественный свой видъ; въ сердцѣ же юнаго подвижника возбуждилось еще болѣе пламенное стремленіе къ уединенной жизни. Тотчасъ послѣ своего постриженія, Тихонъ былъ вызванъ въ сѣверную столицу, ибо тамъ присутствовалъ въ Св. Синодѣ Архіепископъ Дмитрій и, на Оуминой недѣли, посвятилъ новаго инока въ іеродіакона, а лѣтомъ, во время вакацій, вызвалъ опять чтобы рукоположить во іеро-

монаха. На слѣдующій годъ Тихонъ былъ назначенъ Префектомъ Семинаріи Новгородской, но не долго оставался въ этой должности, потому что Епископъ Тверской Аванасій, хорошо знавшій дарованія и добродѣтели Тихона, выпросилъ его себѣ въ епархію у Архіепископа Дмитрія. Тамъ былъ онъ немедленно поставленъ въ Архимандрита Желтикова монастыря съ назначеніемъ въ Ректоры Тверской Семинаріи. Такъ быстро подвигался Тихонъ на поприщѣ духовномъ, какъ свѣтильникъ, который не могъ оставаться подъ спудомъ. Многимъ уже было извѣстно внутреннее его достоинство и высшая степень Епископства его ожидала. Два года провелъ онъ въ должности Ректора, и уроки богословія, составленные имъ для учениковъ своей Семинаріи, послужили основаніемъ замѣчательной его книгѣ о истинномъ Христіанствѣ, къ назиданію всей отечественной Церкви, такъ какъ самъ онъ былъ весь проникнутъ духомъ Св. Писанія и твореній Отеческихъ. Тихонъ, по своему глубокому смиренію, никогда не думалъ, что онъ можетъ когда либо достигнуть степени епископской, но промыслъ Божій таинственно указалъ на него верховнымъ пастыремъ Русской Церкви.

Однажды въ день Пасхи, на божественной литургіи, во время Херувимской пѣсни, подошелъ онъ вмѣстѣ съ другимъ пресвитерами, къ Архіерею, который вынималъ части у жертвенника и, на его обычное прошеніе: «помяни мя Владыко

святый», Аѳанасій, забывшись, отвѣчалъ: «Епископство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ.» Смутился смиренный Тихонъ, но Архипастырь, улыбаясь сказалъ ему: «дай Богъ вамъ быть Епископомъ.» И что-же? въ этотъ самый день, первенствующій членъ Синода, Митрополитъ Дмитрій, вмѣстѣ съ Епископомъ Смоленскимъ Епифаніемъ, избирали Викарія въ Новгородъ. Уже написаны были имена семи кандидатовъ, выборъ коихъ долженъ былъ рѣшиться по жребію, когда Смоленскій Епископъ просилъ приписать къ нимъ еще имя Тверскаго Ректора, и хотя Митрополитъ замѣтилъ: что оцъ еще молодъ, однако велѣлъ записать. Три раза метали жребій и три раза выпадалъ жребій Тихона. «Видно Богу такъ угодно, сказалъ Дмитрій, хотя и не туда я думалъ его назначить, а въ Архимандриты Сергіевой лавры.»

Тихонъ, по любви своей къ уединенію, хотѣлъ устроить себѣ келлію посреди монастырской роши; тамъ однажды наблюдалъ за сельскими работами и, услышавъ благовѣсть, пошелъ въ церковь; но едва лишь сталъ на своемъ мѣстѣ, какъ явился посланный, съ зовомъ отъ Епископа Аѳанасія, и вслѣдъ за нимъ другой, требовавшій немедленнаго прихода. Смутился Тихонъ, опасаясь какого либо доноса, но при входѣ въ архіерейскіе покои, былъ встрѣченъ самимъ Владыкою, который поздравилъ его Епископомъ и велѣлъ ему немедленно ѣхать въ сто-

лицу, а самъ заплакалъ говоря: «жаль мнѣ разстаться съ вами.»

13-го Мая 1761 года, на 37 году отъ рожденія, Тихонъ рукоположенъ былъ, въ Петропавловскомъ соборѣ, во Епископа городовъ Кексгольма и Ладогои и Викарія Новгородской епархіи; до него не было тамъ Викаріевъ и отсутствіе Архіереевъ чувствовалась въ сей древней Митрополіи; Хутынъ монастырь былъ назначенъ для него мѣстомъ лѣтняго жительства. Съ любовію встрѣтили Новгородцы новаго Пастыря своего, воспитаннаго въ ихъ кругу, котораго издавна привыкли уважать по его монашеской жизни; но не долгое время ему суждено было оставаться съ ними. Многіе изъ его товарищей, которые смѣялись надъ его лаптями, были уже тогда священниками и діаконами въ Новгородѣ. Съ большимъ смущеніемъ предстали они своему Владыкѣ, ожидая отъ него укоровъ, но Тихонъ встрѣтилъ ихъ крѣтко, какъ нѣкогда Іосифъ братію свою въ Египтѣ, словомъ міра: «не бойтесь, я Божій» Тихонъ, улыбаясь, напомнилъ имъ дѣтскіе годы: «вы на меня махали отопками, а теперь будете кадилами махать» и видя ихъ смущеніе, прибавилъ: «я это шутя вамъ говорю». Сестра Тихона, жившая въ Новгородѣ, видѣла торжественную встрѣчу брата своего и не смѣла къ нему явиться, но самъ онъ пригласилъ ее на другой же день, и они вспомнили со слезами тяжкіе годы своего дѣтства, въ крайней нищетѣ. «Ты род-

ная никогда не наскучишь мнѣ, говорилъ ей Тихонъ, потому что я тебя почитаю какъ старшую сестру;» но не больше мѣсяца прожила она подъ кровомъ братскимъ. Тихонъ самъ отпѣвалъ ее и потомъ рассказывалъ своимъ близкимъ: что когда въ послѣдній разъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, ему показалось будто она улыбнулась.

Въ Августѣ слѣдующаго года, весь Синодъ отправился въ первопрестольную столицу, для царскаго вѣнчанія Императрицы Екатерины и, въ его отсутствіе, велѣно было Тихону предсѣдательствовать въ Синодальной конторѣ, которая была переведена въ Петербургъ. Въ теченіи сего времени скончался Епископъ Воронежскій Іоанникій и, на его мѣсто, представлены были два Архимандрита: Донскаго монастыря Варлаамъ и Бѣлозерскаго Симонъ; но не извѣстно почему выборъ Императрицы палъ на Викарія Новгородскаго. Не ранѣе однако весны, уже по возвращеніи Синода, отправился Тихонъ къ своей новой паствѣ и 14 Мая 1763 года, прибылъ въ загородный домъ Воронежскихъ Архіереевъ. Десятымъ послѣ первоначальнаго Святителя Митрофана, вступилъ на его кафедру смиренный Тихонъ, чтобы ближе всѣхъ слѣдовать по стопамъ его и какъ бы настигнуть въ царствѣ небесномъ скорымъ послѣ него прославленіемъ. Въ тойже смиренной обители Троицкой, гдѣ нѣкогда готовилась къ смерти великой его предмѣстникъ, за слово обличенія Царю противъ вѣлѣныхъ изобра-

женій идольскихъ, нашелъ себѣ пріютъ и достойный его преемникъ, который не уступалъ ему въ ревности церковной и смѣло обличалъ, предъ своею паствою, безотчетно сохранившіеся въ ней остатки язычества.

Положеніе Тихона, по управленію епархіи, было гораздо затруднительнѣе, нежели какъ при ея первоначальномъ пастырѣ, когда вся она состояла только изъ нѣсколькихъ городовъ и малонаселенныхъ уѣздовъ, отписанныхъ къ ней отъ Рязанской области. Въ послѣднее время постепенно расширилась она къ югу, по теченію Дона и Донца и иныхъ рѣкъ, и присоединилось къ ней еще много городовъ бывшей Крутицкой епархіи, такъ что до 800 церквей и болѣе восьми сотъ тысячъ жителей составляли обширную паству Святителя Тихона; но она была лишена всѣхъ вещественныхъ средствъ, потому что въ это самое время отобра- ны были церковныя имущества, а положенные по новымъ штатамъ оклады еще не производились. Напрасно писалъ о томъ Тихонъ къ властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, представляя всю затруднительность своего положенія, упадокъ образованія духовнаго, разрушеніе самыхъ зданій церковныхъ и убожество соборной церкви; жалобы его остались безъ вниманія и онъ долженъ былъ искать себѣ помощи въ силѣ своего духа и благодатномъ обиліи пастырской своей ревности.

Въ одно и тоже время занялся онъ и сооруженіемъ вещественныхъ храмовъ и обновленіемъ нерукотворенныхъ, которые составляли Церковь Бога живую. Такъ какъ кафедральный соборъ его приходилъ въ совершенную ветхость, Святитель Тихонъ, на другой же годъ своего прибытія, однимъ только подаеніемъ началъ строить другой каменный соборъ Архангельскій, который имѣлъ утѣшеніе довершить во время своего управленія. Въмѣсто Семинаріи нашель онъ въ архіерейскомъ домѣ, на скудномъ иждивеніи, одно только убогое училище Славянскаго языка, потому что, по новымъ штатамъ, уничтожены были прежніе сборы съ имуществъ церковныхъ. Тихонъ старался сколько могъ, поддерживать своими средствами эту школу, завелъ и другія по городамъ и, какъ только полученъ былъ первый незначительный окладъ, немедленно собралъ въ Воронежѣ полную Семинарію и выписалъ для нее духовныхъ учителей изъ Кіева и Харькова, такъ что въ короткое время она достигла цвѣтущаго состоянія. И могло-ли быть иначе, когда самъ Пастырь непрестанно оней заботился, зная что она послужитъ для нравственнаго утвержденія вѣрнной ему паствы. Часто посѣщаль онъ классы и знакомился съ характеромъ учениковъ, дѣйствуя на нихъ личнымъ своимъ присутвіемъ, гораздо болѣе нежели черезъ довѣренныхъ людей. Онъ имъ указывалъ какого лучше держаться порядка для образованія юношей, отмѣчалъ назидательныя мѣ-

ста изъ духовныхъ писателей, и самъ поучалъ словесно учениковъ; отличавшихся между ними, ободрялъ подарками книгъ или платья, иногда и денежнымъ жалованіемъ, или принималъ ихъ на полное казенное содержаніе и сверхъ того, учредилъ для Семинаристовъ, по воскреснымъ днямъ, открытое преподаваніе закона Божія въ соборномъ храмѣ. Ежедневно при выходѣ изъ школы, утромъ и вечеромъ, одинъ изъ учениковъ долженъ былъ читать вслухъ, всѣхъ своимъ товарищамъ, составленное Тихономъ наставленіе о томъ благодравіи, какое прилично людямъ, готовящимся на служеніе Церкви, и правила сія, чрезъ частое ихъ повтореніе, глубоко вкоренялись въ сердца юныхъ питомцевъ.

Святитель весьма хорошо чувствовалъ, что для нравственнаго усовершенствованія своей паствы прежде всего необходимо обратить вниманіе на ближайшихъ пастырей, непосредственно ею руководящихъ; посему, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, написалъ для духовенства особую книжку, подъ названіемъ: «должность священническая о седми Таинствахъ» и разослалъ ее по всѣмъ монастырямъ и приходамъ, для безмездной раздачи священникамъ. Онъ подражалъ въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ только что прославленному, предъ глазами всей Россіи, великому Святителю Ростовскому Димитрію, который непрестанно вразумлялъ подвѣдомственныхъ ему священниковъ, окруженными своими посланіями. Книжка Тихона была

какъ малый Катихизисъ, въ которомъ излагалось по вопросамъ и отвѣтамъ, ученіе о каждомъ таинствѣ, съ убѣдительнымъ внушеніемъ благоговѣйно совершать ихъ.—На слѣдующемъ году дополнилъ онъ сей Катихизисъ, присовокупивъ къ нему болѣе подробное наставленіе о таинствѣ покаянія, для руководства неопытныхъ священниковъ при исповѣди: какъ имъ бесѣдовать съ людьми, хотящими раскрыть предъ ними свою душу. Не довольствуясь тѣмъ, написалъ онъ еще, годъ спустя, окружное посланіе духовенству своей паствы, внушая пресвитерамъ скромное и трезвенное житіе, братолюбіе взаимное и любовь къ прихожанамъ и напоминая, словами Евангельскими, высокій долгъ ихъ званія. Во то же время начерталъ и руководство для духовныхъ правленій съ увѣщаніемъ блюсти правосудіе и присягу; такимъ образомъ ничего не было забыто заботливымъ Архипастыремъ, для вразумленія поставленныхъ на духовной стражѣ.

Отъ пасущихъ обратился Тихонъ къ пасомымъ; онъ нашелъ въ епархіи своей болѣе простоты въ нравахъ, но и менѣе образованія нежели на сѣверѣ Россіи и, соображаясь съ духовною нуждою народа, добрый Пастырь составилъ четыре малыя книжки, подъ заглавіемъ: «краткое увѣщаніе для всегдашней памяти о смерти; замѣтки изъ Св. Писанія для возбужденія грѣшника отъ грѣховнаго сна; наставленіе во взаимныхъ обязанностяхъ родителей и дѣтей, и наконецъ, плоть и

духъ, или взаимная ихъ борьба въ челоѣкѣ. Святитель велѣлъ священникамъ прочитывать сія книжки народу, вмѣсто церковныхъ поученій, и даже развѣшивать по стѣнамъ нѣкоторые листы, съ краткими наставленіями, чтобы они всегда были на глазахъ, при входѣ въ церковь.

Тихонъ былъ близокъ народу, какъ по своему убогому происхожденію, такъ и по первоначальному воспитанію, а потому особенно любилъ людей простаго званія и умѣлъ съ ними сблизаться искреннимъ словомъ, которое доступно было сердцу каждаго. Наставленіе въ истиннахъ вѣры было главною его цѣлію, для сего выписалъ изъ Московской Академіи просвѣщеннаго студента, котораго посвятилъ въ діакона кафедральнаго собора, и ему поручилъ катихизическую проповѣдь по воскреснымъ днямъ, но замѣтивъ, что народъ мало внимаетъ поученію въ церквахъ, написалъ отъ себя обличительное увѣщаніе, которое велѣлъ прочесть во всѣхъ приходахъ. Особенно возмущало его душу нехристіанское препровожденіе церковныхъ праздниковъ, которые болѣе ознаменовывались гульбищами и нескромными играми, нежели молитвою; объ этомъ напроче поручалъ онъ священникамъ говорить своимъ прихожанамъ, и самъ неоднократно обличалъ народъ. Достойнъ вниманія одинъ случай, который свидѣтельствуетъ о его ревности, не уступавшей ревности великихъ Святителей, Златоуста и Амвросія.

Въ Воронежѣ существовалъ съ давнихъ временъ

языческой обычай праздновать, предъ началомъ Петрова поста, цѣлую недѣлю нѣкоему Ярилѣ. Окрестные жители стекались, какъ бы для ярмарки, на городскую площадь, куда выводили молодого человѣка, опутаннаго лентами и цвѣтами, съ позвонками въ рукахъ, который плясалъ передъ народомъ и представлялъ собою того языческаго идола Ярилу, въ честь коего совершалось нелѣпное празднество, заключавшееся пьянствомъ, кулачными боями, а иногда и смертоубійствомъ. Не могло вынести такого безчинія сердце ревностнаго пастыря, который не потерпѣлъ третища идольскаго посреди христіанскаго города, тѣмъ паче, что безчестіе сіе и буйство годъ отъ года возрастали. Въ первый день Петрова поста рѣшился онъ самъ выѣхать къ народу, изъ своего загороднаго уединенія, и какъ горько поражены были взоры его неистовымъ зрѣлищемъ: повсюду раздавались дикія пѣсни, вопли и крики, до высшей степени доходилъ разгулъ пьяной толпы, возбужденной развратными плясками. Исполненный негодованія Тихонъ въѣхалъ въ самую средину безчинствующихъ, и сказалъ сильное обличительное слово, которое возбудило стыдъ и раскаяніе. Многіе сейчасъ-же разбѣжались, другіе еще остались на площади, но уже не для игрищъ, а для того, чтобы со смиреніемъ слушать увѣщанія своего пастыря, который угрожалъ имъ отлученіемъ отъ церкви, если не прекратятъ безчинія. Въ своемъ присутствіи немедленно заставилъ онъ раззорить всѣ шалаши,

устроенные для игръ и для торжища, и тогда только возвратился въ свое уединеніе.

На другой день Тихонъ созвалъ къ себѣ въ обитель всѣхъ городскихъ священниковъ и лучшихъ гражданъ и, въ обличительномъ словѣ, объяснилъ имъ все безобразіе бывшаго торжества, умоляя на всегда его оставить. Въ ближайшее воскресенье назначилъ онъ всенародное собраніе въ кафедральномъ соборѣ, и тамъ опять произнесъ сильное слово противъ языческаго требища. Изложивъ сперва до какой степени оно незаконно и недостойно христіанъ, напомнилъ онъ православнымъ: что они записаны въ воинство Христово и уже отреклись, при святомъ крещеніи, отъ сатаны и его аггеловъ. И что-же? — люди, чающіе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, въ такое время, когда святая Церковь едва только успѣла отпраздновать сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ, въ честь коихъ установила постъ и молитву, въ это время называющіе себя Христіанами, забывъ свое высокое званіе, начинаютъ безчинствовать, и отъ незаконныхъ игръ доходятъ даже до смертоубійства, въ угожденіе діаволу, ибо это требище установлено еще со временъ язычества. Тогда обратился къ священникамъ, которые поставлены на стражѣ дома Божія, и напомнилъ имъ строгую ихъ отвѣтственность, если допустить по своей безопасности, погибель христіанскихъ душъ. Не убоился онъ сказать сильное слово и свѣтскимъ властямъ, присутствовавшимъ въ соборѣ, чтобы

твердо исполняли долгъ свой, наблюдая за благочи́ниемъ народа. И отцевъ семейства, и старѣйшихъ изъ горожанъ, трогательно увѣщаваль: не оставаться равнодушными къ такому позору, но удерживать дѣтей своихъ и подчиненныхъ отъ участія въ бѣсовскихъ требищахъ, чтобы не дать случая врагамъ православія кощунствовать надъ святою Церковью и обезславить самый городъ, гдѣ совершается такое хульное празднество, котораго недостойное имя должно-бы истребится изъ памяти народа.

Слово сіе, одушевленное простосердечіемъ и пастырскою ревностію, имѣло удивительный успѣхъ; рыданія въ церкви заглушали голосъ проповѣдника, всѣ покаились съ сокрушеніемъ сердца и, къ вѣчной славѣ добраго пастыря, языческой обычай навсегда былъ оставленъ въ Воронежѣ. Увѣщаніе Святителя повторено было во всѣхъ приходскихъ церквахъ для большаго впечатлѣнія на народъ; многіе изъ простыхъ людей, увлеченныхъ давностію обычая, въ которомъ не давали себѣ отчета, приходили въ уединенную обитель своего пастыря и тамъ, со слезами, просили у него прощенія за нанесенное ему огорченіе: это было торжество Христіанства и любви, достойное первыхъ временъ проповѣди слова Божія.—Тихонъ смиренно благодарилъ Бога за дарованный ему успѣхъ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прекратить и другія безчинныя увеселенія, на сырной недѣли, объяснивъ доступно для каждаго, какъ мало они соответствовали духовному значенію сихъ преду-

готовительныхъ дней, служащихъ преддверіемъ великому посту, которые ознаменованы чтеніемъ евангельскимъ о страшномъ Судѣ. Слово сіе также имѣло желанный успѣхъ и, во все остальное время управленія Тихона, не повторялись болѣе прежнія безчинія на сырной недѣли я, даже послѣ него, не скоро возобновились въ Воронежѣ, по примѣру иныхъ городовъ.

Случалось однако кроткому пастырю терпѣть и осужденіе за свою благочестивую ревность, ибо не вездѣ находилъ благопріятную почву для сѣянія слова Божія; немощнымъ людямъ не правилось иногда, что Святитель, во время общаго бѣдствія, налагалъ особые посты на гражданъ; но страхъ оскорбить его заставлялъ повиноваться, ибо еще живо видѣли уже въ немъ угодника Божія и говорили между собою: «нельзя не послушаться, Богу пожалуется». Дѣйствительно бывали случаи, когда Господь видимо наказывалъ ослушниковъ. Бѣжалъ однажды Тихонъ на погребеніе помѣщика, чрезъ село Хлевное, по Московской дорогѣ; тамъ грубые жители долго задержали его, не давая лошадей, подъ предлогомъ будто ихъ нѣтъ, когда напротивъ были ими весьма богаты; вскорѣ послѣ того пали у нихъ почти всѣ лошади, такъ что они пришли въ крайнюю бѣдность и почувствовали вину свою, что оскорбили человека Божія. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Тихонъ жилъ на покой въ Задонскѣ, они пришли просить у него разрѣшенія въ винѣ своей, жалуясь будто кроткій

Святитель ихъ проклялъ. Тихонъ лежалъ больной и не могъ принять ихъ, но велѣлъ сказать имъ: «что никогда и не думалъ ихъ проклинать, а только Богъ ихъ наказалъ за неуваженіе къ своему пастырю».

Между тѣмъ здоровье Святителя Тихона, не крѣпкое по самой его природѣ, видимо ослабѣвало отъ пастырскихъ его заботъ и подвиговъ, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно дѣтеленъ и все принималъ къ сердцу. Ни одного праздника не оставлялъ онъ безъ церковной службы и безъ духовной бесѣды къ своей паствѣ, и проводилъ иногда цѣлыя ночи безъ сна, чтобы только кончить дѣла, которыя накопились отъ чрезвычайной заботливости, съ какою старался самъ во все вникнуть. Все утро посвящалъ онъ разматриванію епархіальныхъ дѣлъ и безотлагательно принималъ просителей, выслушивая каждого съ большимъ участіемъ, чтобы произнести безпристрастный судъ: лично увѣщавалъ враждующихъ къ взаимному примиренію, а иногда и строго обращался съ виновными. Послѣ обѣда, когда краткій сонъ освѣжалъ его силы, Тихонъ занимался до самой полночи нравственными сочиненіями для своей паствы, которыя послужили для всей Россіи, и отказывалъ себѣ въ отдыхъ, почитая лучшимъ отдохновеніемъ чтеніе Св. Отцевъ, ваипаче Златоуста, котораго духомъ былъ проникнуть.

Если отвлекало его отъ занятій посѣщеніе проѣзжихъ, которые искали назиданія добраго пасты-

ря, онъ старался, чтобы бесѣда съ ними, по возможности, была краткою и душеспасительною. Людямъ же бѣднымъ, и особенно нищимъ, всегда былъ къ нему доступъ, и ни о чемъ такъ не заботилось его сердце, какъ о вспоможеніи убогимъ и утѣшеніи скорбящихъ. На Пасху и Рождество и наканунѣ всѣхъ постовъ, имѣлъ онъ обыкновеніе посылать, по мѣрѣ силъ своихъ, подаваніе въ богадѣльни и остроги. Иногда одѣвался простымъ инокомъ и, по вечерамъ, самъ посѣщалъ жилища убогихъ, вмѣстѣ съ милостынею подавая и слово утѣшенія. Темнота ночи не позволяла сначала узнавать добраго пастыря, но въ послѣдствіи нѣкоторые стали догадываться, и Тихонъ принужденъ былъ оставить сей христоролюбивый обычай, а только посылалъ отъ себя монаховъ съ подаваніемъ, почитая нищихъ Христовою и своею братіею.

При такихъ неусыпныхъ трудахъ и отъ частыхъ затрудненій, какія ему встрѣчались при исполненіи благихъ намѣреній, нервныя болѣзни, къ которымъ былъ онъ отъ самаго дѣтства склоненъ, начали все болѣе и болѣе усиливаться; частая бессонница и волненіе крови, лишая его покоя, наводили на него мрачное расположеніе духа и даже иногда припадки ипохондріи. Тихонъ началъ чувствовать себя неспособнымъ исполнять долге пастырскія свои обязанности, а между тѣмъ его тревожила совѣсть, что отъ душевнаго его разстройства можетъ пострадать его паства, и самъ онъ подвергнется страшной отвѣтственности предъ судомъ

Божіимъ. Еще въ первый годъ своего правленія, просилъ онъ Св. Синодъ уволить его отъ эпархіи, потому что уже чувствовалъ себя больнымъ и, отъ частыхъ головокруженій, не могъ иногда служить. Тихонъ просилъ себѣ келію въ лаврѣ Троицкой; но духовное начальство не соглашалось его уволить, въ надеждѣ на выздоровленіе. Три года спустя онъ опять повторилъ свою просьбу, предлагая, дозволить ему по крайней мѣрѣ временное пребываніе въ Задонскомъ монастырѣ, до излѣченія болѣзни, но и на это не послѣдовало разрѣшенія. Наконецъ, годъ спустя, Тихонъ обратился прямо къ Императрицѣ съ просьбою о своемъ увольненіи, и на сей разъ она была уважена. Ему дозволили избрать какой либо монастырь, своей эпархіи, для жительства и назначено 500 рублей на содержаніе. Въ первыхъ числахъ Января, 1768 года, Святитель Тихонъ получилъ давно желанный указъ и немедленно престился съ своею паствою, которая только четыре съ половиною года пользовалась отеческимъ его правленіемъ; но свѣтильникъ Церкви не могъ оставаться подъ спудомъ. Соименный ему Тихонъ былъ назначенъ на его кафедру, и за нимъ послѣдовалъ третій Тихонъ: такимъ образомъ благодатное имя сіе, до самой кончины перваго Святителя, который его послылъ, воспоминалось въ церквахъ бывшей его эпархіи, какъ будто самъ онъ еще продолжалъ святительствовать и въ уединеніи Задонска.

Не Задонская обитель была сначала взбрана Ти-

хономъ для его успокоенія; другой уединенный монастырь Толшевскій, за 40 верстъ отъ Воронежа, привлекъ къ себѣ его вниманіе глубокою своею тишиною, посреди дремучихъ лѣсовъ, и туда удалился еще прежде нежели получилъ увольненіе отъ епархіи; онъ надѣялся, что свѣжій воздухъ и спокойствіе, при сельскихъ работахъ, возстановятъ его силы, но болотистая мѣстность оказалась неблагоприятною для его здоровья; самая густота лѣсовъ, отъ которой обитель получила названіе Толщей, сыростью своею успила его болѣзненные припадки. Осенью почувствовалъ онъ до какой степени вредно для него пребываніе въ дремучихъ лѣсахъ Толщи. Къ причинѣ вещественной присоединилась и нравственная; настоятель монастыря былъ зараженъ расколомъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ у себя водвореніе бывшаго своего пастыря, который искалъ обратитъ его на путь истинны. Болѣе года колебался Святитель и наконецъ на слѣдующій годъ, во время великаго поста, рѣшился перемѣнить мѣсто, избравъ для своего мирнаго убѣжища обитель Задонскую, благоприятную по климату, которая лежитъ на веселомъ мѣстѣ, въ полугорѣ надъ берегомъ Дона; тамъ водворился на всегда, въ небольшомъ каменномъ домѣ, пристроенномъ къ колокольнѣ у Св. воротъ. Не было еще тогда города въ Задонскѣ, только одна скромная слобода.

Не забылъ однако Тихонъ и прежде избранной имъ обители Толшевской, и пріѣзжалъ туда не одно-

кратно, лѣтомъ и зимой, на нѣсколько дней, для молитвеннаго подвига. — «Здѣсь, говаривалъ онъ, походить на монастырь и самая монашеская уединенная жизнь; если бы не гнилая вода, никогда не подумалъ бы я оставить это мѣсто.» Онъ чувствовалъ себя тамъ спокойнѣе духомъ, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, бывалъ на трапезѣ съ братіей, по ночамъ обходилъ соборную церковь и становился на колѣна предъ ея дверьми, проливая слезы и воспѣвая псалмы, которые всѣ зналъ наизусть. Климатъ Задонскій, по открытой его мѣстности и обилію источниковъ, былъ дѣйствительно гораздо полезнѣе для здоровья уединившагося Святителя; но тутъ овладѣла имъ душевная болѣзнь, слѣдствіе того мрачнаго расположенія духа, которое заставило его отказаться отъ епархіи.

По мѣрѣ укрѣпленія силъ своихъ, сталъ онъ испытывать сердечную скорбь о своей мнимой праздности, какъ это свойственно людямъ дѣятельнымъ, которые внезапно чувствуютъ себя на свободѣ. Обиліе времени точно также тяготило его душу, какъ нѣкогда и недостатокъ онаго для пастырскихъ занятій. Ему казалось, что онъ совершенно бесполезенъ для общества, а между тѣмъ получаетъ пенсію за прежнюю службу. Тихонъ укорялъ себя даже и въ томъ, что принималъ, хотя и на краткое время, санъ епископскій, котораго не почиталъ себя достойнымъ, не исполнивъ того, что бы могъ по мѣрѣ силъ своихъ, совершить ко благу ввѣренныхъ ему душъ. Всѣ сіи

мрачныя думы волновали его сердце и онъ часто о томъ говорилъ своимъ прпснымъ; писалъ даже къ первенствовавшему въ Св. Синодѣ Архіепископу Гавріилу, который зналъ его лично и уважалъ. Думая его успокоить, Гавріилъ предложилъ ему въ управленіе Валдайскій Иверской монастырь, близъ мѣста его родины, но Тихонъ не рѣшился еще однажды перемѣнить мѣсто, избраннаго имъ для покоя, и наконецъ успокоились его мысли. Сильно онъ съ ними боролся, иногда на цѣлыя сутки заключался въ келлію и никого къ себѣ не допускалъ; келейники слышали только голосъ его молитвы. Однажды, обу-реваемый помыслами, лежалъ онъ на постелѣ, но вдругъ поднялся и сказалъ: «хотя умру, а не выѣду отсюда!» и съ этой минуты сталъ спокойнѣе, ибо совершенно покорилъ себя воли Божіей. Его успокоило слово простаго старца, какъ тайное указаніе промысла Божія. Былъ въ Задонскѣ нѣкто Ааронъ, уважаемый имъ за строгую жизнь. Однажды келейникъ Святителя, встрѣтивъ инока у святыхъ воротъ, сказалъ, что преосвященный имѣетъ непремѣнное желаніе выѣхать изъ Задонска въ Новгородскую епархію. Ааронъ отвѣчалъ: «Божія мать не велитъ ему отсюда выѣзжать.» Когда келейникъ передалъ ему слова старческаго, Тихонъ смиренно отвѣчалъ: «да я и не поѣду отсюда» и разорвалъ уже приготовленную просьбу. Отложивъ совершенновсякую мысль о перемѣщеніи изъ Задонска, онъ рѣшился посвятить себя вполнѣ служенію ближнихъ, чтобы быть полезнымъ Церкви, хотя и не на каѳедрѣ святительской,

На другой годъ своего уединенія Святитель предпринялъ пространное сочиненіе о истинномъ Христіанствѣ, въ шести книгахъ, которое написалъ въ теченіи двухъ лѣтъ и все своею рукою. Это была полная система нравственнаго богословія, которую извлекъ онъ большею частію изъ тѣхъ записокъ, какія составлялъ еще будучи ректоромъ Тверской Семинаріи. Такимъ образомъ то, что нѣкогда преподавалъ для юншей вѣреннаго ему училища, послужило впоследствии для духовнаго образованія многочисленныхъ его читателей и читателей его памяти. До какой степени онъ былъ проникнутъ своимъ предметомъ, можно судить по тому, что о немъ рассказывалъ впоследствии его келейникъ. Однажды, когда Святитель занимался сочиненіемъ о истинномъ Христіанствѣ, вечеромъ сидѣлъ онъ на кровати и размышлялъ о страданіи нашего Господа: напротивъ висѣла картина, изображавшая распятіе; внезапно посѣтило его чудное видѣніе: по мѣрѣ того, какъ онъ устремлялъ взоры свои на язвы Господа, представилось ему, что самъ Господь сходитъ со креста и къ нему приближается; сердечное соболѣзнованіе обратилось въ неизреченную радость. Въ ужасѣ и восторгѣ бросился онъ къ ногамъ Спасителя и воскликнулъ: «ты ли, Господи, ко мнѣ грядешь?» ибо чувствовалъ себя какъ бы у самыхъ ногъ Христовыхъ, и съ тѣхъ поръ еще болѣе началъ углубляться въ созерцаніе страстей его, ради искупленія человѣческаго рода.

Въ теченіи долгаго подвижничества, посѣщали его и другія благодатныя видѣнія, Божіей Матери и верховныхъ Апостоловъ. Ему казалось, что на колѣняхъ молитъ онъ Заступницу рода Христіанскаго, о милости Божіей всему міру, и слышался голосъ Апостола языковъ: «егда рекутъ миръ и утверженіе, тогда внезапно нападетъ всегубительство». Весь въ слезахъ поднялся отъ земли Тихонъ, ибо такую любовью было проникнуто сердце его, что, по собственному выраженію, ему хотѣлось бы обнять и цѣловать всѣхъ человѣковъ.

Послѣ книги о истинномъ Христіанствѣ, Тихонъ занялся другимъ обширнымъ сочиненіемъ, въ четырехъ частяхъ, подъ названіемъ: «сокровище духовное отъ міра собираемое,» въ которомъ записалъ многіе назидательные случаи изъ собственной жизни, относя ихъ по смрению къ другимъ лицамъ; а въ промежуткѣ сихъ двухъ обширныхъ твореній, начерталъ еще такъ называемыя «письма келейныя», въ коихъ собрано имъ много нравственнаго и догматическаго, для того чтобы не пропадала ни одна благодатная мысль, мгновенно возникавшая въ душѣ его. Много времени отнимала у него и обширная переписка съ пріятелями, т. е. съ людьми, притекавшими отовсюду къ его совѣтамъ, а между тѣмъ еще находилъ время сочинять и краткія поученія народу, которыя не самъ провозносилъ, но приказывалъ читать въ монастырской церкви.

Хотя самъ онъ ради смиренія, какъ уже оставившій епархію, не позволялъ себѣ открыто проповѣдывать въ церкви, однако желалъ, чтобы народъ, хотя чрезъ чужія уста, пользовался его наставленіемъ. Самъ же ходилъ постоянно въ церковь почти къ каждой службѣ, но предпочиталъ раннюю литургію по малолѣдству и, имѣя весьма пріятный голосъ, самъ читалъ на клиросѣ и пѣвалъ Кіевскимъ напѣвомъ, а въ праздники стоялъ въ олтарѣ и съ такимъ благоговѣніемъ молился, что слезы текли изъ очей его и даже иногда слышны были рыданія. «Пойте Богу нашему, пойте разумно» говорилъ онъ священно-служителямъ, и если замѣчалъ, что во время освященія даровъ, не съ должнымъ благоговѣніемъ предстоятъ клирики или міряне, выходилъ изъ олтаря, чтобы возбудить къ молитвѣ; онъ даже дѣлалъ строгія замѣчанія, какъ власть имѣющій по святительскому своему сану, хотя и не начальствовалъ болѣе надъ ними, и ему повиновались по глубокому уваженію къ его добродѣтели. Тихонъ наблюдалъ также, чтобы непременно были читаемы въ праздники поученія, изданныя для народа отъ Св. Синода, и побуждалъ къ тому настоятеля обители Задонской, который на него сѣтовалъ и не радъ былъ такому гостю. Но какъ только Тихонъ замѣчалъ его неудовольствіе, онъ старался смягчать его какимъ либо малымъ отъ себя приношеніемъ, а между тѣмъ не оставлялъ строгаго наблюденія за исполненіемъ правилъ церковныхъ.

Въ первые годы своего жительствова въ Задонскѣ, Святитель иногда облачался въ мантию и выходилъ на парскія молебны, а на Рождество Христово и на Пасху служилъ даже утренню; никогда однако самъ не совершалъ литургіи, не смотря на то, что часто приобщался, потому вѣроятно, что почиталъ служеніе божественной литургіи слишкомъ торжественнымъ для Епископа, оставившаго свою кафедру. Можетъ быть его удерживало и нерасположеніе къ нему преемника, втораго Тихона, который оставался съ нимъ въ холодныхъ отношеніяхъ во все время управленія епархіею Воронежскою; какъ видно онъ не посѣщалъ уединившагося собрата, и даже спрашивалъ Св. Синодъ: можно ли дозволить священнодѣйствовать уволенному Епископу, если того пожелаетъ? Синодъ нашелъ неумѣстнымъ этотъ вопросъ, такъ какъ Тихонъ уволенъ былъ по собственному желанію, и велѣлъ его снабдить ризницею; но довольно было одного подобнаго вопроса, чтобы навсегда удержать Тихона отъ священнодѣйствія въ епархіи, уже ему чуждой, дабы тѣмъ не возбуждать неудовольствія ея новаго предстоятеля. Если иногда случалось, что некому было облачить Тихона, когда хотѣлъ приобщаться въ олтарѣ, или не было приготовлено мантии, то онъ самъ облачался въ священническія ризы, какъ бы простой пресвитеръ, и такъ приступалъ къ Св. тайнамъ.

Любилъ онъ бесѣдовать съ простымъ народомъ и особенно ласкалъ дѣтей, стараясь приучать ихъ

къ церкви. И въ будни, и въ праздникъ, дѣти его окружали при выходѣ изъ храма, и въ слѣдъ за нимъ входили въ его келію; гдѣ самъ училъ ихъ молиться: возрастныхъ заставлялъ твердить наизусть молитву Господню, а малолѣтнихъ приучалъ произносить хотя краткія прошенія: «Господи помилуй, слава тебѣ Господи, Іисусе Сыне Божій помилуй насъ, или Пресвятая Богородица спаси насъ, вси Святіи молитѣ Бога о насъ.» Тутъ же онъ надѣлялъ ихъ пищею или деньгами, призирая наипаче сиротъ, или тѣхъ, которые были лучшаго поведенія: но если замѣчалъ отъ того зависть между дѣтьми, старался умнотворить ихъ назидательнымъ словомъ. Нищихъ стекалось къ нему множество, и имъ также раздавалъ онъ милостыню, когда возвращался изъ церкви, или на крыльцѣ чрезъ келейниковъ, но ни въ какое время никому не отказывалъ изъ убогихъ. Часто вступалъ самъ въ бесѣду съ монастырскою братією, съ послушниками и простыми богомольцами, допуская каждаго къ себѣ подъ благословеніе и стараясь, по возможности, утаить отъ нихъ высокій санъ свой, чтобы свободнѣе раскрывали предъ нимъ свою душу; поему встрѣчалъ ихъ на дворѣ или у своего крыльца, въ простой ивоческой одеждѣ, спрашивалъ о нуждахъ и трудахъ, и для каждаго у него было назидательное слово: унылыхъ ободрялъ, печальныхъ утѣшалъ, безпомощнымъ помогалъ, а если былъ кто голоденъ, то раздѣлялъ съ нимъ убогую свою трапезу; когда

случалось, что кто либо изъ сосѣднихъ крестьянъ пострадалъ отъ неурожая или пожара, добрый пастырь давалъ ему, по возможности, пособіе деньгами, которыя самъ заимствовалъ у благодѣтелей. Если же кто изъ богомольцевъ, дорогою заболѣвалъ, то принималъ его въ свои келліи и держалъ до выздоровленія, а инымъ посылалъ на домъ пищу или лѣкарства; никто изъ болѣвшихъ между монастырскою братіею не оставался безъ его призрѣнія. Тихонъ былъ всѣмъ для всѣхъ, по слову Апостола, и какъ сказано о Іовѣ: «окомъ слѣпыхъ и ногою хромыхъ.» Посему можно судить до какой степени было къ нему привязано все окрестное населеніе.

Не только людямъ простымъ оказывалъ онъ помощь, но призиравъ и сиротъ изъ дворянскаго званія и не отказывалъ въ деньгахъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ; пользуясь общимъ уваженіемъ, ходатайствовалъ въ судахъ за притѣсняемыхъ и давалъ отъ себя просительныя письма, которыя имѣли благопріятное вліяніе. Случилось, что два родныхъ брата, служившіе причетниками въ приходской церкви Задонска, отданы были по навѣту въ военную службу; послѣ нихъ осталась престарѣлая мать, жена и девять малолѣтнихъ дѣтей, въ крайней нищетѣ. Святитель Тихонъ, прогуливаясь однажды въ монастырской рощѣ, нашелъ все сіе семейство въ горькихъ слезахъ и, неудовольствовавшись однимъ денежнымъ пособіемъ, рѣшился дѣятельно за нихъ ходатайство-

вать, чтобы спасти невинныхъ. Онъ собралъ о нихъ вѣрныя свидѣнія и написалъ отъ лица малолѣтнихъ, просьбу въ Св. Синодъ, а самъ нарочно отправилъ въ столицу одного изъ своихъ келейниковъ, съ письмомъ къ первенствовавшему Архіепископу Гавріилу. По его ходатайству вытребовано было опять дѣло и, при новомъ обсужденіи, отмѣненъ строгій приговоръ; оба причетника были возвращены къ своимъ семействамъ.

Не одинъ Задонскъ, но и сосѣдній городъ Елецъ, еще принадлежавшій въ то время къ епархіи Воронежской, были предметомъ отеческихъ его заботъ. Часто посылалъ онъ туда своего келейника, въ тайноу отъ себя милостынею, въ богадѣльни и тюрьмы. Иногда въ торговые дни, посланный отъ него вступалъ въ разговоръ, на городской площади, съ крестьянами, прїѣзжавшими на торгъ, чтобы развѣдать о ихъ нуждахъ, закупалъ у нихъ пшеницу и, выдавъ имъ часть денегъ какъ бы въ задатокъ, самъ отъ нихъ скрывался. Если недоставало у добраго пастыря на подаваніе денегъ, то выпрашивалъ ихъ у благодѣтелей, или продавалъ тѣ изъ своихъ вещей, которыя ему казались не нужными. Такимъ образомъ, и еще съ первыхъ лѣтъ уединенія своего, уже продалъ лучшее свое платье, даже постель, подушки и серебряные часы:—тогда только былъ онъ счастливъ и веселъ, когда могъ оказать кому либо пособіе, и день, протекшій безъ милостыни, почиталъ для себя потеряннымъ. Особенно, въ неурожайные годы

благодѣтельна была помощь его для всѣхъ окрестныхъ жителей и, не смотря на большое ихъ стеченіе, не оскудѣвала милующая его десница.

Тихонъ сталъ однако рѣже показываться народу, чтобы не быть прославляемымъ за добрыя дѣла свои; но если иногда приходившіе къ нему роптали, что его не видятъ, надѣясь получить болѣе изъ собственныхъ его рукъ, то самъ къ нимъ выходилъ и удовлетворялъ ихъ требованіямъ, по мѣрѣ своихъ средствъ. Постояннымъ предметомъ его состраданія были заключенные въ тюрьмахъ, за долги или преступленія и, такъ какъ Задонскъ еще не былъ тогда уѣзднымъ городомъ, то Святитель посѣщалъ, съ этою человѣколюбивою цѣлю, сосѣдній Елецъ, подъ предлогомъ будто хочетъ навѣстить своихъ пріятелей; но истинными друзьями его были узники и болящіе, а тѣ благочестивые граждане, которые пользовались его пріязнью, иногда и не знали о его пріѣздѣ. Обыкновенно вечеромъ подъѣзжалъ онъ къ городу и, оставивъ свою убогую повозку за рѣкою Сосною, пѣшкомъ подымался на высокую Елецкую гору, прямо къ тюрьмамъ. Заключенные встрѣчали его какъ отца и онъ радушно садился между ними, будто въ кругу семьи, распрашивалъ каждого о винѣ его и старался пробудить въ немъ раскаяніе или внушить терпѣніе для перенесенія своей участи. Когда же, въ 1779 году, Задонскъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, то Святитель Тихонъ, не выходя изъ своей обители

могъ заниматься и болящими и узниками, потому что, по недостатку городскихъ строеній, больница и тюрьма были первоначально помѣщены въ зданіяхъ монастырскихъ. Тамъ вполне могла удовлетвориться челоуѣколюбивая душа его заботами о несчастныхъ и, по цѣлымъ часамъ, просиживалъ онъ, или у одра умирающихъ, или въ затворѣ узниковъ, а на каждый праздникъ надѣлялъ ихъ обильною милостынею; иногда даже въ одеждѣ послушнической, чтобы не быть узаннымъ разносилъ пищу и деньги по тюрьмамъ и въ дома убогихъ.

Изрѣдка оставлялъ онъ обитель для посѣщенія окрестныхъ помѣщиковъ, между которыми имѣлъ много присныхъ и, по духу прозорливости коимъ былъ исполненъ, случалось большею частью такъ, что присутствіе его было необходимо для водворенія мира въ семействѣ, которое онъ посѣщалъ. Посему каждый его пріѣздъ почитался семейнымъ праздникомъ и, если бывали какія-либо неудовольствія, то всѣ они умиротворялись кроткимъ его словомъ. Такъ было и съ братіею монастырскою: если только слышалъ Тихонъ о какомъ-либо огорченіи между иноками или послушниками, сейчасъ призывалъ ихъ къ себѣ и старался примирить, а если самъ увлеченный бесѣдою, позволялъ себѣ кого либо осудить, то горько въ этомъ каялся и по нѣскольку дней не выходилъ изъ келліи; если же кто его лично оскорблялъ, съ чрезвычайнымъ смиреніемъ переносилъ обиду.

Но хотя и оставлялъ на время монастырь, для душевной пользы тѣхъ кого посѣщаль, скорбѣлъ однако о нарушеніи своего безмолвія, говоря: «что пустыня и уединеніе собираютъ доброе, а отлучка и соблазны міра расточаютъ». Посѣщенія его привлекали иногда и другихъ къ иноческой жизни. Сынъ богатаго помѣщика Бехтѣва, Никандръ, котораго зналъ еще съ дѣтства, когда правилъ эпархією, напутствуемый благословеніемъ Святителя, поступилъ на службу въ столицу, но вскорѣ ее оставилъ, желая послужить Богу гдѣ либо въ обители. Тихонъ совѣтовалъ ему испытать себя прежде въ духовной жизни, ибо родители съ неудовольствіемъ видѣли его удаленіе отъ свѣта и даже не позволяли ему посѣщать Задонскъ. Такъ протекли два года; наконецъ, не въ силахъ будучи переносить столь тяжкаго лишенія, въ темную ночь ушелъ онъ изъ родительскаго дома и спустился, лодкою, по Дону къ обители. На берегу увидѣлъ Тихона, который, по тайному предчувствію вышелъ къ нему на встрѣчу, съ другимъ благочестивымъ старцемъ Митрофаномъ, и въ его келліи укрылся юноша отъ поисковъ раздраженнаго отца, доколѣ не утолился гнѣвъ его; сорокъ лѣтъ провелъ онъ безвыходно въ Задонской обители, которую украсилъ своимъ благочестіемъ.

Женская, Знаменская обитель, обязана также своимъ существованіемъ Святителю, въ любимомъ его городѣ Ельцѣ, который по благочестію жителей называлъ онъ Сіономъ. Случился большой

пожаръ въ 1769 году, отъ котораго сгорѣлъ дѣвичій монастырь и всѣ монахини переведены были въ Воронежъ; одна только послушница рѣшилась, по благословенію Святителя, водвориться на непелищѣ бывшей обители, ибо онъ предсказалъ: что, по молитвѣ усопшихъ старицъ опять возобновится обитель. Послушница нашла тамъ убогую старицу, которая устроила себѣ келью изъ каменнаго погреба, и мало по малу собралось къ нимъ нѣсколько сестеръ; при пособіи Святителя Тихона и одного изъ благочестивыхъ гражданъ Елецкихъ, соорудилась не большая деревянная церковь, во имя Знаменія Богоматери, и образовалась при ней община, которая уже въ нынѣшнемъ столѣтіи возведена опять въ женскій монастырь, какъ бы во исполненіе предсказанія Святителя. Послѣ сего пожара, Тихонъ ѣздилъ самъ въ Воронежъ, для сбора подаваній, и тутъ явилъ примѣръ чудной своей прозорливости. Двое Елецкихъ гражданъ, обманомъ, испросили у него пособіе, увѣряя будто и они пострадали отъ пожара. Святитель, строго посмотрѣвъ на нихъ, далъ имъ однако денегъ, но возвратясь въ родной городъ, они съ ужасомъ увидѣли, что дома ихъ дѣйствительно сгорѣли, и поспѣшили въ Задонскую обитель покаяться въ своей винѣ.

Въ городѣ Ливнахъ, Орловской губерніи, Святитель устраивалъ, при Георгіевской церкви, богадѣльню, которая и донынѣ существуетъ подъ вѣдѣніемъ соборнаго протоіерея. Мѣстному священ-

нику поручилъ онъ постройку дома для сей благочестивой цѣли и, съ отеческою заботливостію, наблюдалъ за исполненіемъ своего благотворительнаго предпріятія. И на родину, селеніе Корецъ, и въ городъ Валдай, посылалъ онъ келейника своего для раздачи милостыни по убогимъ; двумъ же своимъ братьямъ назначилъ не болѣе пятнадцати рублей; но священнику села Едрова, близъ Валдая, велѣлъ вручить до полутора ста рублей, какъ бы отъ неизвѣстнаго лица, съ убѣдительною просьбою, потрудиться лично ихъ раздать, вникнувъ со всею подробностію въ нужды каждаго, для того, чтобы никто не былъ обиженъ.

Случалось однако, что нѣкоторые люди употребляли во зло его довѣренность, но это не оставалось безъ возмездія. Нѣкто изъ военныхъ, оставивъ жену и дѣтей, пришелъ въ Задонскъ, изъявляя желаніе постричься въ иночество. Тихонъ принялъ его къ себѣ въ келлію и держалъ болѣе года, но мнимый подвижникъ отпросился у него на родину и составилъ подложныя письма отъ его имени, чтобы воспользоваться пособіемъ благодѣтелей. Вскорѣ обнаружился обманъ; обличенный въ подлогъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ великодушію Святителя, который простилъ его, но уже болѣе не хотѣлъ у себя держать. Однажды шляхтичъ изъ Смоленска, странствовавшій по святымъ мѣстамъ, укорилъ Святителя за то, что подстригалъ усы. Тихонъ кротко отвѣчалъ ему: «не мудрствуй о себѣ высоко» и от-

пустилъ съ миромъ; немного времени спустя шляхтичь, продолжая свое странствіе, въ нетрезвомъ видѣ потерялъ паспортъ, и былъ, по пересылкѣ отправленъ въ Задонскъ, съ полубритой головой и бородой. Сжалился надъ нимъ добрый пастырь и велѣлъ келейнику взять его къ себѣ на поруки.

Смиренно переносилъ онъ оскорбленія, когда дѣло шло о спасеніи ближнихъ. При посѣщеніи одного богатаго помѣщика, воспитаннаго въ безнравственности и невѣріи минувшаго столѣтія, Святитель вступилъ съ нимъ въ словопреніе, желая обратить его на путь истинный. Противникъ его сильно горячился и выходилъ изъ себя, а Тихонъ все понижалъ голосъ, представляя ему однако неопровержимыя истины; но самая кротость Святителя еще болѣе раздражала отступника вѣры и, въ порывѣ ярости, дерзнулъ онъ ударить его по щекѣ. Что же Тихонъ?—онъ упалъ къ ногамъ своего оскорбителя, и смиренно просилъ у него прошенія, за то, что ввелъ его въ такое искушеніе. Тогда только пришелъ въ себя нанесшій ему ударъ, будучи пораженъ столь необыкновеннымъ смрненіемъ. Въ свою очередь бросился онъ къ ногамъ Святителя, умоляя разрѣшить ему столь тяжкій грѣхъ, и съ той поры совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей. И другаго юношу, весьма разсѣянной жизни, который проводилъ время въ разгульномъ обществѣ или на охотѣ, обратилъ съ погибельнаго пути благочестивый пастырь, наставленіями письмен-

ными и словесными. Обратившись къ Богу рѣшился оставить жену и дѣтей и бѣжать куда либо въ отдаленную пустынь; но и тутъ опять удержалъ его Святитель, убѣдивъ, не оставляя семейства, проводить въ кругу его благочестивую жизнь. Такъ заботился онъ о спасеніи каждаго не только изъ числа присныхъ, но и мало ему извѣстныхъ людей, ибо отовсюду стекались къ нему за совѣтомъ и назиданіемъ. Съ особенною ревностью и успѣхомъ дѣйствовалъ онъ на людей, омраченныхъ расколомъ, и старался примирить ихъ съ православною Церковію.

Еще при самомъ началѣ жительства въ Задонскѣ, когда смущались его мысли о оставленной имъ кафедрѣ, было искушеніе его дѣятельности со стороны людей чуждыхъ православію, которые искали себѣ Епископа и думали обольстить праведнаго мужа незаконными своими предложеніями. Раскольники поповщинской секты, долго и напрасно искавшіе себѣ Архіерея на Востокѣ, услышавъ о святой жизни Тихона, а можетъ быть и о томъ, что онъ скорбитъ о прежней своей кафедрѣ, дерзнули помыслить, что они могутъ преклонить его на свою сторону, и послали къ нему съ такимъ предложеніемъ, изъ Москвы, одного изъ богатыхъ старшинъ своихъ; но ревнитель православія съ презрѣніемъ отвергъ лестныя рѣчи и дары и обличилъ предъ нимъ суемудріе раскола. Не смотря на то, и впоследствии, Святитель продолжалъ пользоваться уваженіемъ расколь-

никовъ, которые часто приходили къ нему за вразумленіемъ въ истинахъ вѣры. Одинъ ревностный священникъ Оксайской станицы, что на Дону, по имени Василій, привезъ къ Святителю Тихону, для увѣщанія, упорнаго раскольника, съ нѣсколькими изъ его соумышленниковъ, и не только всѣхъ онъ ихъ вразумилъ, но и убѣдилъ, для большаго утвержденія въ истинѣ, ѣхать въ столицу къ Архіепископу Новгородскому Гавріилу, гдѣ они совершенно обратились къ Церкви. На возвратномъ пути черезъ Задонскъ посѣтили они опять Святителя, который принялъ ихъ съ любовію и благословилъ иконами, давъ имъ въ назиданіе нѣсколько тетрадей своихъ сочиненій.

Много простоты было въ келейной жизни Святителя; утромъ, послѣ церковной службы, занимался онъ большею частію писаніемъ назидательныхъ сочиненій, вечеръ посвящалъ чтенію твореній отеческихъ; во время обѣда читалъ ему келейникъ книги пророческія Ветхаго Завѣта и, съ такимъ умиленіемъ внималъ имъ святой труженникъ, что иногда, забывъ пищу, сидѣлъ и плакалъ. Если ему казалось, что келейникъ не понималъ того, что читалъ, онъ останавливалъ его посреди чтенія и самъ начиналъ объяснять ему трудныя мѣста, потому что глубоко изучилъ Св. Писаніе; особенно любилъ онъ книгу Исаи Пророка, псалтырь же носилъ съ собою всегда за пазухой и, зная его наизусть, непрестанно твердилъ стихи псаломные, сидя въ келіи или во время про-

гулки. Трапеза его была самая скудная, но и тутъ онъ говариваль, какъ бы упрекая себя въ роскоши: «слава Богу, вотъ какая у меня хорошая пища, а братія моя, иной бѣдный въ темницѣ сидить, иной безъ соли ѣсть: горе мнѣ окаянному».

Одежда Тихона была самая простая, потому что онъ хотѣлъ быть инокомъ и подвижникомъ въ полномъ смыслѣ слова и, при самомъ началѣ своего уединенія, продалъ все, что казалось ему излишнимъ, даже карманные часы, довольствуясь одними стѣнными съ кукушкою. Спалъ онъ на коврѣ и, вмѣсто одѣяла, служила ему шуба покрытая китайкой. Дома любилъ ходить въ лаптяхъ и, только выходя въ церковь, обувался въ шерстяныя чулки и коты; ряса была лишь одна и то камлотовая; когда-же Епископъ Тихонъ, третій по имени, съ 1775 года заступившій мѣсто втораго Тихона и весьма хорошо расположенный къ Святителю, подарилъ ему штофную рясу, отшельникъ Задонскій долго отъ нее отрекался; онъ позволялъ себѣ носить ее только въ церкви, а по возвращеніи, тотчасъ снималъ и даже не позволялъ келейнику бережно ее складывать, говоря: «все это суета;» да и въ келліи его не было никакого убранства, кромѣ иконъ. Въ баню никогда не ходилъ и не любилъ, чтобы ему прислуживали, развѣ только когда бывалъ боленъ.

Въ минуты искушеній затворялся онъ въ келліи и, повергаясь на землю, съ громкимъ рыда-

ніемъ молилъ Господа избавить его отъ лукаваго; даже опалялъ тѣло огнемъ, если чувствовалъ движеніе страстное; большую часть ночи проводилъ въ бдѣніи и молитвѣ и, только на разсвѣтѣ давалъ себѣ часа четыре покоя и еще около часа послѣ обѣда. Потомъ выходилъ на прогулку въ монастырскій садъ, но и тутъ любилъ погружаться въ богомысліе и, удаляясь куда нибудь въ чащу деревь, приказывалъ келейнику не тревожить его, а если нужно, то предварить какимъ либо знакомъ. Случилось однажды, что келейникъ, хотя и много разъ кашлялъ, не былъ однако услышанъ Тихономъ и засталъ его на колѣняхъ, съ поднятыми къ небу руками. Вздогнувъ подвижникъ, холодный потъ выступилъ по его лицу и скорбно было ему, что обнаруженъ его тайный подвигъ. Иногда онъ занимался въ саду копаніемъ грядъ, или рубилъ дрова, чтобы разбить кровь; вообще не любилъ праздности, и весьма огорчался, если заставаъ келейниковъ своихъ безъ дѣла. «Кто живетъ въ праздности, говорилъ онъ, тотъ непрестанно грѣшитъ.» Иногда послѣ обѣда по любви своей къ уединенію, выѣзжалъ онъ въ одноколкѣ на поле, или въ сосѣдній лѣсъ, въ сопровожденіи одного келейника, но и тутъ не оставался празднымъ, и дорогою старался объяснять ему какое либо темное мѣсто изъ святаго писанія. Любимая прогулка его была вдоль рѣки Дона, къ селу Патріаршему. Въ полуторѣ верстѣ отъ Задонска онъ останавливался у родника свѣжей во-

ды, на полянѣ среди густаго лѣса, и своими руками обдѣлалъ тутъ колодезь. «Мѣсто это святое и утѣшаетъ духъ мой, словно рай земной,» говорилъ онъ келейнику. Если бывалъ одинъ, то чтобы не оставаться празднымъ, косилъ траву для своей лошади, а иногда приглашалъ туда своихъ присныхъ и назидалъ ихъ духовною бесѣдою. Былъ и другой колодезь, нѣсколько далѣе, за три версты отъ Задонска, который также любилъ навѣщать Святитель, чтобы тамъ освѣжаться чистою водою. Исполнились предчувствія Святителя о любимыхъ его источникахъ. При ближайшемъ изъ нихъ, еще съ 1813 года, усердіемъ помѣщика Викулина, сооружена была кладбищенская церковь, во имя Живоноснаго источника, при которой устроилась впоследствии богадѣльня для престарѣлыхъ воиновъ, а съ 1860 года женская община въ память Святителя Тихона; воды сего источника пользуются отъ многихъ болѣзней. При другомъ же кладезѣ, принадлежащемъ Задонской обители устроенъ скитъ и уже готова церковь, ибо тутъ долина, укрытая отовсюду лѣсомъ и горами, особенно благопріятна для безмолвія иноческаго.

Тихонъ любилъ также посѣщать, за пятнадцать верстъ отъ Задонска, село Липовку, гдѣ стоялъ уединенный домикъ помѣщика Бехтѣева, ни кѣмъ не обитаемый; тамъ совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей, любителю безмолвія, поселиться для спасенія души своей. Тамъ помѣстилъ и роднаго своего племянника, діакономъ, при малой

приходской церкви, котораго родъ и доселѣ сохранился. Душа Святителя все жаждала большаго уединенія. «Если бы можно, говорилъ онъ, я бы сложилъ съ себя не только этотъ санъ, но и самую рясу, и какъ простой мужикъ пошелъ бы куда либо въ пустынный монастырь, но та бѣда, что у насъ этого нельзя сдѣлать.» Часто, мыслию своею, странствовалъ по священнымъ высотамъ Аѳона и воображалъ себѣ подвиги братіи своей Епископовъ и самыхъ Патріарховъ, которые тамъ спасались какъ простые иноки. Съ любовію принималъ онъ странниковъ Аѳонскихъ и, черезъ нихъ посылая подаваніе, просилъ себѣ молитвы отцевъ Святогорскихъ.

Чѣмъ болѣе совершенствовался онъ въ жизни подвижнической, тѣмъ болѣе становился строгимъ къ самому себѣ и снисходителенъ къ ближнимъ; уже онъ остерегался сказать какое либо суровое слово келейникамъ своимъ, которые сперва жаловались на пылкость его характера. Не позволялъ онъ кого либо осуждать въ своемъ присутствіи, особенно изъ числа братій, или настоятеля, отъ которыхъ часто однако терпѣлъ непріятности, потому что они не умѣли оцѣнить того сокровища, которое тайлось въ стѣнахъ ихъ обители и должно было со временемъ ее прославить. Молва о томъ уже издавна существовала въ обители Задонской. Одинъ изъ гражданъ Елецкихъ, любимый Тихономъ, говорилъ ему: «что слышалъ отъ бывшаго Архимандрита Варсонофія, какъ однажды былъ

ему таинственный гласъ: «мѣсто сіе будетъ прославлено угодникомъ Божиимъ.» Заплакалъ Тихонъ, какъ бы предчувствуя, что къ нему относилось таинственное сіе слово и удалился въ свою келлію на молитву; но онъ просилъ никому не рассказывать болѣе о семъ видѣніи. Однажды присный ему Архимандритъ Сампсонъ сталъ хвалить его богоугодную жизнь и сказалъ, будучи съ нимъ на единѣ въ келліи: «что по смерти прославится онъ нетлѣніемъ». Глубоко огорчился сими словами смиренный Святитель и отвѣчалъ ему: «духъ искушитель говоритъ твоими устами; праведный Лазарь, другъ Христовъ, и тотъ смердѣлъ четыре дня послѣ смерти».

Если иногда нападалъ на него духъ унынія, Тихонъ искалъ утѣшенія въ бесѣдѣ съ простымъ старцемъ Теофаномъ, жившимъ при его келліи. Онъ былъ изъ поселянъ и даже неграмотный, но Святитель любилъ его за простосердечіе и трудолюбіе, и Теофанъ обращался съ нимъ какъ съ простымъ поселяниномъ, называя его батькою. Простою рѣчью своею умѣлъ онъ всегда успокоить возмущенный духъ Тихона, который называлъ его своею утѣхою и часто говорилъ ему: «пора въ отечество; радъ бы и теперь умереть, только бы не лишиться вѣчнаго блаженства; избранники Божіи уже веселятся теперь, а мы странники еще бѣдствуемъ въ суетѣ мірской».

Но истиннымъ другомъ и совѣтникомъ Святителя, въ Задонскомъ монастырѣ, былъ схимонахъ

Митрофанъ, старецъ хотя и неученый, но весьма ревностный и строгій по жизни. Тихонъ зналъ его еще когда управлялъ епархією и поручалъ ему нѣкоторыя челоуѣколюбивыя дѣла, когда хотѣлъ чтобы сохранился втайнѣ. Удалившись въ Толшевскій монастырь, онъ сохранилъ духовную переписку съ инокомъ Задонскимъ и можетъ быть, одною изъ побудительныхъ причинъ его переселенія въ сію обитель, было жительство въ оной приснаго ему старца. Его руководству поручилъ онъ и юныхъ подвижниковъ, которые притекали къ нему за совѣтами духовными и до самой кончины сохранилъ къ нему постоянную пріязнь. Большимъ утѣшеніемъ служило также, для уединившагося Святителя, дружеское къ нему расположеніе втораго его преемника, Тихона, особенно послѣ непріятныхъ отношеній перваго. Возсѣвшій на его кафедру, нерѣдко посѣщалъ пустынную келлію своего предмѣстника въ Задонскѣ, чтобы научиться отъ него мудрости духовной и получать опытные наставленія по управленію епархією. Святитель Тихонъ платилъ ему тою же пріязнію и, хотя не любилъ далеко отлучаться отъ своей мирной келліи, однако дважды посѣтилъ его въ Воронежѣ.

По мѣрѣ умноженія лѣтъ, все болѣе и болѣе усугублялъ свой подвигъ отшельникъ Задонской, приготовляя себя къ блаженной вѣчности. Нерѣдко, въ полночь, выходилъ онъ въ переднюю келлію и пѣлъ тихо и умиленно псалмы, которые избиралъ, судя по расположенію своего духа, мрач-

ному или свѣтлому; если былъ радостенъ, то пѣлъ: «хвалите Господа съ небесъ,» если печаленъ-то: «благо ми, яко смирилъ мя есп.» Любилъ онъ также по ночамъ ходить вокругъ церкви, становился на колѣна предъ каждою изъ ея дверей, и со слезами припадалъ къ церковному порогу; душа его изливалась въ пламенной молитвѣ. Однажды, ставъ предъ олтаремъ, онъ такъ помоллся: «Господи, покажи ми благая, уготованная любящимъ тя,» и ему показалось небо открытымъ и во мракѣ ночи осіялъ его свѣтъ; въ благоговѣиномъ трепетѣ палъ онъ на землю и услышалъ таинственный гласъ: «зри благая любящихъ Бога.» Такой ужасъ внезапно овладѣлъ имъ, что едва на колѣняхъ могъ онъ дойти до своей келліи. Знаменательно было мѣсто сіе для Тихона, ибо тутъ, позади алтаря, погребено труженическое его тѣло, которое отсюда долженствовало просіять своимъ неслѣніемъ; не потому ли посѣтило его на этомъ мѣстѣ и чудное видѣніе, какъ предзнаменованіе будущей славы?

За три года до кончины, Тихонъ заключилъ себя неисходно въ своей келліи, совершенно устранившись отъ міра, чтобы посвятить остатокъ жизни уединенному богомыслию. Многолюдство возроставащаго города около обители уже начинало тяготить его, тѣмъ болѣе, что келліи его находилась у самыхъ святыхъ воротъ, и на пути въ церковь безпрестанно встрѣчался народъ. Сперва пересталъ онъ выходить только въ праздничные дни, а потомъ и совершенно. Здоровье его, отъ старости

и подвиговъ, примѣтно разстроилось; нервные припадки умножались, а съ ними бессонница и даже обмороки. Въ 1779 году, на праздникъ рождества Христова, Святитель Тихонъ былъ послѣдній разъ въ церкви. По прочтеніи Евангелія пошелъ къ нему келейникъ его, читавшій Апостолъ, чтобы принять благословеніе по обычаю монастырскому. Тихонъ благословилъ его и сказалъ: «поди впередъ и очисти мнѣ дорогу,» потому что въ церкви было очень тѣсно. Постоявъ не много на сѣверной сторонѣ храма, онъ опять возвратился въ церковь, чтобы дослушать литургію, хотя и съ большимъ трудомъ. При выходѣ народъ тѣснился къ нему за благословеніемъ, и это еще болѣе его утомило. Едва могъ онъ дойти до своей келліи и велѣлъ запереть двери. Съ этого дня уже никуда не выходилъ, развѣ только на заднее крыльцо, чтобы нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ и духовныхъ лицъ, никого не допускалъ къ себѣ, а если кого и принималъ, то лишь на короткое время; даже съ келейниками своими говорилъ только необходимое. Но бѣдные и нуждающіеся, по прежнему, приходили за милостынею къ его келліи, хотя и получали ее почти всегда заочно. Избѣгая однако посѣтителей, Святитель Тихонъ не отказывалъ никому въ совѣтѣ и, если кто прибѣгалъ къ нему за назидательнымъ словомъ, никогда не лѣнился отвѣчать письменно, и такая постоянная переписка продолжалась до конца его

жизни. Особенно сокрушалось его сердце, если слышалъ, что кто либо изъ его присныхъ, будучи лишень его духовной бесѣды, начиналъ ослабѣвать на пути добродѣтели. Съ болѣзненнаго одра писаніемъ своимъ онъ старался пробудить ихъ совѣсть, напоминая о страшномъ судѣ.

Болѣе нежели за годъ до кончины представилось однажды во снѣ Святителю, что онъ молится въ придѣльной монастырской церкви Св. Евсевія Самосатскаго, а приходскій священникъ города Задонска, по имени Михайлъ, выноситъ въ царскія двери младенца подъ бѣлымъ покрываломъ. Тихонъ спросилъ о имени младенца; ему отвѣчали: «Василій и, приподнявъ покрывало онъ поцѣловалъ его въ правую щеку, а младенецъ сильно ударилъ его по лѣвой. Проснувшись, въ туже минуту почувствовалъ Святитель онѣмѣніе щеки и всей лѣвой половины своего тѣла, съ тѣхъ поръ почти уже не вставалъ съ болѣзненнаго одра. Онъ принялъ это сновидѣніе за предвѣстіе близкой кончины, а на болѣзнь свою смиренно взиралъ, какъ на посланное ему свыше напутствіе къ вѣчной жизни. Въ другой разъ представилось ему, будто восходитъ на высокую лѣстницу посреди монастырскаго двора, окруженный толпою народа, которая помогаетъ ему подняться на первыя ступени, а онъ безъ всякой усталости, взошелъ до самыхъ облаковъ и тогда лишь проснулся. Ему объясняли сонъ сей таинственнымъ восхожденіемъ въ царство небесное; Святитель со слезами отвѣчалъ:

«и я тоже думаю, чувствую приближеніе моеи кончины.»

Завѣщаніе его было уже написано за полтора года до смерти, и все оно было исполнено выраженіемъ живѣйшей благодарности Господу, призрѣвшему его въ теченіи долгой жизни. Сочиненія свои, надъ коими трудился въ уединеніи: о истинномъ Христіанствѣ, сокровище духовное, письма келейныя, проповѣди, назидательныя слова, всего шестнадцать частей, поручалъ онъ келейнику своему Іоанну, долго при немъ находившемуся, отвести въ Св. Синодъ. Краткою запискою распорядился онъ о убогихъ вещахъ послѣ него оставшихся, большею частію въ пользу бѣдныхъ, а также о своемъ погребеніи, чтобы его хоронили въ крашенннной рясѣ и архіерейской мантии, съ малымъ омофоромъ и панагіею, въ клобукѣ, а не въ митрѣ; но уже не въ силахъ былъ даже подписать сей записки, а только приложилъ въ удостовѣреніе свою печать.

Какъ только узналъ Епископъ Воронежской о крайнемъ изнеможеніи Святителя Тихона, онъ поспѣшилъ въ Задонскъ и цѣлыя сутки провелъ въ монастырѣ при одрѣ страждущаго, утѣшая его духовною бесѣдою; но если оскудѣвали его тѣлесныя силы, бодрствовалъ духъ, уже готовый къ блаженному переселенію въ вѣчность. Рѣдкую недѣлю пропускалъ онъ безъ пріобщенія Св. тайнъ, а въ послѣднюю седмицу своей жизни пріобщался дважды, и за три дня самъ предсказалъ о своей

кончинѣ. Въ тотъ же день позволилъ онъ приходить къ себѣ всѣмъ желавшимъ его видѣть и со всѣми прощался, благословляя ихъ вести христіанскую жизнь. Нѣкоторые изъ его присныхъ, день и ночь, сидѣли у болѣзненнаго одра его, взывая къ нему: «на кого ты насъ покидаешь и къ кому прибѣгнемъ за назиданіемъ?» Онъ безмолвно указывалъ имъ на икону распятаго Спасителя, но за день до кончины, чувствуя онѣмѣніе языка, никого уже не велѣлъ впускать къ себѣ.

Вечеромъ наканунѣ его смерти, Игуменъ обители Задонской Самуилъ, пришелъ спросить умирающаго: «не будетъ ли отъ него какого приказанія?» Святитель отвѣчалъ отрицательно и тихо сказалъ келейнику: чтобы его уже больше не тревожили, такъ какъ ему хотѣлось всѣ послѣдніе минуты посвятить молитвѣ. Въ полночь ему сдѣлалось очень трудно, и онъ послалъ просить, череднаго іеромонаха по равьше отслужить литургію, чтобы еще однажды могъ приобщиться Св. тайнъ; но просьба его не была исполнена, а между тѣмъ онъ сталъ видимо изнемогать и лежалъ спокойно съ закрытыми глазами, въ ожиданіи желаннаго приобщенія. Въ исходѣ шестаго часа, когда кончилась утренняя, умирающій Святитель открылъ на минуту глаза, чтобы уже закрыть ихъ на вѣки. Это было на разсвѣтѣ 13 Августа 1783 года. Четверо келейныхъ присутствовали только при его кончинѣ. Братія монастырская не успѣла еще

выйти изъ церкви, даже другъ его схимонахъ Митрофанъ не былъ при немъ въ смертнѣйшую его часть, не ожидая столь скорой кончины. Игумень Самуилъ, который просилъ на канунъ, чтобы пришли его предварить, когда станеть кончатся Святитель, какъ бы по нѣкоему искушенію погрузился въ эту самую минуту, въ такой глубокой сонъ, что не могли его добудиться. Праведному мужу суждено было скончатся на рукахъ своихъ присныхъ, въ томъ глубокомъ уединеніи, какое самъ себя избралъ. Онъ окончилъ многотрудную жизнь свою на 59 году отъ рожденія.

Какъ только вѣсть о кончинѣ уважаемаго всѣми Святителя, разнеслась по городу и окрестнымъ селеніямъ, — вся обитель внезапно исполнилась народомъ и жалобный вопль заглушалъ голосъ мертвеннаго колокола; всѣхъ слышнѣе былъ голосъ убогихъ, утратившихъ своего питателя. До самаго дня погребенія множество поселянъ и городскихъ жителей, изъ Ельца и Воронежа, прїѣзжали въ обитель и требовали панихидъ надъ усопшимъ, такъ что недоставало іеромонаховъ для службы и нужно было содѣйствіе окрестныхъ священниковъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ его благодѣяній служило то, что послѣ усопшаго осталось только 14-ть рублей, которыхъ бы недоставало для расходовъ погребенія. Все нужное для сего предмета было имъ самимъ приготовлено въ келіи и даже самый гробъ хранился въ кладовой; но такъ какъ гробъ сей оказался слишкомъ малъ, то Елецкіе купцы поусерд-

ствоваши сдѣлать новый, обитый чернымъ плисомъ. Заблаговременно указалъ Святитель Тихонъ мѣсто для своей могилы, съ полуденной страны у порога церковнаго, чтобы всѣ мимоходящіе переступали чрезъ него, и онъ заготовилъ простой камень для своей могилы; но его смиренное желаніе не исполнилось, и самое облаченіе имъ приготовленное, на четвертый день послѣ его кончины, замѣнено было другимъ, которое прислалъ Епископъ Воронежскій, ибо онъ хотѣлъ положить своего предмѣстника, въ полномъ облаченіи, какъ подобало Архіерею; это сохранило въ обители убогую его мантию, нынѣ восточающую исцѣленія. Во время переоблаченія всѣхъ поразило нетлѣнное состояніе тѣла усопшаго, ибо оно ни сколько не окостенѣло и руки разводились какъ у живаго, хотя уже прошло четверо сутокъ. Въ тотъ же день перенесли его въ соборную монастырскую церковь, гдѣ еще стояло три дня до отпѣванія.

Преосвященный Воронежскій Тихонъ совершилъ оное, 20 числа Августа, и сказалъ въ похвалу усопшаго надгробное слово: «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ» и на этотъ текстъ краснорѣчиво изобразилъ всѣ пастырскія добродѣтели блаженнаго своего предмѣстника. Обильное слово, вытекавшее прямо изъ сердца по любви къ усопшему, умилительно текло вмѣстѣ со слезами слушателей, которые проникнуты были скорбію о постигшей ихъ потери. Онъ призывалъ къ соучастию, и пользовавшихся милостынею его веще-

ственной, и назидавшихся его поучительнымъ словомъ, вдовъ и сиротъ, узниковъ и болящихъ; всѣхъ призывалъ къ праведному плачу о томъ, кто былъ окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, одеждою нагихъ и пищею алчущихъ, утѣхою скорбящихъ и врачемъ недуговъ душевныхъ, и примѣромъ его добродѣтелей возбуждалъ всѣхъ къ подражанію. Последнее слово, которымъ заключилъ онъ надгробную рѣчь, было уже какъ бы отголосокъ и предчувствіе будущей славы усопшаго: «о мужъ праведный и святой, предстоя нынѣ престолу всеблагаго Бога, помини и насъ любящихъ и почитающихъ тебя».

Предъ послѣднимъ цѣлованіемъ прочтено было, во всеуслышаніе, духовное завѣщаніе Святителя, умилительное по своему содержанію, которое начиналось сими хвалебными словами: «слава Богу о всемъ» и, по исчисленіи всѣхъ благодѣяній Божіихъ, въ продолженіи цѣлой жизни служителя Христова, заключалось опять тѣми же словами: «слава Богу о всемъ». Оно было проникнуто чаяніемъ будущей жизни и ожидающаго насъ блаженства за предѣлами гроба. Приглашая всѣхъ о себѣ молиться, Тихонъ благодарилъ и тѣхъ, которые его благодѣтельствовали и смиренно просилъ себѣ прощенія, если кого обидѣлъ. «Простите возлюбленные и поминайте Тихона:» такъ оканчивалось завѣщаніе и послѣднія слова сіи возбуждали еще большій плачь.

Не къ церковному порогу, тамъ гдѣ смиренно избралъ себѣ могилу, чтобы всѣми быть попи-

раемымъ, но подъ алтарь соборной церкви перенесено было, руками священниковъ, тѣло блаженнаго Тихона, въ нарочно приготовленный для него склепъ, который въ послѣдствіи былъ украшенъ усердіемъ Игумена Задонскаго, и скромная надпись положена была надъ гробомъ, сочиненная Тихономъ третьимъ, въ память перваго. «Здѣсь скончался, 1783 года Августа 13 дня, преосвященный Тихонъ Епископъ, прежде бывшій Кексгольмскій, а потомъ Воронежскій, рожденный 1724 г. епископствовавшій съ 13 Мая 1761 г., пребывавшій на общаніи съ 1767 г. по смерть, показавшій образъ добродѣтели, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. 1783 г. Августа 20 погребенъ здѣсь.»

До такой степени близка къ намъ священная личность Тихона, что и внѣшній видъ его весьма намъ знакомъ, какъ будто Святитель еще обитаетъ между нами. Былъ онъ роста средняго, тѣломъ довольно полнъ, лице имѣлъ чистое и безъ морщинъ до самой кончины; въ лѣтахъ мужества былъ всегда румянецъ на щекахъ его, который увялъ въ старости отъ трудовъ и подвиговъ, но при каждомъ чувствѣ радости, особенно во время приобщенія Св. таинъ, опять появлялся. Глаза у него были большіе, темные, взглядъ веселый, чело открытое, волосы длинные и кудрявы орѣховаго цвѣта, борода большая и окладистая съ просѣдью. Такъ описываетъ внѣшній видъ Святителя, со словъ бывшаго при немъ

келейника, первый составитель житія его, Митрополитъ Кіевскій Евгеній, уроженецъ Воронежскій, который обучался въ Семинаріи, еще въ то время, когда Святитель жилъ на покоѣ въ Задонскѣ; родственникъ же Евгенія, Болховитиновъ, былъ секретаремъ въ консисторіи, когда еще Тихонъ былъ на кафедрѣ Воронежской. Евгеній присутствовалъ при его погребеніи, и никто конечно не могъ собрать болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о усопшемъ, такъ какъ Евгеній заимствовалъ ихъ большею частію у келейника Святителя, Іоанна, и, по глубокому своему уваженію къ памяти усопшаго, входилъ въ сношеніе со многими лицами, знавшими Тихона еще во время училищной его службы. Келейникъ Іоаннъ пользовался довѣренностію Святителя до самой его кончины, писалъ своею рукою большую часть его сочиненій и даже былъ его душеприкащикомъ. Послѣ кончины блаженнаго Тихона, онъ постригся въ монашество, принявъ его имя, и устроилъ женскую обитель близъ города Усмани, Тамбовской епархіи, жилъ и въ Воронежѣ и вызванъ былъ наконецъ въ Новоспасскій монастырь, въ Москву. Съ любовію сообщилъ Іоаннъ свои сказанія Митрополиту Евгенію, которымъ они записаны, и сіи записки хранятся въ Задонской обители. Есть еще записки о Святителѣ Тихонѣ, другаго его келейника Василя Чеботарева, родомъ изъ мѣщанъ Елецкихъ, который остался міряниномъ и, уже на старости лѣтъ, собралъ

для памяти то, что самъ видѣлъ или слышалъ изъ устъ Святителя, во время долгаго при немъ пребыванія.

Благоговѣнно была чтима память Святителя Тихона въ Задонскѣ, не только тѣмъ, которые знали его лично, но и которые о немъ только слышали или читали его назидательныя творенія, сдѣлавшія его современникомъ всѣхъ будущихъ поколѣній. Дѣйствительно это нерукотворенный памятникъ, который на вѣки себѣ соорудилъ смиренный отшельникъ Задонскій. Панихиды о Святителѣ Тихонѣ непрестанно совершались надъ его гробницею и, вскорѣ послѣ его блаженный кончины, уже проявилась мысль о его будущемъ прославленіи, ибо начались знаменія и исцѣленія, свидѣтельствовавшія о его небесной славѣ. Черезъ три года явился онъ, въ свѣтломъ образѣ, другу своему схимонаху Митрофану и сказалъ ему: «Господь хочетъ меня прославить.» Еще въ 1795 году, нѣкто Яковъ Мошоновъ, изъ военныхъ, испытавшій надъ собою чудодѣйственную помощь Святителя, ходатайствовалъ объ открытіи его мощей, сперва предъ первенствующимъ Митрополитомъ Гавріиломъ, а потомъ предъ двумя Императорами, Павломъ и Александромъ, и самъ благочестиво окончилъ днѣ свои въ Задонскѣ.

Больные исцѣлялись, большею частію во время пѣнія панихидъ надъ гробомъ Святителя и при помазываніи елеемъ отъ его лампы, когда врачи уже признавали болѣзнь неизлѣчимою. Иногда

же одно молитвенное призываніе имени Святителя спасало вѣрующихъ отъ опасности. Первый случай записанъ былъ въ 1820-мъ году, о прозрѣніи болѣвшаго глазами отрока, во время служенія панихиды. Повторять всѣ сіи случаи было бы утомительно; инымъ являлся онъ во снѣ, покрывающимъ ихъ своею мантиею, и многіе, страдавшіе припадками бѣснованія, исцѣлялись при его гробѣ; исцѣлвишіеся были впоследствии допрашиваемы, когда происходило свидѣтельствованіе Св. мощей. Тѣ, которые получали облегченіе вдали отъ Задонска, давали обѣщаніе поклониться гробу Святителя и это умножало стеченіе богомольцевъ въ Задонскѣ и, въ теченіи сорока лѣтъ послѣ 1820 года, болѣе пятидесяти исцѣленій записано было въ книгу монастырскую.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время прославленія угодника Божія, самый промыслъ Божій къ тому содѣйствовалъ, стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Въ 1845 году, усердіемъ многихъ благодѣтельныхъ лицъ, предпринято было сооруженіе новаго соборнаго храма въ обители Задонской, ибо старый храмъ оказался уже непомѣстителенъ отъ множества приходившихъ богомольцевъ. Церковь была сломана, но не смѣли коснуться олтарной части, подъ которой хранилась гробница Святителя, а между тѣмъ опасно было туда спускаться для совершенія панихидъ, потому что треснувшіе своды грозили паденіемъ. Благочестивый Архіепископъ

Воронежскій Антоній, бывший свидѣтелемъ отрад-
наго явленія мощей Святителя Митрофана, въ
своемъ кафедральномъ соборѣ, призналъ необходи-
мымъ перенести и гробъ Святителя Тихона,
изъподъ обрушивающихся сводовъ бывшего ал-
таря, на время и безъ огласки, въ теплую мо-
настырскую церковь, что и совершилъ 13-го Мая
слѣдующаго года. Поздно вечеромъ спустился
онъ въ погребальный склепъ, съ ректоромъ своей
Семинаріи Симеономъ, настоятелемъ обители Ар-
химандритомъ Серафимомъ и съ его казначеемъ
и ризничимъ, и велѣлъ разломать предъ собою
надгробіе. Съ трудомъ разломали могильный
сводъ, котораго камни, обрушились на самый
гробъ, крыша и боковыя его доски подверглись
разрушенію, но нижняя доска оказалась цѣлою,
и на ней лежало нетлѣнное тѣло въ облаченіи
совершенно уцѣлѣвшемъ, не смотря на 63 лѣтнее
пребываніе въ нѣдрахъ земли. Старецъ Антоній,
удалившійся изъ склепа въ началѣ работы, по
болѣзненному своему состоянію, около полнечи
былъ утѣшенъ радостною вѣстію обрѣтенія Св.
мощей, и поспѣшилъ въ склепъ, котораго входъ
былъ заваленъ камнями. Съ трудомъ могъ онъ
пропикнуть во внутренность могильнаго склепа
и, увидѣвъ Св. мощи, припалъ къ персямъ Свя-
тителя Божія,—своего предѣстника, и вознесъ
теплую молитву Господу, утѣшившему его предъ
концемъ жизни, столь давно желаннымъ ихъ яв-
леніемъ. «Нынѣ отпускаеши раба твоего, по гла-

голу твоему съ миромъ» произнесъ благоговѣйно старецъ, какъ бы предчувствуя свое скорое отшествіе, и велѣлъ положить Св. мощи на уцѣлѣвшей подъ ними доскѣ, въ новый гробъ, который для себя приготовилъ схимникъ Авраамій, и такъ нести ихъ въ теплую церковь Рождества Богоматери, а самъ пошелъ туда приготовиться къ ихъ встрѣчѣ.

Какъ ни тайно совершалось сіе дѣйствіе во мракѣ ночи, однако стукъ отъ работы и необычайное движеніе на дворѣ монастырскомъ, возбуждали любопытство братіи и многіе изъ монашествующихъ стеклись къ устью бывшей усыпальницы, откуда внезапно появилось давно ожидаемое сокровище. Въ сопровожденіи сихъ иноковъ перенесены были Св. мощи въ церковь, гдѣ ихъ встрѣтилъ преосвященный Антоній; когда же сняли съ нихъ крышу, благоуханіе пролилось по всему храму и благоговѣйный ужасъ объялъ предстоявшихъ; началась полуночная панихида; при приглашеніи вѣчной памяти, протодіаконъ, забывшись, вмѣсто имени Тихона, помянулъ имя Антонія;— старецъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: «да будетъ воля Божія.» По окончаніи панихиды, всѣ приложились къ рукъ Святителя и преосвященный Антоній, закрылъ гробъ, запечатавъ его своею печатью, а сверху велѣлъ поставить прежнее надгробіе, съ изваяннымъ на немъ ликомъ Святителя. На другой день самъ онъ совершилъ божественную литургію съ панихидою

при большомъ стеченіи народа и, отъѣзжая въ Воронежъ, просилъ братію молить вмѣстѣ съ нимъ Господа, чтобы сподобилъ его быть въ послѣдній разъ въ Задонскѣ, 13 Августа, на память Святителя Тихона.

Преосвященный Антоній немедленно донесъ Святѣйшему Синоду, о обрѣтеніи мощей Святителя Тихона и, въ день его памяти, прибылъ въ обитель для торжественнаго поминовенія. Это было послѣднее его посѣщеніе Задонска. Прежде нежели приступить къ ходатайству объ открытіи Св. мощей, старецъ Антоній пожелалъ еще однажды ихъ освидѣтельствовать, и поручилъ дѣло сіе двумъ благоговѣйнымъ Архимандритамъ, Ректору Семинаріи Симеону и настоятелю обители Серафиму, которому было извѣстно какъ обращаться со Св. мощами, потому что былъ прежде намѣстникомъ Кіево-печерской лавры. Приготовленъ былъ и новый гробъ для Св. мощей, съ сохраненіемъ однако нижней доски; они внесены были въ ризницу, и не только самое тѣло, но даже всѣ части облаченія найдены совершенно уцѣлѣвшими. Болѣзненный старецъ не могъ самъ присутствовать при освидѣтельствованіи мощей, но они были постоянною заботою послѣднихъ дней и даже часовъ его жизни. Онъ приготовилъ донесеніе Св. Синоду съ подробнымъ описаніемъ того, въ какомъ нетлѣннѣи обрѣтены Св. мощи, послѣ 63 лѣтняго ихъ покоя въ нѣдрахъ земли, и говорилъ о пламенномъ желаніи всего народа:

да явленъ будетъ сей новый свѣтильникъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, дотолѣ остававшійся подъ спудомъ.

Такое же письмо написалъ старецъ и Государю Императору, свидѣтельствуясь Архіерейскою совѣстію, что, по особенному внушенію, вмѣнялъ себѣ въ священній долгъ довести до свѣдѣнія Его Величества, о чудесахъ совершающихся при гробѣ Святителя Тихона, и о радостномъ ожиданіи многочисленныхъ богомольцевъ. Только за шесть часовъ до своей кончины успѣлъ онъ подписать, уже цѣпенѣющею рукою, оба донесенія; благоговѣйный старецъ скончался 20-го Декабря 1846-го года, въ надеждѣ на скорое исполненіе послѣдняго, пламеннаго своего желанія; но промысломъ Божиимъ суждено было, чтобы до того времени протекло еще 15-ть лѣтъ, въ продолженіи коихъ совершилось еще много чудесныхъ исцѣленій надъ ракою Святителя.

Не раньше 1860 года, когда уже сошли съ лица земли почти всѣ лица, присутствовавшія при первоначальномъ обрѣтеніи Святителя Тихона, рѣшился наконецъ Св. Синодъ приступать къ прославленію новоявленнаго Чудотворца и поручилъ возвращавшемуся въ Кіевъ, Митрополиту Исидору, вновь освидѣтельствовать мощи, съ Епископомъ Воронежскимъ Іосифомъ, и донести о всѣхъ бывшихъ чудесахъ, что и было исполнено весною 19-го Мая. Годъ спустя объявлено окружнымъ посланіемъ свѣтѣйшаго Синода, о торжественномъ прославленіи

новоявленного Чудотворца Святителя Тихона, и день его памяти, 13 Августа, назначенъ для сего радостнаго всенароднаго торжества; самое же открытіе и перенесеніе Св. мощей во вновь сооруженный благолѣпный храмъ обители Задонской, возложено было на первенствующаго въ Синодѣ Митрополита Новгородскаго Исидора и Воронежскаго Архіепископа Іосифа, вмѣстѣ съ Епископомъ Курскимъ Сергіемъ.

13 Августа, число предназначенное для торжества, какъ день блаженнаго успенія Святителя Тихона, совпадало, въ 1861 году, со днемъ воскреснымъ, какъ это случилось и въ годъ блаженной его кончины. Чрезвычайное множество народа стеклось со всѣхъ предѣловъ Россіи къ давно желанному явленію новаго угодника Божія, издавна возлюбленнаго землею своею братією. Обитель Задонская украсилась какъ невѣста, ожидающая жениха, котораго былъ достоинъ новый благолѣпный соборъ ея. Городъ и его окрестности представляли собою обширный станъ, усѣянный шатрами новаго Израиля, ибо до трехъ сотъ тысячъ людей собралось на праздникъ; всѣ окольные пути исполнены были толпами богомольцевъ, какъ бы улицы тѣсно населеннаго города, и до 12-ти тысячъ повозокъ со всѣхъ сторонъ окружили Задонскъ, на подобіе укрѣпленнаго лагеря, которыя служили также жилищемъ для народа, не вмѣщавшагося въ городъ. Недоставало воды въ городскихъ колодцахъ для такого множества; еѣ привозили изъ соедѣннаго Дона и

къ счастью, во все это время, благопріятствовала погода. Между тѣмъ, день и ночь не умолкало пѣніе панихидъ надъ гробомъ Святителя; къ нему тѣснилось множество разслабленныхъ и болящихъ, которые чаяли исцѣленія въ сіи торжественные дни, очищая совѣсть свою покаяніемъ. Достоинно вниманія, что въ теченіи Успенскаго поста, въ обители Задонской, служили ежедневно четыре обѣдни и приобщено было святыхъ тайнъ до 20 тысячъ человѣкъ, наипаче больныхъ и убогихъ, кромѣ трехъ городскихъ церквей, гдѣ причастниковъ считалось до семи тысячъ. Такая вѣра достойна была небеснаго вознагражденія, чрезъ открытіе нетлѣнныхъ мощей новоявленнаго Чудотворца, къ священной ракъ коего всѣ стремились, чтобы только прикоснуться къ ней устами, и здѣсь, не смотря на толпу народную, болящимъ всегда открывали путь къ Св. мощамъ, младенцевъ же передавали изъ рукъ въ руки чужимъ людямъ, чтобы и они сподобились сего утѣшенія.

Митрополитъ Новгородскій Исидоръ, посѣтивъ первоначально Воронежъ, на праздникъ Преображенія и Святителя Митрофана, возвратился въ Задонскъ за три дня до открытія мощей и, кромѣ двухъ бывшихъ съ нимъ Архіереевъ, прибылъ туда еще изъ сосѣдней епархіи, Теофанъ Епископъ Тамбовскій. Наканунѣ торжества онъ служилъ литургію въ теплой Рождественской церкви, гдѣ стояли мощи Святителя Тихона; послѣ сего Митрополитъ, съ прочими Архіереями, пѣлъ водо-

святный молебенъ предъ чудотворною иконою Владимірской Божіей матерп. Во второмъ часу по полудни начался крестный ходъ, изъ градскаго собора въ монастырскій, и Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, совершивъ колѣнопреклонную молитву о неосужденномъ открытіи честныхъ мощей, крестнымъ же ходомъ вышелъ изъ собора въ теплую церковь, гдѣ уже все было приготовлено для поднятія Св. мощей. Тамъ первенствующій произнесъ теплую молитву къ угоднику Божію: «чтобы удостоилъ братій своихъ Епископовъ, хотя и недостойныхъ, но рабовъ тогоже Господа Іисуса, грѣшными своими руками, поднять честныя его мощи, предъ очами всѣхъ людей возлюбленнаго земнаго его отечества, дабы всѣ православныя поклонились ему съ вѣрою и никто, изъ просящихъ его помощи, не возвратился отъ него тощъ, но пребылъ въ благочестіи до конца дней своихъ.

Подняли бронзовое надгробіе, Митрополитъ снялъ печать и шнуръ, опоясывавшій самый гробъ, подложивъ лентоны; четыре Архіерея, съ семью Архимандритами, подняли священную раку, при пѣніи «Господи помилуй,» и поставили сперва на возвышеніи посреди церкви, накрывъ ее уцѣлѣвшею мантиею Святителя. Всѣ благоговѣнно просетерлись предъ нею, въ умилениі сердца зывая: «Святителю отче Тихоне моли Бога о насъ.» Началось, вмѣсто панихиды, первое молебное ему пѣніе и возгласенъ вновь сложенный въ честь его тропарь.

«Съ мвромъ изыдемъ» пропизнесъ Митрополитъ и начался крестный ходъ со святыми мощами, самый умилительный какой себѣ только можно вообразить, сперва кругомъ теплой церкви Рождественской, а потомъ вокругъ соборной, куда внесены были Св. мощи. Болѣе четырехъ сотъ священно и церковнослужителей въ немъ участвовали; семь Архимандритовъ и пять іеромонаховъ несли священную раку на раменахъ своихъ, подъ балдахиномъ, а за нею шли Архіерей и, во все время хода пѣли тропарь Святителя. По окончаніи молебствія, духовенство и народъ прикладывались къ ракѣ еще не открытой. Вскорѣ началось всеобщее бдѣніе, которое совершали вкупѣ всѣ Архіерей, и преосвященный Воронежскій произнесъ душеполезное слово. Когда же запѣли на утрени: «хвалите имя Господне,» Митрополитъ приступилъ къ открытію Св. мощей, и это была самая торжественная минута; глубокое молчаніе водворилось въ храмъ, какъ будто самъ Святитель готовъ былъ возстать изъ гроба. Подняли сперва верхнюю крышу гробницы, внутри коей находилась рака, потомъ Архіерей и Архимандриты вынули изъ нее самую раку, и открылась въ ней святыни мощей. Тогда Митрополитъ возгласилъ обычное величаніе Святителю Тихону и всѣ Епископы, вслѣдъ за первенствующимъ, окадили еиміамомъ новоявленного угодника Божія; послѣ чтенія Евангелія предъ Св. мощами, духовенство и народъ начали къ нимъ прикладываться, что

продолжалось, вмѣстѣ съ всенощною, далеко за полночь и, во все ея продолженіе, четыре Архіерея, стоя по угламъ священной раки, помазывали елеемъ припадавшихъ къ ней богомольцевъ.

Соборную литургію, въ день памяти Святителя Тихона, совершали вмѣстѣ съ четырьмя Архіереями до двадцати священнослужителей, не считая діаконовъ. На маломъ входѣ, со святымъ Евангеліемъ, внесены были Св. мощи, царскими вратами, внутрь алтаря и поставлены на горнемъ мѣстѣ, лицомъ къ престолу; по сторонамъ же стали четыре Архіерея, какъ сослужащіе усопшему въ Бозѣ и прославленному Святителю, и потомъ, во все продолженіе литургіи, продиаконы держали надъ ними рипиды и свѣщники. По совершеніи божественной службы, Митрополитъ произнесъ краснорѣчивое слово, въ которомъ, съ душевною теплою, изобразилъ духъ Святителя и всѣ его душеполезные подвиги на пользу ближнихъ, которыми снискалъ себѣ вѣчное блаженство. «Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ твой предъ челоуѣки, Святителю отче Тихоне, заключилъ онъ, яко да видятъ святую жизнь и богоугодныя дѣла твоя и прославятъ Отца нашего иже на небесѣхъ.»

Послѣ литургіи начался опять крестный ходъ съ Св. мощами, уже не только кругомъ собора, но вокругъ всей обители Задонской, гдѣ подвизался Святитель и опочилъ отъ трудовъ своихъ. Умилительное зрѣлище сіе было выше всякаго слова. Весь монастырскій дворъ, всѣ крыши, огра-

да и высокая колокольня унизаны были народомъ, который, держась другъ за друга, сидѣлъ тамъ съ ранняго утра, чтобы только занять мѣста, которыя такъ трудно было удержать; даже всѣ деревья монастырскія покрыты были людьми. Посреди молитвеннаго пѣнія слышались только вопли и рыданія и пламенные воззванія къ Святителю: «моли Бога о насъ.» Народъ бросалъ убрusy и полотна по всему протяженію крестнаго пути; кто только могъ старался бросать на самыя мощи часть своей одежды, какъ бы усердное приношеніе въ руки самому Святителю Тихону; холсты и полотенца летали по воздуху черезъ головы проходящихъ, такъ что болѣе чѣмъ на аршинъ высоты накидано ихъ было, по той дорогѣ гдѣ проходило шествіе, и собрали до 50 тысячъ аршинъ холста, которые были розданы убогимъ, по совѣту Митрополита, чтобы Святитель Тихонъ и въ день своего прославленія, какъ бывало при жизни, одѣвалъ убогихъ.

По возвращеніи крестнаго хода Св. мощи поставлены были подъ свѣцію, въ прежнюю гробницу, съ лѣвой стороны церкви, въ ожиданія новой великолѣпной раки, которую не замедлило устроить благочестіе Елецкихъ гражданъ, и Митрополитъ провзнесъ молитву Святителю, которою усердно заключилъ торжество, и благословилъ трапезу для богомольцевъ и нищихъ, кои были исполнены монастырскій дворъ. Не смотря на всѣ трудности и лишенія, не было смертныхъ случаевъ во все

время торжествъ, продолжавшихся болѣе десяти дней, а между тѣмъ исцѣлилось до двухъ сотъ человѣкъ, которые, пришедши съ болѣзнями душевными и тѣлесными къ ракъ мощей Святителя Тихона, здоровыми возвратились въ дома свои, радостно восхваляя Господа и новоявленного его угодника.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ГРЕКА.

Страдальческое лице Максима Грека, хотя и не причтеннаго къ лику Святыхъ, украшено однако въ преданіи церковномъ именемъ Преподобнаго, и въ Лаврѣ Троицкой мѣстно читается его память надъ его гробницей. Посему и прилично помѣстить сего пришельца Греческаго между подвижниками земли Русской, въ которой много онъ потрудился и гдѣ столько пострадалъ за исправленіе книгъ церковныхъ.

Отечество его городъ Арта, въ Албаніи, близъ Эпира, и былъ онъ сынъ богатаго сановника; тамъ получилъ первоначальное образованіе, исполненное благочестія и познанія догматовъ Православной вѣры, ибо въ основаніе ученію положенъ былъ страхъ Божій—начало всякой премудрости. Отъ сего и впоследствии, когда еще въ юныхъ лѣтахъ пошелъ странствовать, изъ любви къ наукѣ, по всему иновѣрному Западу, ничто не могло поколебать въ сердцѣ его твердо укоренившагося Православія. Сперва обучался онъ въ Университетѣ

Парижскомъ, у знаменитаго своею ученостию Грека Іоанна Ласкариса, ибо послѣ паденія Царьграда, просвѣщеніе восточное уклонилось къ Западу. Подъ сѣнію Ласкариса прожилъ онъ многіе годы; съ нимъ вѣроятно путешествовалъ въ Венецію, куда посыланъ былъ Ласкарисъ по дѣламъ государственнымъ изъ Франціи; Максимъ довершилъ свое образованіе въ Венеціи и Флоренціи, гдѣ основательно узналъ родной свой языкъ и Латинскій и два живыхъ языка: Французскій и Итальянскій; тамъ почерпнулъ глубокія свѣдѣнія въ Богословіи и Философіи, въ Исторіи и Словесности: ибо начало ХVІ вѣка было эпохою возрожденія Запада отъ вѣковой тьмы невѣжества, благотѣльнымъ вліяніемъ учености восточной.

Но любовь къ ученію сколь ни сладостна была сердцу Максима, не отвлекла однако ревностнаго подвижника отъ страны отечественной и онъ предпочелъ мирное уединеніе Аѳонское свѣтскому шуму Запада. Аѳонъ былъ тогда зеркаломъ духовной учености Востока и много было философовъ между его проками, въ высшемъ смыслѣ любомудрія духовнаго, основанномъ не на одномъ созерцаніи, но и на дѣяніи подвижнической жизни. Послѣ бѣдственнаго паденія Царьграда, на Аѳонѣ сосредоточились всѣ богатѣйшія книгохранилища Греческія въ двадцати его обителяхъ, между коими Ватопедская славилась особенно тѣмъ сокровищами церковной науки, которыя ей оставили два иночествовавшіе въ ней Императора: Андроникъ Палеологъ

и Каптакузенъ. Тамъ предпочтительно поселился преподобный Максимъ, какъ трудолюбивая пчела, собиравъ духовный медъ со всѣхъ благовонныхъ цвѣтовъ Аѳонскихъ, и тамъ, въ безвѣстной тишинѣ, думалъ мирно окончить дни свои, посвященныя наукѣ; но Господь судилъ иначе: иной подлежалъ ему ученый и вмѣстѣ страдальческій подвигъ въ землѣ ему чуждой, гдѣ долженъ былъ положить свои кости, послѣ многихъ невинныхъ страданій, за любовь, не только къ наукѣ, но и къ истинѣ, въ исправленіи церковныхъ книгъ, за что сподобился, если не вѣнца мученическаго, то по крайней мѣрѣ славы исповѣдника, долготерпѣніемъ въ многолѣтнихъ скорбяхъ, въ узахъ и темницѣ, и даже въ неправедномъ отлученіи отъ Церкви, которой былъ преданъ со всею ревностію православнаго ея сына и защитника догматовъ.

Сынъ великаго Собирателя земли Русской, Иоанна III и Царевны Греческой Софій, Великій Князь Василій Іоанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, обратилъ вниманіе на множество древнихъ книгъ Греческихъ собственнаго его хранилища, которыя были принесены его царственною матерью, и онъ пожелалъ найти ученаго Грека, для ихъ разбора. Посему писалъ, въ 1515 году къ Вселенскому Патріарху Θεопипту и на святую гору Аѳонскую, чтобы присланъ былъ къ нему мужъ просвѣщенный, для перевода и исправленія книжнаго; бояринъ великокняжескій Василій Копыловъ

самъ поѣхалъ съ милостивею Государя своего на святую гору.—Игумень Ватопедскаго монастыря Аноимъ писалъ Государю, что старецъ Савва, на котораго указывалъ посланникъ Русскій спрашивая, не хочетъ ли потрудиться на Руси, будучи многолѣтенъ и немощенъ ногами, не могъ исполнить повелѣнїя державнаго и святительскаго. Посему преподобный отецъ Протъ (или старѣйшиива надъ всѣми настоятелями Аѳонскими) избралъ честиѣннаго ихъ брата Максима изъ священной обители Ватопедской, какъ искуснаго въ Божественномъ писанїи и способнаго на истолкованїе всѣхъ книгъ церковныхъ и Эллинскихъ, поелику отъ юности въ нихъ возросъ и научился имъ опытно, и хотя не зналъ языка Русскаго, кромѣ Греческаго и Латинскаго, но есть надежда, что скоро ему научится.

Почти два года продолжалось путешествїе Максима съ горы Аѳонской до столицы Русской, куда прибылъ только въ 1518 году, такъ что дорогою могъ нѣсколько изучить языкъ Русскїй. Съ великою честью былъ онъ принятъ Великимъ Княземъ и Митрополитомъ Варламомъ, и ему указано жить въ Чудовѣ на всемъ содержанїи великокняжескомъ: сокровища учености Греческой, принесенныя Царевною Софіею, которыя показали ему въ книгохранилищѣ, привели въ восторгъ любителя учености Максима. Съ изумленїемъ сказалъ онъ Державному, что въ Греческой землѣ не сподобился видѣть такого множества книгъ, поелику

Латинскіе люди издавна желали видѣть восточныхъ учителей и ихъ творенія, но Греческіе Цари на то не дозволяли, ради отступленія Латинъ отъ православія; когда же нечестивые Турки возобладали Царьградомъ, тогда нѣкоторые изъ благочестивыхъ христіанъ, дабы не до конца угасло свѣтло Греческаго православія, взяли множество книгъ Греческихъ и отплыли съ нимъ въ Римъ.—Латинны же, улучшивъ время, переложили на свой языкъ принесенныя ими книги, а Греческія сожгли и такимъ образомъ совершенно оскудѣла Философія у Грековъ.

Съ ревностію началъ разбирать книгохранилище ученый Максимъ и нашлось много сочиненій, не переведенныхъ на Славянскій языкъ.— Великій Князь и Митрополитъ согласился, чтобы на первый разъ переведено было толкованіе псалтыри и такъ какъ ученый Грекъ не могъ быть еще довольно знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, то, по его предложенію, даны были ему въ пособіе два толмача Димитрій и Власій, которымъ передавалъ на Латинскомъ мысли подлинника, а они перелагали ихъ на Славянскій; для письменоводства же были ему даны внокъ Сергіевой Лавры Силуанъ и Михаилъ Медоварцевъ.

Черезъ годъ и пять мѣсяцевъ оконченъ былъ переводъ толковой псалтыри, и Максимъ, какъ бы предчувствуя предстоявшее ему бѣдствіе, тогда же просилъ отпустить его въ любимое уединеніе Афонское, предоставляя милости великокняжеской сво-

пхъ сотрудишковъ. — «Помяни труды ихъ, писалъ онъ Государю, мнѣ же и сущей со мною братія, даруй возвращеніе, да освободимся отъ долгой сей печали; возвратите насъ опять въ честную обитель Ватопедскую, по подобію кокоша ожидающаго птенцовъ своихъ, да не лишимся многолѣтнихъ трудовъ нашихъ, которые воспріяли въ надеждѣ окончить тамъ о Господѣ нашъ подвигъ; да уразумѣютъ отъ насъ пребывающіе тамъ Христіане, что еще имѣютъ Царя, не только обилующаго безчисленными народами, и пнымъ царственнымъ достояніемъ, достойнымъ слышанія и удивленія, но наче всѣхъ прославленнаго правдою и православіемъ, подобнаго Великимъ Константину и Феодосію, которымъ да наслѣдуетъ твоя держава, когда наконецъ освободишь насъ отъ работы нечестивыхъ, ибо все возможно Владыкѣ всѣхъ.

Но не суждено было Максиму когда либо возвратиться на родину, сперва по той необходимости, которую почувствовали въ ученыхъ трудахъ его, а потомъ по тяжкимъ гоненіямъ. Переводъ псалтыря показалъ, что многого можно было ожидать отъ ученаго Грека; ему поручено было перевести сводное толкованіе древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и Златоуста на два Евангелія Матоея и Иоанна, которыхъ изложеніе было для насъ весьма важно, ибо оно доставило намъ все, что было лучшаго у Грековъ. Великій Князь осыпалъ милостями своими ученаго переводчика,

по тѣмъ не ограничивалась дѣятельность его, ибо на него возложили новый тяжкій трудъ исправленія церковныхъ богослужебныхъ книгъ и прежде всего церковной тріоди, въ которой нашелъ много ошибокъ отъ невѣжества переписчиковъ, а иногда и нѣкоторыя недоразумѣнія въ переводѣ.—Же-гомый Божественною ревностію, какъ самъ выражался, очищалъ онъ плевелы обѣими руками и, дерзая о Господѣ, иногда рѣзко высказывалъ о томъ, что видѣлъ, но слѣпая страсть къ старинѣ почитала отзывы сіи за оскорбленіе святыхъ.—Начался тайный ровоть на пришельца Греческаго, хотя вначалѣ и не дерзала воставать явно клевета на любимца великокняжескаго. Совѣтами Максима пользовались въ дѣлахъ Церкви и Государства, отличая въ немъ мужа ученаго, пламеннаго къ вѣрѣ; онъ былъ быстрый молебникъ у Державнаго за вельможъ, выдавшихъ въ немилость, и Державный внималъ его ходатайству; собору духовному подавалъ совѣтъ ревностно дѣйствовать противъ упорныхъ пререкателей вѣры, наипаче же противъ ереси Жиловской, возмущавшей Церковь, и предлагалъ Митрополиту Варлааму перевести собраніе правилъ церковныхъ, но въ исправленіи богослужебныхъ книгъ дѣйствовалъ осторожно, представляя свои недоумѣнія на разрѣшеніе Святителя, если находилъ что излишнимъ противъ Греческихъ книгъ. Хотя дѣло и производилось келейно, однако возбудилъ онъ неудовольствіе духовенства: всѣ заговорили, будто

Максимъ отвергаетъ русскія церковныя книги и утверждаетъ, что на Руси нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни псалтыри, ни устава; клеветы сіи не могли бы имѣть никакихъ послѣдствій для ученаго пришельца Греческаго, если бы на каедрѣ Московской оставался благоразумный Пастырь, ему покровительствовавшій; но въ 1521 году вынужденъ былъ Варлаамъ оставить свою каедру, по неудовольствію съ Великимъ Княземъ, и на его мѣсто поступилъ Даниилъ изъ иноковъ Волоколамскихъ, тяжкій для Максима, и отсельъ начались всѣ его бѣдствія.

Преподобный Максимъ и прежде замѣчалъ, что несправедливо включено въ присягу архіерейскую обязательство никого не принимать отъ Константинопольскаго Патріарха. Оно могло быть нужнымъ тогда, какъ дѣла Православія, въ послѣдніе годы Греческой Имперіи, въ Константинополѣ колебались; но впослѣдствіи, когда Патріархъ строго держался православія, оно было оскорбительно для престола Патріаршаго, ибо порабощеніе Имперіи не могло имѣть никакого вліянія на дѣла вѣры.—Максимъ не оставилъ этого безъ замѣчанія и написалъ объ этомъ слово; переменна Митрополита подала поводъ и къ другому вопросу: почему новый Митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ? Любопытствующему иноку отвѣчали, что есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ Патріарха Константинопольскаго, которою дозволяется Русскимъ

Митрополитамъ ставиться своими Епископами. Но сколько ни донскивался Максимъ, не могъ онъ видѣть этой грамоты.—Такіе вопросы и сомнѣнія, конечно, не были пріятны Данилу.

Новымъ Митрополитомъ не были довольны, потому что находили его слишкомъ угодливымъ предъ свѣтскою властію: у Максима были знакомые между этими недовольными, которые приходили къ нему за совѣтами.—Въ одно время Данилъ просилъ ученаго инока заняться переводомъ Церковной Исторіи блаженнаго Феодорита,—не извѣстно для какой цѣли.—Преподобный Максимъ отказался отъ сего порученія, потому что въ этой книгѣ много помѣщено актовъ еретическихъ, которые могли быть соблазнительны для престога народа: это очень огорчило Митрополита.

Неудовольствія на преподобнаго Максима возрастали и съ другихъ сторонъ. Въ разныхъ писаніяхъ своихъ онъ обличалъ притязательность иноковъ, заботившихся только о приумноженіи своихъ имѣній, напоминалъ объ обѣтахъ, данныхъ каждымъ при постриженіи, восхвалялъ видѣнные имъ на Западѣ монастыри братьевъ нищенствующихъ. Враги Максима всѣмъ этимъ пользовались и разсѣвали противъ него клеветы, будто онъ порицаетъ Св. иноковъ Русскихъ, которые не отказывались отъ богатыхъ приношеній, дѣлаемыхъ ихъ монастырямъ, принимали и приобрѣтали села и деревни. Кромѣ того, общественные пороки, насилія слабымъ отъ сильныхъ, бѣднымъ отъ бо-

гатыхъ,—все вызывало его обличенія. Его положеніе было довольно особенное. Какъ безпристрастнаго инока, какъ ученаго мужа, много видѣвшаго на свѣтѣ, его спрашивали о многомъ, что дѣлалось высшею властію, и потомъ передавали его рѣчи съ своими толкованіями.

Но Максимъ не унывалъ духомъ; онъ помышлялъ только о единомъ—о истинѣ Христовой, и для пользы ея дѣйствовалъ неутомимо. Легатъ Папскій, Николай Шонбергъ, бывшій въ Москвѣ, старался распространить на Востокъ вліяніе Римской Церкви и сочинилъ слово о соединеніи Руссовъ съ Латинами. Онъ успѣлъ обольстить боярина Феодора Карпова, колебалъ и другихъ; особенно мысли его о фортунѣ производили волненіе въ суевѣрномъ народѣ.—Преподобный Максимъ возсталъ противъ лукавства Римскаго и написалъ противъ него до пятнадцати различныхъ сочиненій, преслѣдуя козни его на всѣхъ путяхъ; въ то же время писалъ противъ магометанъ и язычниковъ. Труды сіи на время оберегали Максима отъ злобы распространявшагося невѣжества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максимъ страстей человѣческихъ, ибо еще не испыталъ всей ихъ силы.—«Заповѣдь Божія, повелѣваетъ намъ, говорилъ онъ, проповѣдывать всѣмъ вопрошающимъ намъ о Евангельской истинѣ, не смотря на злобу невѣжества, и не щадилъ самолюбія, обличая пороки духовенства и вельможъ.»—Столь яркій свѣтъ уче-

нія Максимова былъ слишкомъ тяжелъ для большихъ очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбіе могло пасть на ревнителя истины и благочестія, и этотъ случай представился въ 1524 году.—Великій Князь Василій Іоанновичъ, скучая 20-лѣтнимъ неплодствомъ супруги своей, добродѣтельной Соломоніи, задумалъ расторгнуть бракъ съ нею и вступить въ новый съ Еленю Глинскою, чтобы имѣть наследника престола. Такъ какъ законъ Евангельскій и правила церковныя не дозволяли расторженія брака по такой причинѣ, то окружающіе Государя, нашли полезнымъ, для достиженія своей цѣли, устранить людей, которые могли противодѣйствовать сему намѣренію. Митрополитъ Даніилъ былъ на сторонѣ Великаго Князя; старецъ Максимъ, какъ надлежало и ожидать, на сторонѣ правилъ церковныхъ, и съ нимъ вмѣстѣ прямодушный другъ его, старецъ Васіанъ, потомокъ Князей Литовскихъ, котораго до того времени много уважалъ Великій Князь.—Движимый ревностію, преподобный написалъ наставленіе Великому Князю, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотскимъ страстямъ.—«Того почитай истиннымъ Самодержцемъ, о Благовѣрнѣйшій Царь! писалъ онъ, который правдою и благозаконіемъ ищетъ устроить житіе своихъ подручниковъ и старается всегда преодолѣть похоти и безсловесныя страсти своей души: ибо тотъ, кто ими одолевается бываетъ, не есть одушевленный образъ Небснаго Владыки, но только челоуѣкообразное по-

добіе безсловеснаго естества». Тогда предстояль недоброжелателямъ давно желанный случай отмстить иноземцу, который осмѣлился осуждать Русское. — Донесли Великому Князю, что Вассіанъ и Максимъ, съ друзьями своими, творять укоризну Царству Русскому и, по своему произволенію, искажаютъ слова церковныхъ книгъ; обвинили и въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ двумя опальными боярами, Берсенемъ и Жаренымъ, и даже въ мнимыхъ сношеніяхъ съ Посломъ Турецкимъ Искендеромъ, бывшимъ въ Москвѣ, чрезъ котораго будто бы писалъ Султану, чтобы шелъ войною на Россію, и невыгодно отзывался о военныхъ силахъ Великаго Князя и его жестокостяхъ. Послѣ девятилѣтнихъ постоянныхъ почестей, внезапно схватили Максима въ Февралѣ 1524 года и безъ всякаго распроса бросили въ кандалахъ въ темницу Симоновскую, гдѣ томился нѣсколько дней.

Максима потребовали къ суду и допрашивали, какія имѣлъ онъ сношенія съ опальными боярами, но добродѣтельному старцу нечего было таить что либо изъ своихъ бесѣдъ, потому что многіе приходили къ нему за душеполезными совѣтами. Онъ разсказалъ, что говорили ему умные, хотя и не пріучившіеся къ терпѣнію бояре; открылъ и то, что самъ говорилъ имъ, когда жаловались, что недолго стоитъ земля, которая перемѣняетъ свои обычаи: «Нѣтъ, бояре, обычаи царскіе и земскіе Государи перемѣняютъ, какъ лучше Государству; но та земля, которая преступаетъ заповѣди Божіи,

та должна ожидать казни отъ Бога». Искренній во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не скрылъ даже тайныхъ мыслей души и о Великомъ Князѣ; о задушевной жалобѣ своей на невниманіе Державнаго къ слезамъ вдовицы, что могло быть отнесено и къ Великой Княгинѣ Соломоніи: ибо это было главнымъ источникомъ неудовольствія и не подѣйствовали обличенія Максимовы: въ Февралѣ былъ онъ посаженъ въ темницу, уже въ Ноябрьѣ пострижена Соломонія, а въ Январѣ вступилъ Великій Князь въ бракъ съ Еленю Глинскою: все сіе совершилось въ теченіи одного года.

Вынуждены были однако отпустить на свободу преподобнаго, такъ какъ нельзя было обличить его ни въ какихъ винахъ государственныхъ; но враги не оставались въ покоѣ; они обратились къ такому предмету, по которому легче было обвинить его: къ дѣлу о исправленіи церковныхъ книгъ. По волѣ Митрополита Даніила созванъ былъ Соборъ въ палатахъ великокняжескихъ и явились обвинители на прщельца Греческаго, будто бы онъ искажалъ смыслъ Священнаго писанія и давалъ значеніе минувшаго времени дѣйствию непреходящему, какъ напримѣръ, въ выраженіи о Сынѣ Божіемъ: сѣде одесную Бога, замѣнилъ прошедшимъ временемъ того же глагола сѣдевь, или сѣдѣль еси, и что воскресшую плоть Христову наименовалъ описуемою. Максимъ въ оправданіе себѣ указывалъ на грамматическое значеніе приводимыхъ словъ, которыя вы-

ражали время прошедшее, но и это обратили ему въ обвиненіе, какъ будто признаеть сѣдѣніе Сына одесную Отца уже окончившимся, и приводили противъ него, какъ бы на еретика, свидѣтельства Святыхъ Отцевъ. Тогда Максимъ смиренно призналъ первую свою поправку за погрѣшность, говоря, что онъ не зналъ тогда довольно Русскаго языка и различія сихъ изрѣченій, ибо передавалъ мысль свою на Латинскомъ языкѣ толмачамъ Русскимъ, которыхъ спрашивалъ по совѣсти, приличны ли такіа выраженія?—Касательно же слова описуемаго, старался защитить оное выводами Святаго Писанія, но никто не хотѣлъ его слушать.

Три раза повергался онъ на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи, ради милости Божіей къ немощамъ человѣческимъ, и со слезами просилъ простить ему погрѣшности, если какія допущены были имъ въ книгахъ; все было напрасно: его осудили, какъ еретика, испортившаго Писаніе Божіе, схватили опять и вывели изъ Москвы, такъ тайно, что во время пребыванія Посланника Имперскаго въ Москвѣ Герберштейна, не знали даже, живъ ли онъ и гдѣ заключенъ. Но страдалецъ томился въ душевной темницѣ Иосифо-Волоколамскаго монастыря, гдѣ отлученъ былъ какъ нераскаенный грѣшникъ, отъ приобщенія Св. Тайнъ, подъ строгимъ присмотромъ духовныхъ старцевъ; не только запрещено было ему видѣться съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ, но даже ходить въ церковь: такова была горькая

участь пришельца Греческаго, вызваннаго съ такою честію со Святой горы. Отъ дыма и смрада, отъ узъ и побоевъ впадалъ онъ по временамъ какъ бы въ омертвѣніе; но здѣсь же явившійся ему Ангелъ сказалъ: «терпи, старецъ, сими муками избавишься вѣчныхъ мукъ»; и здѣсь, на стѣнахъ своей Волоколамской темницы, написалъ онъ углемъ канонъ Утѣшителю Духу Святому, который и нынѣ воспѣвается въ церкви.

«Иже манною препитавый Израиля въ пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни все-святаго: яко да о немъ богоугодно служу Ти выну».

«Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, Тебѣ всеблаженному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу, возлагаю».

Игуменомъ Волоколамскаго монастыря былъ тогда суровый Нифонтъ изъ учениковъ Даніила и, по свидѣтельству Князя Курбскаго, много потерпѣлъ преподобный отъ глаголемыхъ Іосифлянъ; ибо до четырехъ лѣтъ продлилось тяжкое его заключеніе въ ихъ обители. Ученики и друзья Максима раздѣлили его участь: Силуанъ отвезенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ уморенъ въ дыму; Михаилъ Медоварцевъ сосланъ въ Коломну; а Савва святогорецъ Архимандритъ Спасскій заточенъ въ Возницкій монастырь города Волоколамска; не много позже Максима, сосланъ въ тотъ же Іосифовъ монастырь и другъ его, ревнитель каноновъ, Вассіанъ, не смотря на княжескій родъ свой, а между тѣмъ враги Максима, искажая его

оправданія, доносили на него въ Москву, что Максимъ не кается и только повторяетъ одно и то же: «чистъ есмь отъ чрева матере моея и донинѣ отъ всякаго грѣха».

Но тѣмъ не кончились страданія преподобнаго; черезъ пять лѣтъ снова потребовали къ суду Максима въ престольный городъ, это было уже въ 1531 году.—Архіепископъ Новгородскій Макарій, собиравшій свои Чети-Миней, обратилъ вниманіе Митрополита на переводъ житія Богородицы, сдѣланный Максимомъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Въ спискахъ сего перевода найдено было много погрѣшностей. Митрополитъ открылъ новый Соборъ и припомнилъ прежнія обвиненія страдальца.—Съ ужасомъ отвергнулъ Максимъ хульные изреченія, внесенныя въ его переводъ!—«Я такъ не переводилъ, восклицалъ онъ, такъ не писалъ и не велѣлъ писать, это ложь на меня, я такъ не мудрствую; если же произнесъ такія хулы, то я буду проклятъ»; но его отрицанія не приняли и повѣрили двумъ лжесвидѣтелямъ, которые утверждали, будто слышали неоднократно отъ самого Максима, когда изъявляли сомнѣніе противъ его перевода: «такъ это надобно».—Спрашивали еще Максима, почему исключилъ изъ службы Троицкой вечерни великій отпустъ и изъ осьмаго члена Символа вѣры слово «истиннаго»?—Преподобный Максимъ защищался сколько могъ, отвѣчая, что ничего не приказывалъ исключать; касательно же исключенія въ Символѣ, ссылаясь на древнія ру-

кописи Греческія, гдѣ вмѣсто «истиннаго» стояло другое слово: «Господа животворящаго».

Не смотря на то, не освободили узника и даже не разрѣшили ему приобщенія Св. Тайнъ; измѣнили только мѣсто заключенія, назначивъ ему пребываніемъ Тверской Отрочъ монастырь, подъ строгимъ надзоромъ Тверскаго Епископа Акакія. Это заключеніе было легче; Епископъ, не стѣсняясь опредѣленіемъ соборнымъ, часто приглашалъ невиннаго узника за свою трапезу; большимъ утѣшеніемъ для него служило то, что могъ читать книги, и онъ написалъ себѣ въ утѣшеніе, словеса инока затвореннаго въ темницѣ и скорбящаго, которыми утверждалъ себя въ терпѣніи: «Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о томъ что страдаешь безъ правды, отъ руки тѣхъ, отъ коихъ подобало бы тебѣ пріять все благое, ибо ты пользовала ихъ духовно, предложивъ имъ трапезу, исполненную Святаго Духа, т. е. сказанія боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давидовыхъ, которыя перевелъ я отъ бесѣды Эллинской на бесѣду шумящаго вѣщанія Русскаго; но паче благодарствуй твоему Владыкѣ и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житіи, современными скорбями, заплатить съ лихвою весь долгъ многихъ талантовъ, коими былъ одержимъ. Внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія, но паче божественной радости, да не пострадешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ

настоящемъ и будущемъ вѣкѣ; если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, какъ повелѣваетъ тебѣ Господь, ибо мзда твоя многая на небесахъ!»

Въ 1534 году скончался Великій Князь, и преподобный Максимъ думалъ воспользоваться благоприятнымъ временемъ, чтобы оправдать себя письменно въ возведенныхъ на него клеветахъ. — Въ письменномъ исповѣданіи онъ предложилъ свое вѣрованіе, вполне православное, и свидѣтельствовавъ, что еретическими словами наполнены не тѣ книги, которыя имъ исправлены, но тѣ, которыя противники его считали за святыню.

«Поелику нѣкоторые, не знаю почему не страшатся называть еретикомъ меня, невпннаго челоувѣка, врагомъ и измѣнникомъ Державы Богохранимой Россійской, то праведнымъ и необходимымъ нахожу отвѣчать моимъ клеветникамъ. Благодарію истиннаго Бога нашего Іисуса Христа, я по всему правовѣрный христіанинъ и прілежный богомолецъ Державы Русской; если же и не великъ въ разумѣ и познаніи божественныхъ писаній, однако посланъ сюда отъ всея Святыя горы, по прошенію и грамотѣ благовѣрнаго Великаго Князя, отъ котораго, въ теченіе девяти лѣтъ, преизобильныя получалъ почести. — Повинуясь его повелѣнію, не только перевелъ я толкованіе псалтыри съ Греческаго, но и нынѣ боговдохновенныя книги, различно испорченныя отъ переписчиковъ, хорошо и исправилъ, богатію Христовою и содѣйствіемъ

Утѣшителя Духа, какъ всѣмъ извѣстно. Не знаю, что случилось съ нѣкоторыми враждебно ко мнѣ расположенными, которые утверждаютъ: будто я не исправляю, а только порчу боговдохновенныя книги: воздадутъ они слову Господу за то, что не только препятствуютъ богоугодному дѣлу, но и на меня бѣднаго и невиннаго клеветуютъ и ненавидятъ какъ еретика; я же не порчу священныя книги, но прилежно и со всякимъ вниманіемъ, со страхомъ Божиимъ и правымъ разумомъ исправляю въ нихъ то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже въ началѣ, при ихъ переводѣ, мужами приснопамятными, но не довольно разумѣвшими силу Эллинскихъ рѣчей.—Исправляю не Святыя писанія, но то, что въ нихъ вкралось отъ непохвальныхъ описей, отъ недоумѣнія или забвенія древнихъ переводчиковъ или отъ многого невѣжества и небреженія новыхъ переписчиковъ.

Но, быть можетъ, нѣкоторые противники скажутъ: великое ты наносишь тѣмъ оскорбленіе возсіявшимъ въ землѣ нашей чудотворцамъ. Съ сими священными книгами благоугодили они Богу въ жизни и по преставленіи прославлены отъ него силою чудодѣйственною. Не я буду отвѣчать имъ, но самъ блаженный Апостолъ Павелъ, да научить ихъ Духомъ Святымъ, глаголя: «одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума тѣмъ же Духомъ, иному вѣра тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣленій въ томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества,

иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно.» (I Кор. XII, 7—11). Ясно изъ сего, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. Исповѣдую и я, что святые Русскіе чудотворцы, по дарованію имъ даному свыше, возсіяли въ землѣ Русской, и поклоняюся имъ, какъ вѣрнымъ Божиимъ угодникамъ, но ни различные языки, ни толкованіе оныхъ не приняли они свыше. По сему не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе многихъ исправленныхъ мною описей: имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святаго житія, дано было дарованіе испѣленій, чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ земнородныхъ, дарованы разумѣніе и толкованіе языковъ и не должно тому дивиться.»

«Будь мнѣ свидѣтелемъ Господь Іисусъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, что кромѣ множества моихъ согрѣшеній, ничего хульнаго въ себѣ не вѣдаю о святой Христіанской нашей вѣрѣ; называвшимъ же меня врагомъ Русской Державы да не вмѣнитъ Господь Богъ такое ихъ согрѣшеніе.»—Въ заключеніи умолялъ отпустить его на святую гору Аѳонскую, представляя и то, что судъ о немъ принадлежитъ не русскимъ Епископамъ, а Вселенскому Патріарху. Но участь страдальца Максима, не измѣнилась; крамольные боя-

ре, управлявшіе Государствомъ во дни малолѣтства Іоанна, заняты были только своими кознями и губили одинъ другаго. Не долго пользовался преподобный и снисхожденіемъ Епископа Тверскаго Акакія. Пожаръ, истребившій въ 1557 году, великолѣпный храмъ, созданный въ Твери Акакіемъ, подалъ поводъ Максиму высказать, по обыкновенію своему, правду о жителяхъ Твери и ихъ пастырѣ, и это возбудило сильное негодованіе Акакія, который даже огласилъ такое обличеніе неправославнымъ.

Между тѣмъ умерла Правительница Елена, и самъ Митрополитъ Даніилъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго управленія Церковію, сосланъ былъ въ заточеніе въ Іосифовъ монастырь. Страдалецъ Максимъ почелъ долгомъ примирить съ собою совѣсть изгнаннаго Святителя. Узнавъ чрезъ близкаго къ себѣ челоуѣка, что Даніилъ продолжаетъ питать къ нему прежнее нерасположеніе, заклиналъ его, именемъ Отца Небеснаго, оставить вражду, съ глубокимъ смиреніемъ говорилъ о своей невинности и въ заключеніе сказалъ, что обвиненіе въ ереси, которое не престають противъ него повторять, есть только дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія, всегда жестокосердаго къ другимъ. Преподобный рѣшилъ написать еще о своей вѣрѣ отчетъ новому Митрополиту Іоасафу и на имя бояръ слово отвѣщательное на исправленіе книгъ Русскихъ, съ тою же свободою духа свидѣтельствуя предъ ними, что не по лицемѣрью пишетъ къ нимъ, и не съ ласкательствомъ, чтобы получить временную славу и нѣкую отраду въ своихъ бѣдахъ.

Новый Митрополитъ старался утѣшить страдальца милостивымъ словомъ, но, будучи самъ обуреваемъ крамольными боярами, не могъ облегчить участи невиннаго узника: «Цѣлуемъ узы твои, какъ бы единого отъ святыхъ, писалъ онъ преподобному, но ничего не можемъ болѣе сдѣлать въ твою пользу.» Онъ желалъ допустить осужденнаго до приобщенія Св. Таинъ, но противники соглашались не иначе, какъ подъ предлогомъ смертной болѣзни. Гнушаясь примѣсю обмана къ святому дѣлу, Максимъ не согласился на такое условіе, и наконецъ, къ своему утѣшенію, послѣ тринадцатилѣтняго несправедливаго запрещенія, получилъ разрѣшеніе приступать къ Святымъ Таинамъ, когда пожелаетъ. Новый опытъ крамолы боярской, низверженіе Святителя Іоасафа, возбудилъ въ преподобномъ ревность, презрѣвъ собственную опасностію, изобразить опытною рукою бѣдственное состояніе Русскаго Царства, подъ образомъ жены, окруженной лютыми звѣрями, одѣтой въ рубище и сидящей на распутии, ибо бѣдствія его отечества поражали глубоко душу Максима, такъ какъ и радости его были радостями для его сердца. — Въ 1545 году, по предстательству Небесной Владычицы, спасена была Москва отъ неслѣтныхъ полчищъ Крымскаго Хана, нечаяннымъ ихъ бѣгствомъ, и Максимъ воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Іисусу за спасеніе Россіи: а между тѣмъ, въ уединеніи своемъ, изливалъ скорбь о участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово Св. Кирилла о исходѣ души.

Святители Восточные не оставались равнодушными къ участи долго томившагося на Руси страдальца, и Патріархъ Вселенскій Діонисій и столѣтній старецъ Іоакимъ Патріархъ Александрійскій, писали въ 1545 году къ юному Царю Іоанну о освобожденіи страдальца Максима; особенно умиленно было посланіе послѣдняго. «Имѣемъ слово и малое прощеніе изглаголатъ царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно: тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ отъ Св. горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству діавольскому и кознямъ злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда, ни сюда ходить и учить слову Божию, какъ даровалъ ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ Св. горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, неправедно, связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творятъ такъ православные христіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче Цари, удостоенные великаго смысла и учиненные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверзтою ко всеѣмъ приходившимъ. Праведно заключать въ узы небоющихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставлялъ, поучалъ и пользовалъ многихъ Христіанъ въ царствіи твоемъ и индѣ, не подобаетъ не-

праведно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнуть до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; его ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима святогорца и дашь ему всякую свободу идти куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помози и поспѣши ему, сколько Богъ положить на сердцѣ твоемъ по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хоти посрамить насъ въ этомъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, ни просилъ какого-либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе къ царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошений, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруешь мнѣ сего человѣка».

Но и это прошеніе осталось безуспѣшнымъ; преподобный съ своей стороны, посылая Царю кроткое увѣщаніе жить по христіански, просилъ преклониться къ умиленнымъ его моленіямъ и исполнить праведное прошеніе о немъ Святителей; но подозрительный духъ того времени не позволилъ исполнить подобное прошеніе: слишкомъ много видѣлъ на Руси преподобный, чтобъ быть ему отпущеннымъ изъ Россіи; наконецъ только въ 1551 году, послѣ 20-лѣтняго заключенія въ

Тверь, Троицкій игумень Артемій, другъ Максима, съ нѣкоторыми добродѣтельными боярами, упрости Державнаго освободить невиннаго пришельца, и старецъ, мирно принятый въ Москвѣ, съ честью вступилъ въ Лавру; но уже опъ былъ изможденъ тяжестію оковъ и темницы, внутренними скорбями и внѣшними страданіями, и былъ слабъ не только ногами, но и всѣмъ тѣломъ; однако духъ его еще былъ бодръ и способенъ къ высокимъ созерцаніямъ.

По просьбѣ ученика своего Нила, изъ рода Князей Курлятевыхъ, преподобный Максимъ послѣ столькихъ бурь, занялся въ уединеніи Лавры Сергіевой переводомъ псалтыря съ Греческаго на Русскій языкъ, не смотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лѣтъ. Черезъ два года послѣ водворенія его подъ сѣнію преподнаго Сергія, Царь Іоаннъ Васильевичъ посѣтилъ святаго старца въ его мирной келліи, и открылъ ему свое намѣреніе совершить богомолье въ обитель Кириллову, по данному обѣту за свое исцѣленіе. Опытный старецъ сказалъ Государю искреннее слово, которое всегда привыкъ говорить Державнымъ: «Обѣтъ царствія твоего не согласуетъ времени ради того, что вдовы, сироты и матери избѣнныхъ подъ Казанью, еще проливаютъ слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ Святые Божіи возрадуются о тебѣ и вознесутъ теплое моленіе о твоей Державѣ, понеже

Богъ и Святые Его не по мѣсту внемлютъ молитвамъ нашимъ, но по доброму произволенію нашего сердца». Смиренно выслушалъ Царь искреннее слово многострадальнаго Максима, но не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія, почитая оно благочестивымъ; тогда святой старецъ сказалъ Князю Курбскому, одному изъ четырехъ бояръ, сопутствовавшихъ Царю, слово пророческое, которое просилъ передать Державному: «если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по Богъ и презришь крови избѣнныхъ отъ поганныхъ, вѣдай, что умереть сынъ твой новорожденный Димитрій!»—Но Іоаннъ упорствовалъ, и сбылось пророчество Святаго.

Это еще болѣе исполнило уваженіемъ къ нему грознаго Царя, не только какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ пророку. На слѣдующій годъ пригласилъ онъ преподобнаго на Соборъ въ Москву, для обличенія новой возникшей тамъ ереси Матвѣя Башкина, которая имѣла сходство съ Кальвинскою, ибо Башкинъ заразился симъ новымъ ученіемъ Запада; когда же Максимъ по дряхлости уклонился отъ присутствованія на Соборѣ, Царь написалъ ему посланіе, которымъ просилъ преподобнаго, чтобы прислалъ къ нему свой отзывъ о странномъ ученіи. «Да будетъ тебѣ вѣдомо, ради какой вины поднялся мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія, равнаго Отцу, и Святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа и честную кровь Его ни во

что вмѣняютъ, но какъ простой хлѣбъ и вино приѣмлютъ, и Церковь отрицаютъ и называютъ идолами пзображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, и не приѣмлютъ покаянія, ни отеческихъ преданій, возлагая гордость свою на седмь Вселенскихъ Соборовъ, и иныхъ поучаютъ сему злочестію: сего ради содрогнулся я душею и воздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе вошло въ землю нашу, въ нынѣшнее слабое время въ послѣдніе роды, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею Епископы, Игумены и черноризцы, да исторгнутъ терніе изъ чвстой пшеницы и будутъ споспѣшники святымъ седми Вселенскимъ Соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборникомъ православія, какъ первые Богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвизавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны. И такъ явился мнѣ споспѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство; слышали мы; что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того, за тобою послали, что считаемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчинять съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь въ отвѣтъ на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь».

И такъ, на самомъ закатѣ дней, отдана была наконецъ полная справедливость исповѣднику истинны, и это было послѣднимъ церковнымъ дѣяніемъ великаго страдальца. Черезъ годъ онъ скончался, въ 1556 году, послѣ сороколѣтнихъ трудовъ и страданій, въ старости глубокой, испытанной всеми бѣдствіями жизни. Древній сказатель о пришествіи Максима въ престольный градъ, свидѣтельствуешь, что, по смерти преподобнаго, пробудилось къ нему общее уваженіе и многіе стремились въ Лавру къ его священнымъ останкамъ, какъ бы къ святымъ мощамъ, называя его великимъ учителемъ и пророкомъ, и современникъ его Князь Курбскій не иначе называлъ Максима Грека въ своихъ писаніяхъ какъ святымъ и преподобнымъ, ибо коротко зналъ жизнь его. Двадцать пять лѣтъ послѣ его преставленія, во время пришествія въ Москву Вселенскаго Патріарха Іеремиа для посвященія перваго Патріарха Іова, Архимандритъ Лавры и многіе благочестивые люди изъ клира и мірянъ, почли долгомъ совѣсти просить Святѣйшаго Іеремию торжественно произнести разрѣшеніе, обычное убошимъ, надъ великимъ труженникомъ, и Патріархъ далъ отъ себя прощальную грамоту сему исповѣднику истинны. Другой великій подвижникъ благочестія, преподобный Діонисій Архимандритъ Троицкой Лавры и самъ много потрудившійся въ исправленіи книжномъ и пострадавшій за оное подобно Максиму, заботился чтобы не погибла

память великаго мужа и чтобы ученые труды его были извѣстны Церкви.—Въ позднѣйшія же времена, одинъ изъ великихъ Святителей нашихъ Митрополитъ Московскій Платонъ, устроилъ гробовую палатку надъ гробницею преподобнаго Максима, которую первый открылъ Св. Архимандритъ Діонисій.

Въ преданіяхъ Лавры Сергіевой записано чудо, бывшее надъ гробомъ святаго страдальца Максима, въ 1651 году, во дни Патріарха Никона. Пришелъ человекъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по общанію, къ Сергіевой Лаврѣ и послѣ литургіи отслушавъ молебенъ, какъ самъ рассказывалъ инокамъ, утомившись сѣлъ, близь храма Сошествія Святаго Духа, на гробовой доскѣ; но гнѣвомъ Божиимъ сбросило его съ гробницы и разбило члены его. Долго не могъ онъ встать; опаматовавшись, приползъ къ могилѣ и спрашивалъ стоявшихъ тутъ людей: кто подъ доскою сей почиваетъ? они отвѣчали: «монахъ Максимъ Грекъ»; тогда разслабленный воскликнулъ: «Отче Максиме, прости меня!»—По его желанію священники отслужили панихиду по иноку Максимѣ, надъ его гробницею; и вслѣдъ за тѣмъ получилъ онъ исцѣленіе и возвратилась ему память.

Не повѣрилъ сему чуду келейникъ соборнаго старца Вассіана, по имени Іоаннъ, и, по самонадѣянности сѣлъ на ту же гробницу, думая самъ въ себѣ: тогда я повѣрю, когда и со мною то же случится; тогда гнѣвомъ Божиимъ трижды былъ

сброшенъ съ гробницы и лице его разбилось до крови и раздробились зубы и языкъ; воставъ вспомнилъ свое невѣріе и, помолившись Спасову образу, раскаялся въ согрѣшеніи, говоря: «Господи прости меня!»—Тогда погрузился Іоаннъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемилостиваго Спаса молящагося невѣдомаго ему инока, котораго спросилъ: кто ты? тотъ отвѣчалъ ему: «я Максимъ Грекъ».—Іоаннъ просилъ у него прощенія за то, что прогнѣвалъ его, и святой мужъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: «За что безчестилъ меня? за невѣріе твое тебѣ было сіе пораженіе, ибо ты слышалъ въ сей день, что прежде сего сброшенъ былъ съ моей могилы человекъ сидящій;» прощенія же ему не подалъ явившійся старецъ и скрылся отъ его взоровъ. Такъ рассказывалъ самъ Іоаннъ о бывшемъ ему явленіи.

(Археографическіе акты; статья о Максимѣ Грекѣ Преподобнаго Филарета въ Москвитянинѣ; рукопись Сергіевой Лавры служба святымъ.)

14-го Августа, предпразднество Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ сей день совершается память Святаго Пророка Михея и перенесенія честныхъ мощей преподобнаго отца нашего Феодосія, Игумена Печерскаго.

15-го числа, Успеніе Пресвятыя славныя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи.

«Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси. Богородице, преставилася еси къ животу, Мати суцѣ живота: и молитвами твоими избавляеши отъ смерти души наши».

16-го перенесеніе отъ Эдесса въ Константиноградъ нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа, называемаго святаго убруса.

Въ сей же день память святаго мученика Діомиды.

17-го числа, святаго мученика Мирона и преподобнаго отца нашего Алипія иконописца Печерскаго.

Ж И Т І Е

ПРЕПОДОБНАГО АЛИПІЯ ИКОНОПИСЦА ПЕЧЕРСКАГО.

Блаженный Алипій явился подражателемъ святому Евангелисту Лукѣ, изображая не только лица Святыхъ на иконахъ, но и добродѣтели ихъ въ душѣ своей. Подобно Евангелисту, былъ онъ и врачомъ тѣлеснымъ, какъ свидѣтельствуеть чудное житіе его. Во дни Благовѣрнаго Князя Всеволода Ярославовича, при Игуменѣ Лавры преподобномъ Никонѣ, 10 лѣтъ уже послѣ преставленія преподобныхъ Антонія и Феодосія, былъ отданъ Алипій родителями въ наученіе иконнаго искусства иконописцамъ Греческимъ, пришедшимъ изъ Царьграда для украшенія Печерской Лавры, и помогаль имъ въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, еще не будучи постриженъ; но совершеніи же иконнаго украшенія церкви, принялъ на себя Ангельскій образъ и поелику изучался онъ искусству иконописанія не ради собранія богатства, а добродѣтелей, то впечатлѣніе божественныхъ иконъ благодатно отра-

жалось въ его сердцѣ и безмездно трудился онъ, не только для Игумена и братіи, но и для всѣхъ о томъ просившихъ.

Самъ Алимпій просилъ пзвѣщать его когда гдѣ видѣли обветшавшія въ церквахъ иконы, и ревностно ихъ обновлял; если иногда, для вещественной потребности иконнаго дѣла, занимствовалъ золото и серебро, тщательно вознаграждалъ оное своими трудами; никогда не оставаясь празднымъ, онъ уподоблялся древнимъ отцамъ, по ихъ трудолюбію, ибо всегда памятовалъ слова Верховнаго Апостола Павла: «требованію моему и сущимъ со мною послужили руки мои сіи» (Дѣян. XX, 24). — Если случалось ему пріобрѣтать чтолибо отъ своего рукодѣлія, то прибитокъ сей раздѣлялъ всегда на три части: первую отдѣлялъ для необходимыхъ потребностей иконнаго писанія, вторую на милостыню нищимъ, третью для нуждъ монастырскихъ. Такъ трудился въ теченіи многихъ лѣтъ, не давая себѣ покоя, ибо ночь посвѣщалъ бдѣнію на молитвѣ, день же весь прилежалъ рукодѣлію, съ непрестаннымъ богомысліемъ, не отлучаясь никогда и отъ собранія церковнаго. Игумень Лавры, уважая его высокую добродѣтель, почелъ его достойнымъ сана священства, и еще большею просіялъ онъ красотою сугубыхъ добродѣтелей иноческихъ и іерейскихъ, отъ Господа же дарованъ былъ ему, еще при жизни, даръ чудотвореній.

Нѣкто изъ богатыхъ гражданъ Кіева впасть въ

тяжкую болѣзнь проказы и напрасно искалъ себѣ пользы отъ врачей и волхвовъ. Одинъ изъ друзей побудилъ его, не безъ труда, идти въ обитель Печерскую просить себѣ молитвы преподобныхъ отцевъ; Игуменъ велѣлъ напоить его водою изъ кладезя Феодосія, но болящій внезапно весь воскипѣлъ гноемъ за свое невѣріе такъ, что люди бѣжали отъ его смрада; съ горькимъ плачемъ возвратился онъ въ домъ свой, не смѣя никому показать лица своего и ожидая себѣ смерти. Пришло ему однажды опять на мысль идти въ обитель покаяться въ своихъ согрѣшеніяхъ и пришелъ онъ на исповѣдь къ преподобному Алипію, который много поучалъ его отъ божественныхъ писавій, для спасенія души. Не довольствуясь врачеваніемъ духовнымъ, озаботился опытный инокъ и о вещественномъ и, какъ иконописецъ, въ своемъ искусствѣ обрѣтая врачеваніе, покрылъ краскою гнойныя струпы лица у боляшаго, чтобы не въ безобразномъ видѣ могъ онъ приступить къ причащенію божественныхъ Таинъ; потомъ велѣлъ ему умыть лице водою, которою обыкновенно омываютъ священники глаза, уста и руки послѣ причащенія, и сами собою спали струпы съ его лица. Нѣкогда повелѣлъ Господь прокаженному, котораго исцѣлилъ, идти показаться іерею и принести даръ за свое очищеніе: и сведому исцѣленному велѣлъ преподобный принести за сей даръ тотъ, о коемъ говоритъ Пророкъ: «Что воздамъ Господеву о всѣхъ яже воздаде ми? дашу

спасенія прїиму».—(Правнукъ сего прокаженнаго за очищеніе предка, оковалъ впослѣдствїи золотомъ сѣнь надъ престоломъ церкви Печерской).

Изумились граждане Кїевскїе чудному исцѣленію прокаженнаго, но Алпїій смиренно говорилъ имъ: «братїя, никто не можетъ двумъ Господамъ работать; сей человекъ прежде поработилъ себя врагу, грѣхомъ чарованїй, къ которымъ прибѣгалъ, и приходя сюда, не вѣровалъ, что можетъ спасти его Господь: по сему и умножилась его болѣзнь; когда же раскаялся предъ Богомъ, исцѣлили его щедрою милостїю Господь». Внимая словамъ блаженнаго, прославилъ народъ преподобныхъ Печерскихъ, прославляемыхъ Господомъ.

Одинъ христіанобивый человекъ города Кїева поставилъ церковь и хотѣлъ украсить ее семью большими иконами; приготовилъ онъ для нихъ доски и далъ деньги двумъ знакомымъ ему инокамъ Печерскаго монастыря, чтобы посоветовались съ Алпїїемъ о написанїи иконъ, но они, ничего не сказавъ ему, утаили серебро. Спустя нѣсколько времени, послалъ требовать иконы заказавшїй ихъ; лукавые иноки отвѣчали, будто бы еще болѣе требуетъ денегъ Алпїій и, получивъ требуемое количество, не постыдились еще въ третїй разъ просить прибавленїя платы будто бы отъ лица самаго Алпїія; и въ третїй разъ не отказались имъ усердный христіанинъ, который хотѣлъ имѣть себѣ въ благословенїе дѣло рукъ преподобнаго.

Наконецъ, и самъ пришелъ онъ въ обитель къ Игумену Никону удостовѣриться, справедливы ли слова иноковъ, которые послали сказать ему, будто Аліпій, взявъ деньги, вовсе не хочетъ писать иконы?

Призвалъ Игумень Аліпія и спрашивалъ, по чему взявши столько денегъ, не пишетъ иконъ? Изумился блаженный и увѣрялъ, что ничего не слышалъ о сихъ иконахъ. Тогда Никонъ, въ обличеніе ему, послалъ принести самыя доски, приготовленныя для ихъ написанія, которыя еще на канушъ видны были въ обители безъ всякаго образа; велѣлъ позвать и тѣхъ иноковъ, которые клеветали на Аліпія. — Принесли доски и всѣхъ объялъ ужасъ, когда увидѣлъ на нихъ чудно написанныя изображенія Господа, Пречистой его Матери и Святыхъ. Между тѣмъ клеветники, не знавшіе о чудѣ, продолжали жесвидѣтельствовать, будто Аліпій не хочетъ писать иконъ, доколѣ не были обличены чуднымъ ихъ написаніемъ, которое свидѣтельствовало о невинности Аліпія. Не успокоились они однако отъ своей злобы и, будучи изгнаны изъ монастыря, стали распространять молву въ городъ, будто сами написали иконы сія и что не совершилось надъ ними никакого чуда.

Случился, попущеніемъ Божиимъ, пожаръ, спустошившій все Подоліе Кіева; сгорѣла и церковь, для которой написаны были иконы Аліпіевы, но онъ сохранился совершенно невредимъ отъ по-

жара. Самъ Великій Князь Владиміръ Мономахъ услышавъ о томъ, пришелъ на пепелище поклониться чуднымъ иконамъ и подивился добродѣтели преподобнаго Алипія. Онъ послалъ икону Богоматери, одну изъ числа ихъ, въ Ростовъ, въ соборную церковь, которую тамъ соорудилъ, и тамъ чудотворная икона сія также не сгорѣла во время пожара.

Еще одинъ благочестивый человѣкъ просилъ самаго блаженнаго Алипія написать мѣстную икону Успенія Богоматери и приготовить ее къ сему празднику; но вскорѣ послѣ разболѣлся преподобный и уже не въ силахъ былъ заниматься иконописаниемъ, ибо самъ приближался къ исходу своему, а между тѣмъ приближался праздникъ Успенія. Скорбѣлъ о томъ заказавшій ему икону, но Алипій сказалъ ему: «чадо, не докучай мнѣ своимъ приходомъ и возверзи на Господа печаль свою; икона твоя въ праздникъ будетъ стоять на своемъ мѣстѣ.»—Повѣрилъ слову его благочестивый человѣкъ и уже не тревожилъ преподобнаго до праздника; когда же пришелъ на кануи его въ обитель и увидѣлъ, что еще не написана икона, а болѣзнь Алипія еще усилилась, онъ сталъ упрекать блаженнаго, для чего не возвѣстилъ ему о своей болѣзни, чтобы могъ онъ отдать кому-либо другому написать икону къ празднику, и тѣмъ не нарушить торжества?—Кротко отвѣчалъ ему Алипій: «чадо, развѣ по лѣности уклонился я отъ работы? Возможно Господу и словомъ единымъ

написать икону Матери Своей; я уже отхожу изъ міра сего, какъ явилъ мнѣ Господь, тебя же не оставлю скорбнымъ.»

По удаленіи челоуѣка сего, взошелъ свѣтлый юноша въ келлію преподобнаго и началъ писать заказанную икону. Аліпій думалъ сперва, что тотъ, кто ее заказывалъ, прогнѣвавшись на него, прислалъ своего иконописца для довершенія работы, но скорость и простота дѣла явила въ чудномъ пришельцѣ Ангела, ибо въ продолженіи трехъ часовъ написалъ онъ весьма благолѣпную икону, довершивъ же ее, спросилъ: «доволенъ ли ты отче; и не погрѣшилъ ли я въ чемъ либо въ написаніи иконы?»—«Богъ тебѣ помогъ, отвѣчалъ, преподобный, и твоею рукою Самъ Онъ совершилъ дѣло сіе!»—Къ вечеру исчезъ изъ его келліи дивный иконописецъ вмѣстѣ съ иконою.

Заказавшій ее пребылъ безъ сна всю ночь, почитая себя недостойнымъ утѣшенія украсить ею церковь въ день праздника, когда же пришелъ въ церковь, едва не упалъ отъ ужаса, увидѣвъ чудно сіяющую икону на приготовленномъ для нея мѣстѣ.—Вспомнилъ онъ слова Аліпія и разбудилъ своихъ домашнихъ, которые съ радостію поспѣшили въ церковь, со свѣчами и кадилами и благоговѣнно поклонились чудотворной иконѣ. Поспѣшилъ онъ съ вѣстію о томъ къ Игумену, вся братія пошла къ преподобному въ келлію, который уже былъ при послѣднемъ издыханіи. Игумень однако еще успѣлъ спросить его: «кто

и какъ написалъ чудную сію икону?» и блаженный произнесъ предсмертное свое слово: «Ангель написалъ ее и вотъ уже онъ предстоитъ, готовый взять меня съ собою;» съ этими словами предалъ чистую душу свою въ руки Божиі, на третій день праздника Успенія. Братія, съ великою честью, погребли его въ пещерѣ преподобнаго Антонія.

(Изъ Патерика Печерскаго).

18-го Августа, святыхъ мучениковъ Флора и Лавра.

19-го, св. мученика Андрея Стратилата и дружины его.

20-го, св. пророка Самуила.

21-го, св. Апостола Фаддея. Отечественная церковь празднуетъ память преподобнаго Аврамія Архимандрита, Смоленскаго Чудотворца.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНАГО АВРААМІЯ АРХИМАНДРИТА СМОЛЕНСКАГО.

Отъ благовѣрныхъ родителей происходилъ блаженный Авраамій, хотя неизвѣстно ихъ имя; отецъ его былъ уважаемъ всѣми и вѣрнымъ слугою Князю своему, милостыня его обильно простиралась на убогихъ. Двѣнадцать дочерей уже родились ему отъ благословеннаго брака, но не было у него сына, и усердно молилъ онъ Господа, чтобъ даровалъ наследника роду его и всему имѣнію. Услышалъ Господь его молитву; было и чудное явленіе при рожденіи обѣтованнаго младенца: матери предстала въ сонномъ видѣніи, свѣтлая жена въ бѣлой одеждѣ, которая вручила ей дѣтиске.

Уже въ самомъ юномъ возрастѣ видно было духовное направленіе отрока, который чуждался дѣтскихъ игръ и посвящалъ дни свои богомыслию, упражняясь въ молитвѣ и постѣ. Когда достигъ возраста юношескаго родители хотѣли сочетать его бракомъ, какъ единственнаго своего наследника,

по юноша уклонился отъ брачныхъ узъ, ибо пожелалъ отречься всѣхъ прелестей міра сего, и послѣ преставленія родителей, роздалъ убогимъ все свое имущество, а самъ послѣдовалъ Христу, взявши на рамена свои крестъ Его, одушевляемый примѣрами Святыхъ, которыхъ житія съ любовію читалъ. Всѣхъ свѣтлыхъ одеждъ, облекся онъ въ рубище и скитался по египтямъ, юродствуя какъ бы одинъ изъ убогихъ. Наконецъ оставилъ родной свой городъ Смоленскъ и за пять отъ него поприщъ пострягся въ обители Богоматери, называемой Селище, гдѣ сталъ подвизаться въ иночествѣ. Мысленно обходилъ онъ всѣ свята мѣста, на коихъ пострадалъ за насъ Господь, и тѣ дальнія пустыни Египта и Палестины, гдѣ спасались великіе подвижники: Антоній и Савва, Иларіонъ и Евфимій; день и ночь читая боговдохновенныя книги Еврема и Златоуста, какъ трудолюбивая пчела собиралъ благовонный сотъ изъ ихъ богоугодныхъ писаній, для собственнаго назиданія и для душевнаго спасенія тѣхъ, которые къ нему притекали.

Игуменъ и братія, видя благочестивое житіе пирка Аврамія и много приѣмля утѣшенія отъ его бесѣды и познанія божественныхъ книгъ, при необычайномъ смиреніи, принудили его принять на себя санъ священства. Это было во дни княженія христіолюбиваго Князя Смоленскаго, Мстислава Ростиславовича, который особенно любилъ черноризцевъ. Еще болѣе воспламенилась ревность

Аврамія, съ воспріятіемъ священства; со дня своего посвященія до самой кончины, не пропустилъ онъ добровольно ни одного дня безъ совершенія божественной службы: такою искреннею любовію горѣло сердце его ко Христу Спасу. Вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ обычнаго своего подвига иноческой жизни, какъ любитель нищеты и смаренія. Видя совершенства подвижника, поднялъ на него крамолу врагъ человѣческой, возбудивъ зависть собратій, и пять лѣтъ много терпѣлъ Авраміи отъ ихъ непріязни.

Такъ какъ многіе стали приходять изъ города исповѣдывать грѣхи свои преподобному и пользоваться отъ него духовнымъ назиданіемъ, то возстали на него нѣкоторые изъ присвитеровъ города Смоленска и даже изъ числа собственныхъ его черноризцевъ, за то, что обратилъ къ себѣ весь градъ. Не имѣя чѣмъ его укорить, они вымышляли различныя клеветы, возбуждая молву людскую, и воздвигли наконецъ противъ него самого Игумена, хотя и добродѣтельнаго мужа, но неустоявшаго противъ искушеній.—«Я за тебя отвѣчаю предъ Богомъ, говорилъ онъ подвижнику, ты же для чего пріемлешь на себя неподобающее тебѣ званіе учительства и привлекаешь къ себѣ такое множество народа?»—Отъ многихъ озлобленій со стороны братіи долженъ былъ удалиться Авраміи въ Смоленскъ, и тамъ нѣкоторое время пребывалъ въ обители Честнаго Креста, но и туда было къ нему большое стеченіе народа, потому что граждане хотѣли насладиться его бого-

мудрымъ ученіемъ; врагъ же человѣческій опять сѣтовалъ, что Господь прославлялъ раба своего.— Много текло милостыни преподобному, но всю ее онъ раздавалъ сирымъ и убогимъ и употреблялъ на украшеніе той церкви, при которой жилъ. Наипаче былъ онъ искусенъ въ чтеніи и толкованіи божественныхъ книгъ, и потому всѣ слушали его въ сладость, ибо онъ умѣлъ раскрывать таинственный смыслъ святыхъ писаній. Былъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искусный иконописецъ и написалъ двѣ большія иконы Страшнаго суда и испытанія воздушныхъ мытарствъ, которыя представляя непрестанно взорамъ слушателей своихъ, напоминалъ имъ о тѣхъ страшныхъ испытаніяхъ, которыя встрѣчаютъ душу, при разлученіи отъ тѣла, и о неумытномъ судилищѣ Христовомъ, когда разгибаются книги совѣсти предъ сидящимъ на престолѣ и рѣка огненная течетъ предъ нимъ, готовая проглотить грѣшника. Великій Златоустъ и Сирянинъ Ефремъ, проповѣдники, были непрестанно на устахъ его для обличенія нераскаянныхъ.

Самъ онъ утруждалъ плоть свою чрезвычайнымъ постомъ и блѣдный ликъ его выражалъ труженіческій его подвигъ; кости его, по выраженію псаломному, ссохлись какъ сушило, и подъ его рубищемъ можно было пересчитать всѣ его составы; лице его сходно было съ образомъ Св. Василія Великаго, котораго жизни подражалъ; глава его была лишена волосъ, и черная была брада, какъ пишутъ Василія. Строго наблюдалъ онъ во

время божественной службы, чтобы никто изъ братіи въ народѣ не позволялъ себѣ бесѣдовать въ перкви, ибо почиталъ сіе за святотатство и съ особеннымъ благоговѣніемъ совершалъ божественную службу. Много испыталъ онъ искушеній демонскихъ, видимыхъ и невидимыхъ, во время своего подвига, ибо въ страшныхъ образахъ являлся ему врагъ человѣческой, думая утратить, но всегда побѣждаемъ былъ молитвою преподобнаго, ибо Господь укрѣпилъ своего угодника. Тогда не въ силахъ будучи дѣйствовать лично на святого, діаволь возбудилъ противъ него ту же клевету въ городѣ, какою уже изгналъ его однажды изъ обители. Распустилъ онъ молву по всему Смоленску, черезъ мірянъ и духовныхъ будто Аврамій проповѣдуетъ ученіе еретическое и совращаетъ юныхъ въ свое лжеученіе, ибо всѣ называютъ его пророкомъ. Молва сія дошла до самаго Епископа Смоленскаго Игнатія и возстановила его также противъ святого, и весь городъ Смоленскъ внезапно исполнился смятенія: князья, бояре и духовные возстали всѣ противъ святого мужа, совѣщаясь, что бы противъ него учинить. Нѣкоторые хотѣли сослать его въ заточеніе, иные сжечь на кострѣ, другіе же провести подъ ударами чрезъ весь градъ, сами не зная, за какую вину: но таково бываетъ обыкновенно волненіе народное.

Собралось и духовенство на дворъ Владычній и послали привести преподобнаго, какъ злодѣя,

котораго по всему торжищу осыпали поруганіями.—Тяжелъ былъ позоръ, но безмолвствоваль блаженный, ни слова не отвѣчая на всѣ укоризны, возлагая все свое упованіе на единого Бога; молился онъ на пути, не только за себя, чтобы избавиться ему отъ бѣды, но и за своихъ оскорбителей, чтобы Господь не вмѣнилъ имъ сего во грѣхъ; и такъ съ спокойнымъ духомъ предсталъ онъ на судилище во дворъ Владычній гдѣ ожидали ненавистники, готовые поглотить его.—Нѣкоко благочестивый пресвитеръ Лука, родомъ Пруссинъ, стоялъ на молитвѣ въ церкви Архангела Михаила и былъ ему гласъ отъ Господа, что угодника Божія, съ двумя учениками, хотять возвести на костеръ, онъ же да идетъ спасти невпннаго; тогда Лука поспѣшилъ на соборнище и сталъ обличать нечестивыхъ клириковъ и самаго Епископа, которые допустили поднять руки на святаго, угрожая имъ за то гнѣвомъ Божиимъ. Напрасно Князь и вельможи и клирики искали вины на праведнаго мужа, ни въ чемъ не могли обличить его и, уstraшенные обличеніемъ пресвитера Луки, наконецъ принуждены были оставить неправедный судъ, однако оставили еще Аврамія, съ двумя учениками, подъ стражею, на дворѣ Епископскомъ.

Не безъ тяжкой эпнтиміи отпустили они его, и тѣмъ излилась сердечная ихъ злоба.—Аврамій возвратился опять въ прежнюю свою обитель, гдѣ былъ постриженъ, но многіе изъ бывшихъ его

учениковъ разошлись отъ гоненій и возвратились къ прежнимъ мірскимъ дѣламъ своимъ. Тогда еще только пресвитеромъ былъ нѣкто благочестивый Лазарь, впоследствии преемникъ Игнатія, и достойный пастырь стада Христова. Чувствовалъ Лазарь, какую крамолу воздвигли на преподобнаго, и не устранился предстать Епископу Игнатію и обличить предъ нимъ всю неправду. Смирися нѣсколько Епископъ и, призвавъ всѣхъ игуменовъ и священниковъ города, строго запретилъ имъ озлоблять Аврамія, ибо тяжкое навлекъ на себя наказаніе весь городъ за осужденіе святаго мужа, какъ нѣкогда пострадалъ и царствующій градъ за осужденіе Златоуста. Епископъ говорилъ такъ, потому что не дерзалъ самъ собою снять строгое запрещеніе, которое соборно наложено было на Аврамія, чтобы не смѣлъ проповѣдовать, и никому не было позволено ходить къ нему.

Между тѣмъ тяжкія бѣды посѣщали виновный городъ, иногда засухи и бездождіе, иногда же болѣзни, смиря враждовавшихъ на святаго; поражены были смертію нѣкоторые изъ пресвитеровъ несправедно клеветавшіе на него, но не осуждалъ ихъ въ душѣ своей Аврамій, говоря: «Богъ имъ судья». Случилась наконецъ жестокая засуха, такъ что поблекли всѣ сады и нивы: сокрушался народъ отъ бездождія, подвигся весь градъ и самъ Епископъ со своимъ клиромъ обходилъ со крестами вокругъ стѣнъ и окрестныя поля, но не было облегченія въ тяжелой скорби. Тогда бла-

гочестивый Лазарь напомнилъ Епископу Игнатію, не отъ того ли Господь не слушаетъ общей молитвы, что несправедно положено запрещеніе на святаго Аврамія и лишенъ онъ священнодѣйствія. Тронулся симъ благовременнымъ напоминаніемъ Игнатій и, призвавъ къ себѣ Аврамія, еще однажды и уже безпристрастно испыталъ всѣ бывшія на него обвиненія и, убѣдившись въ его правотѣ, покаялся предъ нимъ въ винѣ своей и просилъ разрѣшить весь градъ, послушавшій лживыя на него клеветы. Онъ разрѣшилъ ему совершать литургію и просилъ умолить Господа, да ниспосылется дождь на жаждущую землю.

«Кто я грѣшнѣйшій, смиренно отвѣчалъ Аврамій, что возмалася на меня такое повелѣніе, которое свѣше моихъ силъ. Воля Божія да будетъ о всѣхъ насъ, ты же, какъ пастырь, помолись о вѣренномъ тебѣ стадѣ, да послушаетъ тебя Господь». Самъ преподобный удалился въ келью и тамъ затворясь, усердно помолился Господу, чтобы молитвами Святителя своего, всѣхъ іереевъ и народа, принялъ слезное всѣхъ воздыханіе и помиловалъ бы градъ, ради теплыхъ слезъ, и одождилъ бы лице земли, возвеселивъ челоуѣковъ и скоты. Едва произнесъ онъ сію молитву, какъ возшумѣлъ обильный дождь, освѣжившій всю землю, къ общей радости народа; и всѣ прославили Господа, послушавшаго своего угодника.

Епископъ Игнатій имѣлъ намѣреніе построить каменную церковь, въ чѣсть Ангела своего, виѣ

города, гдѣ полюбилось ему пустынное мѣсто, съ тѣмъ, чтобы устроить околоня малый монастырь; но въ послѣдствіи онъ измѣнилъ свою мысль и основалъ церковь на другомъ мѣстѣ, уже не во имя своего Ангела, но на память положенія честныя ризы Богоматери во Влахернѣ, и собралъ при ней нѣсколько братіи, которые питались милостынею Епископскою, однако никто не хотѣлъ быть Игуменомъ въ столь убогой обители. Между тѣмъ вспомнилъ Епископъ, что блаженный Аврамій скорбѣлъ иногда о удаленіи отъ города той обители, въ которой пребывалъ, не ради себя, но ради приходившихъ къ нему за совѣтами духовными.—Святитель послалъ за нимъ одного изъ своихъ пресвитеровъ, по имени Георгія пригласить его въ городъ и предложивъ ему настоятельство во вновь устроенной обители Богоматери.

Съ любовію принялъ смиренный Аврамій предложеніе пастыря и возблагодарилъ Господа, даровавшаго ему служеніе Матери Божіей. При входѣ во святія врата, возсіялъ въ сердцѣ его свѣтъ духовный, и ему мнилось видѣть предъ собою ту чудную лѣствицу, которую нѣкогда видѣлъ во снѣ Іаковъ, возводящую отъ земли на небо. Такъ вознаградила Господь долгія страданія угодника своего, и нѣкогда уничтожаемый всѣми, внезапно отъ всѣхъ прославился. Уже небоялись приходить къ нему чада его духовныя, но отовсюду толпами стекались, съ женами и дѣтьми, и сами бывшіе клеветники смиренно припадали къ ногамъ его,

прося себѣ прощенія.—Благолѣпно украсилъ преподобный домъ Пресвятыя Богородицы, какъ невѣсту, богатыми завѣсами, иконами и лампадами; многіе хотѣли постригаться подъ сѣнію его, но не всѣхъ принималъ онъ, отличая истинное усердіе приходившихъ. До семнадцати человекъ братіи собралось въ обители, которыхъ поучалъ словомъ своимъ и еще болѣе примѣромъ, и уже всѣ они были подвижники, ибо строго наблюдалъ за ними блаженный ихъ наставникъ, опытно разумѣя, что есть подвигъ черноризца?—Радовался Епископъ, что стяжалъ такого Игумена своей обители, радовался и Аврамій, что снискалъ себѣ любовь Святителя.

Въ глубокой старости преставился Епископъ Игнатій и въ часъ смертный осіялъ его чудный свѣтъ такъ, что всѣхъ предстоявшихъ объялъ страхъ и всѣ плакали о лишеніи такого Пастыря. Немного времени отавалось и блаженному Аврамію пребывать на землѣ и непрестанно поминалъ онъ о часѣ смертномъ, когда страшные Ангелы приходятъ исхитить душу, и непрестанно молилъ со слезами Господа, чтобы не постыдно предстать ему предъ страшное судилище Христово.—То же напоминалъ и чадамъ своимъ духовнымъ, прося не забывать его въ своихъ молитвахъ, послѣ преставленія.—Пятьдесятъ лѣтъ было всей жизни преподобнаго Аврамія и, послѣ краткой болѣзни, предалъ чистую душу свою Богу, котораго возлюбилъ отъ первыхъ дней своего дѣтства. Это

было 21 Августа въ послѣдней половинѣ XII вѣка.

(Изъ сборника Житій Святыхъ за Августъ, хранищагося въ Троицкой Лаврѣ № 7).

22-го, св. мученика Агаѳоника и нже съ нимъ.

23-го, св. мученика Луппа.

24-го, св. священномученика Евтихія ученика св. Іоанна Богослова.

Въ тотъ же день память преподобнаго отца Арсенія Комельскаго и перенесеніе мощей Святителя Петра, Митрополита Кіевскаго и всея Россіи чудотворца.

Ж И Т И Е

ПРЕПОДОБНАГО АРСЕНІЯ КОМЕЛЬСКАГО.

Позже всѣхъ пришелъ въ пустыню, на Комельскій лѣсъ, какъ ее тогда называли, преподобный Арсеній, заимствовавшій отъ нея также свое имя, бывшій Игуменъ лавры Сергіевой, во дни Великаго Князя Василя Іоанновича, и его обитель удержалась доселѣ, хотя существовавшія окрестъ нея уже опустѣли. Арсеній былъ уроженецъ Московскій, боярскаго рода Сухарусовыхъ, и въ юныхъ лѣтахъ постригся въ обители Пресвятыя Троицы; тамъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иночества и занимался съ усердіемъ переписываніемъ священныхъ книгъ; собственноручное его Евангеліе доселѣ осталось залогомъ его усердія въ созданной имъ обители. Снискавъ себѣ обшую любовь послушаніемъ, взошелъ онъ на степенъ начальственную, будучи избранъ Игуменомъ великой Лавры; добрый примѣръ его жизни былъ еще назидательнѣе его поучительныхъ словъ, для многочисленной братіи.

Часто посѣщаль онъ Махрицкую обитель, которая и тогда уже зависѣла отъ Лавры. Тамъ однажды, Игуменъ Иона возвѣстилъ ему свое видѣніе надъ гробомъ преподобнаго Стефана, основателя Махры: огонь, изшедшій изъ его гроба, осіялъ чуднымъ свѣтомъ мѣсто его упокоенія. Уразумѣлъ Арсеній сіе тайное указаніе божественной благодати, велѣлъ поставить гробницу надъ могилою преподобнаго Стефана и осѣнилъ ее богатымъ покровомъ; совершивъ соборно божественную службу, оставилъ онъ, чтобы съ тѣхъ поръ ежегодно чествовали память преподобнаго въ его обители.

Благовѣрный Великій Князь Василій Иоанновичъ, пришедшій на богомолье въ Лавру Сергіеву, изумился, увидя Игумена ея въ странномъ образѣ: ризы на немъ были раздранны и многошвенны. Державный спросилъ о немъ братію и братія отвѣчала: «Наставникъ нашъ, рабъ Божій, живетъ истинно по Богъ и только о томъ и мыслить, чтобы удалиться въ пустыню, ибо возлюбилъ паче всего безмолвіе.» — Огорчился Великій Князь и всѣ единодушно стали просить его, чтобы умолилъ ихъ блаженнаго учителя еще остаться съ ними, ради ихъ душевнаго спасенія. Исполнилъ ихъ усердное прошеніе Самодержецъ и убѣдилъ преподобнаго Арсенія остаться на нѣкоторое время въ обители, ибо не дерзнулъ онъ отказать столь великому просветелю; но, проживъ еще нѣсколько лѣтъ въ Лаврѣ, рѣшился наконецъ

послѣдовать давнему влеченію своего сердца. Тайно оставилъ онъ свою паству и углубился въ невѣдомыя ему дебри лѣсовъ Вологодскихъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы могъ окончательно уединиться отъ мірской молвы, далеко отъ себя отринувъ все человеческое; пламенно молилъ онъ о томъ Господа, и Господь услышалъ его молитву.

Пришелъ Арсеній на Олоновъ конецъ неизмѣримаго Комельскаго лѣса, на рѣчки Кохтышь и Лежу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ утвердилъ свое жительство преподобный Иннокентій Сорскій, и не болѣе какъ за 20 верстъ къ Югу отъ Вологды.— Болотно и непроходимо было то мѣсто, такъ что во время труднаго пути, самъ собою упалъ съ плечь труженика тяжкій деревянный крестъ, который всегда на себѣ носилъ для большаго смиренія; и въ ту же минуту лучъ небснаго свѣта осіялъ предъ нимъ темную дебрь.— Остановился преподобный и тутъ же водрузилъ крестъ свой, съ теплою молитвою къ Богу и Пречистой Дѣвѣ; тутъ утвердилъ себѣ пустынную келлію и долго боролся противъ враговъ невидимыхъ, которые насылали на него видимыхъ, въ лицѣ окрестныхъ жителей, наносившихъ ему многія скорби, такъ что даже умертвили его келейнаго старца.— Смиранный отшельникъ оставивъ на время дикій лѣсъ Комельскій, пошелъ далѣе въ Шлегодскій, на рѣчку Ингорь, гдѣ сталъ опять подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Онъ соорудилъ тамъ молитвенную храмину и къ нему начали стекаться ду-

ховные и міряне, ради пользы душевной; всѣхъ съ любовію принималъ Арсеній, поучая ихъ всѣмъ сердцемъ любить Господа, пролившаго за насъ кровь свою на крестѣ, и ближнихъ какъ самихъ себя.

Уже довольно времени подвизался тамъ Арсеній, когда нашла рать безбожныхъ Татаръ на предѣлы Вологодскіе, все предавая огню и мечу въ окрестности Комельской. Толпами бѣжали жители изъ селеній въ Шлегодскій лѣсъ, куда хотѣли проникнуть вслѣдъ за нимъ и варвары, но были удержаны молитвою челоуѣка Божія, и всѣ тѣ, которые искали себѣ убѣжища подъ его кровомъ спаслись отъ меча Татарскаго, но въ дикой пустынѣ составилось цѣлое поселеніе и уже невозможно было тамъ безмолвствовать. Тогда пришло ему на мысль идти опять въ Комельскій лѣсъ, на мѣсто перваго своего подвига, и терпѣніемъ одолѣть всѣ препоны; онъ тамъ водворился съ однимъ инокомъ, по имени Герасимомъ: уже не люди, но звѣри стали тревожить его дикое уединеніе; молитвою смирилъ преподобный суровость медвѣдей и они уступили ему свои берлоги. Арсеній сталъ разчищать лѣсъ и разводить огороды; потомъ, когда собралось къ нему довольно братія испросилъ благословеніе у Святителя Пермскаго Алексія, поставить церковь въ пустынѣ и составить обитель общежительную, во имя положенія честныя ризы Богоматери во Влахернахъ.

Это было уже въ царствованіе Іоанна Васильевича, при Митрополитѣ Іоасафѣ; бывшій Игуменъ

великой Лавры благолѣпно украсилъ и малую свою обитель, снабдивъ ее святыми иконами и книгами. Не оставилъ онъ однако и Шилегодской своей пустыни, отстоявшей за 30 верстъ отъ новаго монастыря, ибо и тамъ собралось много народа. На пути, изъ одной пустыни въ другую, имѣлъ онъ обычай бесѣдовать со всѣми, кто ему встрѣчался наставляя каждого душевному спасенію, и заходилъ дорогою въ селенія, останавливаясь тамъ даже на нѣсколько дней, чтобы наказать словомъ простыхъ людей. Если замѣчалъ что кто-либо трудится въ полѣ, во дни церковныхъ торжествъ, строго запрещалъ такое нарушеніе благочинія, и когда однажды ослушались его поселяне, внезапно поднявшійся вѣтеръ разметалъ всѣ ихъ снопы. Останавливаясь въ убогихъ избахъ, не позволялъ онъ, чтобы для него готовили особую пищу, довольствуясь тѣмъ, что находилъ, и укорилъ однажды ученика своего, который, думая угодить ему, самъ изготовилъ для него пищу въ чужомъ домѣ, какъ бы отъ лица хозяина; прозорливый обличилъ неправду его и челоуѣкоугодливость.

Послѣ долгихъ лѣтъ жительства въ пустынѣ, въ Комельскомъ лѣсу и въ Шилегодскомъ, почувствовалъ преподобный изнеможеніе тѣлесныхъ силъ своихъ и близкую кончину; онъ собралъ братію заповѣдалъ имъ взаимную любовь и храненіе уставовъ церковныхъ и монастырскихъ, и съ теплою молитвою пріобщившись Св. Тайнъ, предалъ душу

свою Богу (24 Августа 1550 года), котораго возлюбилъ отъ юности своей. Братія съ плачемъ погребли блаженнаго отца своего, близъ олтаря построенной имъ церкви Богоматери, и многія исцѣленія надъ его гробомъ ознаменовали его святость. Къ сожалѣнію, подробное описаніе житія его сгорѣло въ 1596 году, вмѣстѣ съ церковью преподобнаго Сергія, которую, онъ самъ началъ строить, и сохранилось одно только устное о немъ преданіе, записанное братією; но и сего достаточно было для прославленія угодника Божія, который оставилъ по себѣ благую память въ лѣсахъ комельскихъ. — Сто лѣтъ послѣ его кончины, сооружена была каменная церковь Игуменомъ Іоасафомъ, съ предѣлами во имя Св. Сергія и самаго преподобнаго Арсенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ почиваетъ.

(Изъ Сборника Житій Святыхъ Вологодскихъ в Библіотекѣ Графа Уварова, бывшей Царскаго).

ПЕРЕНОСЕНІЕ МОЩЕЙ

СВЯТИТЕЛЯ ПЕТРА МИТРОПОЛИТА.

Протекло около полутора вѣка послѣ преставленія великаго Святителя Петра, когда благовѣрный Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ посовѣтовалъ духовно съ отцемъ своимъ Митрополитомъ Филиппомъ воздвигнуть во славу Матери Божіей честнаго Ея Успенія, обширную каменную церковь вокругъ обветшавшей уже деревянной церкви, сооруженной Святителемъ Петромъ, гдѣ покоилась честныя его мощи. Но зодчій, коему поручено было великое дѣло сіе колебался сомнѣніемъ, какъ можно разрушить церковь, созданную руками самаго Святителя, чтобы вмѣсто благословенія не навлечь на себя негодованія Святаго. Заснулъ онъ, съ сею благоговѣйною мыслию, и въ слѣдующую ночь явился ему Святитель, успокоившій его тѣмъ, что такъ угодно судьбамъ Божіимъ. Тогда онъ съ бѣльшимъ дерзновеніемъ приступилъ къ дѣлу, возвѣстивъ о томъ Князю и Митрополиту.

Уже болѣе какъ на сажень въ вышину выведены были стѣны вокругъ ветхой церкви, когда стали разбирать обветшавшее святилище до самаго того мѣста, гдѣ почивали три Иерарха богохранимаго града Москвы: блаженные Кипріанъ и Фотій и не за долго предъ симъ свято почившій Іона Митрополитъ, уподобившійся добродѣтелями древнимъ отцамъ и проявившій святость свою многими знаменіями, о коихъ повѣствуется въ житіи его.

Настало время перенести самыя мощи Святителя Петра на приготовленное для него мѣсто, и собралъ для сего торжества преемникъ его Филиппъ Митрополитъ бывшихъ при немъ Епископовъ и весь клиръ въ новоустрояемый соборъ. Со страхомъ и любовію проливая слезы, открыли чудотворный гробъ, изъ котораго истекало вѣрнымъ столько исцѣленій душевныхъ и тѣлесныхъ, и пролилось отъ него чудное благоуханіе; нетлѣнны были самыя мощи, но гробъ весь развалился отъ огня. Преданіе гласитъ, что когда злочестивый Царь Тохтамышъ обманомъ взялъ престольный градъ и расхищаль все храмы, пожелалъ онъ на богато украшенную гробницу Святителя Петра, надѣясь обрѣсти въ ней много золота, но обманутый въ своей надеждѣ предалъ ее огню; святые же мощи, благодатію Божіею, укрылись отъ нечестивыхъ взоровъ; сохранился и самый покровъ надъ ними и ризы Святителя неопалимыми, дабы чрезъ сіе уразумѣли, что прославляетъ Господь своихъ угодни-

ковъ. Съ великою честью переложены были въ новую раку священныя мощи и поставлены временно въ новой церкви, гдѣ находились и мощи Святителя Іоны. Самъ Великій Князь, съ сыномъ своимъ Іоанномъ и братьями, поднялъ своими руками священную раку, съ сонмомъ Епископовъ, покоряя ему державную свою власть, при всенародномъ множествѣ, и кто каменосердый не проливалъ слезы отъ умиленія видя такую любовь Державнаго и всего православнаго народа къ Святителю! всѣ стремились прикоснуться къ святымъ мощамъ и многіе воспріяли исцѣленіе отъ своихъ недуговъ. Перваго Іюля совершилось сіе первое перенесеніе чудотворцевъ Петра и Іоны и день сей ознаменовался торжествомъ Церкви Русской; благоговѣйные же люди, въ часъ перенесенія, просвѣщеннымъ окомъ видѣли бѣлаго голубя, парящаго надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должны были положиться чудотворныя мощи, въ знаменіе божественной благодати, почіющей надъ великимъ угодиномъ Божиимъ.

Немного времени спустя пришла вѣсть о нашествіи невѣрнаго Царя Ахмета, съ безчисленною ордою, на Русскіе предѣлы, и смутился Великій Князь, со всѣмъ православнымъ народомъ; но не оскудѣла вѣра его къ великимъ заступникамъ земли Русской. Державный возсылалъ молебныя гласы къ Святителю Петру, какъ бы къ живому, умоляя его, чтобы не презрѣлъ достоинства своего и не предалъ всего православія въ

попраніе врагамъ, но измѣнилъ бы посѣтившую скорбь на радость, ибо наступило то время, когда предстоя у Божія престола, могъ онъ умо- лить о грѣшныхъ рабахъ своихъ, чтобы дарова- на была побѣда надъ невѣрными. Съ такою мо- литвою вышелъ изъ храма, отъ раки Святителя благовѣрный Князь и, собравъ много воинства, двинулся къ рѣкѣ Окѣ, которая слыла въ народѣ поясомъ Богоматери, ибо не разъ уже ограждала землю Русскую отъ нашествія невѣрныхъ. Тамъ совершилось дивное знаменіе милости Божіей, ибо молитвами Богородицы и великихъ Іерарховъ Пет- ра, Алексія и Іоны, ужасъ объялъ варваровъ; безъ боя бѣжали несмѣтныя ихъ полчища, при одномъ воззрѣніи на полки Христіанскіе. Такимъ образомъ, безъ крови, возвратился съ свѣтлою по- бѣдою Великій Князь и, припадши съ благодар- нымъ сердцемъ къ ракѣ Святителя Петра, про- лилъ предъ нимъ теплыя молитвы за спасеніе зем- ли Русской.

Неудачно было однако первое строеніе церкви соборной, ибо три года спустя она внезапно упала. Святитель Филиппъ удалился еще прежде сего печальнаго событія на покой въ Чудовъ мона- стырь и тамъ скончался; на его мѣсто возведенъ былъ Епископъ Коломенскій Геронтій. При немъ совершилось паденіе храма 20 Мая 1573 года, но никто не погибъ, ибо оно случилось ночью. Огорчился Самодержецъ, вмѣшавшій великое усер- діе къ строенію сего храма; онъ послалъ искать

опытныхъ зодчихъ въ чужіе края и знаменитый Флорентинець Аристотель вызванъ былъ въ Москву для сооруженія соборнаго храма. Онъ воздвигъ то благолѣпное святилище, которому и донынѣ удивляются, ибо, по выраженію лѣтописи, оно само всѣмъ проявляетъ красоту свою и паче всякой трубы гласать о своемъ величїи. 12 Августа 1579 года совершилось торжественное освященіе церкви Успенія Богоматери, а чрезъ двѣнадцать дней, Августа 24-го при собранїи всѣхъ Епископовъ и Князей, съ великою честью перенесены были въ новый храмъ мощи Святителя Петра и поставлены подъ богатою сѣнію на томъ мѣстѣ, гдѣ понынѣ почиваютъ въ придѣлѣ Верховныхъ Апостоловъ; тогда опять святость угодника Божїа ознаменовалась многими исцѣленіями. Съ тѣхъ поръ уставлено было Церковью ежегодно праздновать 24-е Августа, день перенесенія мощей Святителя и Чудотворца Петра.

(Извлечено изъ Сборника житїи Святыхъ Троицкой Лавры за Августъ, № 7).

25-го Августа, возвращеніе мощей св. Апостола Варѣоломея и память св. Апостола Тита.

26-го, святыхъ мученикъ Адріана и Наталїи и праздникъ Срѣтенія св. иконы Владимірскїя.

27-го, преподобнаго отца нашего Пимена; въ этотъ же день святыхъ: священномученика Кукши и Пимена постника, Печерскихъ.

ПРЕПОДОБНЫЕ ПЕЧЕРСКИЕ КУКША И ПИМЕНЬ.

Не подобаетъ говорить много тамъ, гдѣ самыя дѣла свидѣтельствуютъ ясно: такъ выражается о сихъ блаженныхъ Патерпкѣ Печерскій. Священномученикъ Кукша былъ одинъ изъ иноковъ обители Печерской, всѣми знаемый по своей ревности къ Церкви, пбо онъ былъ Апостоломъ Вятчанъ, помраченныхъ тьмою невѣрія, и многихъ просвѣтилъ таинствомъ крещенія. Во время проповѣди своей творилъ многія знаменія, которыя привлекали къ нему грубыхъ еще язычниковъ, изумленныхъ чудною его силою; благовѣстникъ испросилъ имъ дождь съ неба, заключеннаго засухою, какъ во дни Иліи пророка, изсушилъ воды озера, затоплявшаго ихъ нивы и, сокрушая кумиры, прогналъ полчища бѣсовскія, которыя гнѣздились въ требищахъ полуночнаго края. Такъ далеко простеръ онъ свою проповѣдь, еще въ началѣ XI вѣка, куда впоследствии, по стопамъ его, шелъ великій Апостолъ Пермь Стефанъ, довершившій просвѣщеніе края въ XIV столѣтіи. Много претерпѣлъ истязаній отъ невѣрныхъ преподобный

Кукша и наконецъ мучениски скончался за проповѣдь Евангельскую. Онъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, котораго имя неизвѣстно, былъ усѣченъ мечемъ, Августа въ 27 день.

Въ то время обиталъ въ обители Печерской блаженный Пимень, прозванный постникомъ, по чрезвычайному своему пощенію, который, ради великаго своего подвига, сподобленъ былъ отъ Бога богатнымъ даромъ исцѣленій и чудною прозорливостію, ибо видѣлъ грядущее и далеко бывшее, какъ бы предъ своими глазами, и тайные помысли были ему открыты. Многихъ исцѣлялъ онъ, многимъ пророчествовалъ и за два года предсказалъ собственное свое отшествіе къ Господу. Прозрѣлъ онъ и мученическую кончину блаженнаго Кукши на столь далекомъ разстояніи отъ обители Печерской, и возгласилъ однажды посреди соборнаго храма: «Братъ нашъ, Кукша, въ день сей на разсвѣтѣ, убіенъ былъ отъ невѣрныхъ». — Въ тотъ же день скончался и самъ блаженный Пимень постникъ, воспріавъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ и священномученикомъ, достойную мзду на небесахъ.

(Изъ Патерика Печерскаго).

28-го Августа, Преподобнаго отца нашего Моисея Мурина.

Въ тотъ же день совершается память преподобнаго Саввы Крыпецкаго, чудотворца Псковскаго.— Лавра же Печерская избрала день сей для празднованія всему собору чудныхъ своихъ отшельниковъ и затворниковъ, которымъ воспѣваетъ въ гимнахъ церковныхъ:

«Постники богомудрые, васъ не потаила земля, ибо Богъ изъявилъ васъ во всѣхъ концахъ вселенной, чудеса изливающихъ и муро исцѣленій точащихъ».

«Христоролюбивый градъ Кіевъ, въ Бозѣ ликуй веселися, содержа какъ многоцѣнное сокровище гражданъ твоихъ въ нѣдрахъ своихъ, святыхъ постниковъ и мучениковъ».

«Пещерою разбойниковъ сотворилъ нѣкогда святилище народъ Израильскій; постники же самыя обиталища разбойниковъ обратили въ храмы Божіи».

Ж И Т І Е

ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ КРЫПЕЦКАГО, ПСКОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Нѣкто благоговѣйный пресвитеръ Василій написалъ житіе сего преподобнаго Саввы, въ царствованіе Іоанна Васильевича. Въ чуждыхъ странахъ родился и воспитался Савва, и неизвѣстно, кто были его родители и гдѣ постриженъ, ибо съ тѣхъ поръ протекло уже много лѣтъ, говорить писатель житія. Нѣкоторые полагаютъ, что пришелъ онъ изъ Сербской земли въ богохранимый градъ Псковъ, другіе же, что отъ горы Аѳонской, какъ нѣкогда Авраамъ изъ Месопотаміи, изъ земли отцевъ своихъ въ землю ему обѣтованную. Сперва поселился онъ въ обители Рождества Богоматери, называемой Святая гора, за три версты отъ Пскова, гдѣ былъ съ любовію принятъ Игуменомъ и братією; спустя же нѣсколько времени, удаллся въ болѣе уединенное мѣсто, на рѣку Толгу, въ лавру преподобнаго Ефросіва, который встрѣ-

тиль его съ духовною радостію, какъ посланнаго отъ самого Господа, ибо провидѣль въ немъ сосудъ, избранный Святому Духу.

По благословенію отца своего, тщательно исполнялъ Савва всѣ поручаемыя ему монастырскія службы и никогда не отступалъ отъ правила церковнаго, ни отъ заповѣди блаженнаго наставника, который, видя строгое его житіе, непрестанно благодарилъ за него Бога. Тогда возгорѣлось въ Саввѣ пламенное желаніе послужить единому Богу въ безмолвіи пустынномъ и припавши къ стопамъ преподобнаго Евфросина, онъ открылъ ему свой тайный помыслъ идти работать Господу въ пустынь.— Зная духовную его крѣпость, не усумнился отпустить Савву настоятель и сказалъ ему: «Иди съ миромъ, чадо, избранникъ Христовъ, ибо онъ призвалъ тебя отъ міра сего въ иноческое пребываніе; Богъ да будетъ съ тобою и Пречистая Богородица да сохранитъ тебя отъ всѣхъ сѣтей дьявольскихъ; поревнуй житію святымъ великихъ отцевъ, послѣдуи стопамъ ихъ Владыки, взявъ на рамена свои крестъ, чтобы достойно назваться его ученикомъ, и всегда имѣй на устахъ своихъ молитву, въ бдѣніи, постѣ и самовольной нищетѣ, поучай слѣдовать по стопамъ нашего Спаса». Какъ земля плодородная, со слезами принималъ въ сердцѣ своемъ посѣянное учителемъ блаженный Савва, и во сто кратъ принесъ плодъ, послуживъ ко спасенію многихъ.

Не далеко однако отошелъ онъ отъ лавры Св.

Евѣроспна, обрѣтши за 15 версть отъ нея непроходимое мѣсто, обитаемое только звѣрями, небольшою холмъ обращенный къ востоку и при немъ малое озеро, обильное рыбою.— Тутъ вселился Савва, поставивъ на холмъ хижину, и началъ трудолюбиво подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Пищею его были только хлѣбъ и вода. Но и то вкушалъ по немногу и къ вечеру, тѣлеснаго ради изнеможенія: въ среду же и пяткъ вовсе пребывалъ безъ пищи. Не оставался онъ празднымъ въ теченіи дня, воздѣлывая землю, чтобы питаться своими руками. Устрашились лукавые демоны, чтобы не изгналъ ихъ отъ мѣста сего, и покушались изгнать его страшными привидѣніями, но сна Божія помогала ему и знаменіемъ крестнымъ отгонялъ ихъ.— Утвердившись на пустынномъ холмѣ, соорудилъ онъ небольшую церковь во имя Св. Евангелиста Іоанна Богослова, ибо начали уже стекаться къ нему ученики, привлекаемые молвою о святой его жизни, изъ Пскова и окрестныхъ мѣстъ. Имя блаженнаго Саввы было во всѣхъ устахъ: одни восхваляли его высокое смиреніе и нестяжательный нравъ и трудолюбивый подвигъ, другихъ же привлекала къ нему сладость его ученія, и такъ собрались къ нему на сожительство шноки.

Всѣхъ съ любовію принималъ преподобный Савва, какъ достойный ученикъ учителя своего Христа. Князья, посадники, бояре и благочестивые люди города Пскова стали приходить къ нему за духов-

нымъ совѣтомъ и всѣхъ отпускалъ онъ съ назиданіемъ, поучая ихъ воздерживаться отъ лѣности и неправды, отъ зависти и клеветы, и пребывать въ чистотѣ, тѣлесной, по слову Апостола: «что всякой грѣхъ есть виѣ нашего тѣла, блудникъ же грѣшитъ противъ своего тѣла», (1 Кор. VII.) и потому всѣ нечисто живущіе, если не покаются, осуждены будутъ на вѣчныя муки.— Наипаче заповѣдывалъ онъ всѣмъ любовь и братолюбіе искреннее между собою, ибо, по выраженію Апостольскому, любовь милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется же истинѣ, все любить, всему вѣру емлетъ, всего надѣется, все терпитъ, любовь никогда не престааетъ. (Кор. XIII).

Богатыхъ поучалъ онъ милостынѣ, напоминая имъ сказанное въ писаніи, что домъ милостивыхъ не оскудѣетъ; судьямъ внушалъ праведный судъ, чтобы не обижали братіи, ибо они имѣютъ Судію на небесахъ, и тою же мѣрою возмѣрится имъ; такимъ образомъ устроялъ спасеніе многихъ душъ и нѣкоторые изъ приходившихъ къ нему не хотѣли болѣе возвращаться въ міръ, но постригались отъ руки его въ Ангельскій образъ. Посадники же и бояре начали давать имуществва для сооруженія обители. Блаженный, не желая самъ начальствовать, поставилъ въ новоустроляемой обители своей Игумена, по имени Кассіана, и устроилъ въ ней общее житіе, не позволяя ничего называть

свопмъ, если кто что и привезъ отъ своего имѣнія въ домъ Іоанна Богослова. Въ келліи у самаго Саввы ничего не обрѣталось, кромѣ иконы Господа Іисуса и пречистой его Матери; убогой мантии, рогозины, на которой ложился для краткаго покоя, и такой же нестяжательности научалъ онъ^{мнѣ} братію, чтобы келлія всегда была открыта и ничего въ ней не было.

Часто напоминалъ онъ имъ слова Евангелиста, подъ сѣнь коего собраны въ обитель, чтобы не любилъ міра ни того, что въ мірѣ, ибо переходитъ образъ міра, сего, и вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ мудрствовать вышнее, ибо умерли уже со Христомъ и жизнь ихъ сокрыта во Христѣ; часто приводилъ Савва братіи и совѣты пшоческіе великаго Пелусіота, «для чего мы называемъ отцами прежде насъ бывшихъ черноризцевъ? если сами не хотимъ, какъ истинные сыны ихъ, послѣдовать отеческимъ ихъ правамъ и украшаться ихъ обычаями, не могутъ быть намъ отцами тѣ, которыхъ правамъ не подражаемъ. Поревнуемъ братіе житію отецъ нашихъ, которые, окрылившись любовію къ Богу, отлетѣли отъ видимаго, свѣше всего земнаго, чтобы вкусить сладости небесной, безломовные, безгнѣмные, въ пустыняхъ и разсѣлинахъ земныхъ плоть свою покорившіе духу и уже на землѣ явившіе себя не человеками, но Ангелами, чтобы вмѣстѣ съ ними прославиться на небесахъ».

Благовѣрный князь Псковскій Ярославъ Василье-

вичъ, нареченный Савостьянъ, еще при жизни преподобнаго Саввы, имѣлъ къ нему великую вѣру, много подавая милостыни на сооруженіе обителя Евангелиста Іоанна, и еженедѣльно прѣѣзжалъ туда ко всемогущему бдѣнію, чтобы насладиться потомъ духовною бесѣдою старца. Однажды Савва въ духѣ прозорливости послалъ ему на встрѣчу ученика своего съ такимъ словомъ: «Старецъ грѣшный Савва говоритъ тебѣ, Князь, да не взойдешь съ Княгинею твоею въ обитель, ибо у насъ, по преданію святыхъ отецъ, не дозволено женамъ входить въ обители иноческія; если же преступишь заповѣдь, Княгиня твоя не получитъ отъ Бога исцѣленія своей болѣзни». Смиренно повиновался Князь и одинъ пришелъ въ монастырь, просить прощенія у старца въ виѣхъ своей, по невѣдѣнію заповѣди. Разрѣшивъ Князя отъ невольнаго грѣха, старецъ вышелъ за врата съ братією и тамъ благословивъ Княгиню, отслуживъ для нея молебень, съ водоосвященіемъ. Смиренно припала она къ ногамъ святаго старца и, при окропленіи святою водою, получила исцѣленіе отъ своей болѣзни. Въ благодарность за исцѣленіе супруги, Князь Ярославъ поставилъ длинный деревянный мостъ черезъ пространное болото, окружавшее монастырь и мостъ сей доселѣ называется его именемъ; сверхъ того укрѣпилъ онъ монастырю богатую волость, на вѣчѣ, съ согласія посадниковъ, бояръ и народа, по благословенію всѣхъ соборовъ Богоспасаемаго города Пскова.

Многіе годы проведя въ строгомъ житіи, достигъ преподобный Савва старости маститой и впалъ наконецъ въ тяжкую болѣзнь. — Чувствуя скорое разрѣшеніе отъ узъ земныхъ, призвалъ онъ всю братію и поучилъ послѣдній разъ свято соблюдать иноческіе обѣты. Обитель свою поручилъ онъ Игумену Кассіану, старцу Евфимію и діакону Герасиму, изъ числа старшей братіи, съ которыми долго подвизался и, приобщившись Божественныхъ Тайнъ въ мирѣ отошелъ къ Господу, въ 1495 году, Августа въ 1 день; но память его совершается Августа 28-го, въ день обрѣтенія святыхъ его мощей. Съ великимъ плачемъ погребля его ученики по правую сторону созданной имъ церкви Іоанна Богослова, в многія исцѣленія начали истекать отъ его гроба всѣмъ приходившимъ къ нему съ вѣрою.

ОБРЕТЕНІЕ МОЩЕЙ И ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ.

Протекло уже 60 лѣтъ послѣ его представленія, когда пришло на мысль Игумену Феоктисту соорудить каменную церковь Евангелиста на мѣсто деревянной, надъ гробницею же преподобнаго поставить придѣль во имя святителя Сербскаго Саввы, коего имя онъ посиль, такъ какъ и подъ ветхою церковію существовалъ придѣль сей. Игумень открылъ намѣреніе свое старшей братіи и, съ общаго согласія, всѣ усердно приступили къ дѣлу; разобрали церковь и ветхую гробницу преподобнаго и начали копать рвы для основанія каменной церкви, въ которыхъ нашли много костей человѣческихъ, но ничего не обрѣли въ самой гробницѣ и много о томъ скорѣли. Это было въ 1547 году, на самый праздникъ великомученика Георгія; въ тотъ день постриженникъ обители, пресвитеръ Исаія, служившій божественную литургію, послѣ трапезы, удался на покой въ свою келлію: ему представилось въ сонномъ видѣніи, что три черноризца Патермуѳій, Давилъ и Власій, ходятъ съ заступами по монастырю, и раскапывая гробы, повсюду ищутъ мощей начальника обители.—Не далеко отъ того мѣста гдѣ была старая гробница, нашли они ближе къ церкви дубовый гробъ и въ немъ мощи, но не узнали въ нихъ преподобнаго и опять закрыли гробъ.—Тогда, невидимою силою, самъ собою

онъ открылся и былъ изъ него голосъ: «братія, кого ищете?»—ужасъ объялъ ихъ, едва могли они отвѣчать: «ищемъ отца Саввы, строителя сей обители».—Тогда воставъ изъ гроба, сѣлъ на немъ нѣкій старецъ и, показывая рукою на свои перси, сказалъ: «я многогрѣшный старецъ Савва, начальникъ сей обители, который много подъялъ напастей на мѣстѣ семъ отъ бѣсовъ и злыхъ человѣковъ Господа ради; нынѣ же настало время, чтобы явились мощи мои предъ всѣми человѣками, ибо такъ соизволилъ Господь».

Преподобный казался высокъ ростомъ, брада его была сѣдая какъ снѣгъ, густая и широкая, но не длинна. Спящему иноку продолжалось видѣніе, будто самъ Игумень Феоктистъ съ братією пришли принять благословеніе святаго, и Савва, благословляя ихъ, далъ имъ три ягоды, говоря: «возмите отъ руки моея труды плодовъ моихъ духовныхъ на посѣщеніе мѣсту сему; самъ я принялъ сіи три ягоды отъ руки Вседержителя Бога, во имя Пресвѣтыя Троицы, ибо услышалъ Богъ мою молитву. Отсебѣ да будетъ вамъ разумно, братія, что не оскудѣетъ обитель сія, но исполнена будетъ духовныхъ и тѣлесныхъ благъ, ибо я непрестанно молю о ней Господа, Пречистую Его Матерь и Св. Евангелиста Іоанна». Сказавъ сіе, благословилъ опять всю братію и возлегъ во гробъ.

Проснулся инокъ отъ чуднаго видѣнія и поспѣшилъ возвѣстять о томъ Игумену, который при-

шелъ съ великою вѣрою на мѣсто указанное во снѣ пресвитеру Исаиц. Раскопавъ землю обрѣли большой дубовый гробъ; доски его полупотлѣли, кромѣ нижней, на которой покоились святые его мощи въ совершенномъ нетлѣннѣ, отъ коихъ истекало чудное благовоиѣ. Прославляя милость Божію и новоявленнаго чудотворца, переложили священные его останки въ новую раку, обломки же старой раздавали благоговѣйнымъ поклонникамъ, для исцѣленія ихъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Пришли однажды ночью разбойники къ обители, съ намѣреніемъ ее ограбить. Старѣйшина ихъ Евсевій, оставивъ дружину свою не вдалекѣ, самъ приблизился ко вратамъ и увидѣлъ множество невѣдомыхъ ему людей, ходившихъ по монастырю съ фонарями.—Со страхомъ послѣдшилъ онъ объявить о томъ дружинѣ, которая устремилась въ бѣгство; разбойникамъ казалось, что много народа гонится за ними и впереди всѣхъ святолюбивый старецъ, украшенный сбдиами съ жезломъ въ рукахъ, который грозилъ разбойникамъ, какъ дерзнули они грабить монастырь, и велѣлъ покаяться, если не хотятъ погибнуть.—На другой день, нѣкоторые изъ числа ихъ пришли въ обитель и спрашивали: кто были вооруженные люди, ходившіе ночью съ фонарями по монастырю?—«Изумлился они, услышавъ, что никого не было, и пришли покаяться въ винѣ своей Игумену; начальникъ же ихъ Евсевій постригся въ обители преподобнаго Саввы.

Сынъ боярскій Василій Инкинъ жилъ недалеко отъ монастыря, въ селеніи Черемпса, и отъ нетрезвой жизни лишился разсудка. Ночью представлялись ему страшныя грезы, такъ что бѣжалъ изъ дома своего въ лѣсъ, и слуги за нимъ погнавшіеся не могли его достигнуть. Во мракѣ ночи и въ чащѣ лѣса слышался ему страшный трескъ и голосъ, зовущій его въ обитель преподобнаго Саввы: съ воплемъ устремился онъ ко вратамъ, усиливаясь сломать ихъ; привратники вооружились, опасаясь нападенія стъ разбойника. Когда же увидѣли одного бѣснумаго сына боярскаго, повели его въ церковь, гдѣ братія стали пѣть молебень, но онъ не утихалъ, и даже оторвалъ привѣску отъ иконы Евангелиста; тогда Игумень велѣлъ связать его. Не много времени спустя началъ успокоиваться бѣснумый, и просилъ, чтобы привели его на гробницу преподобнаго Саввы; когда же далъ ему вкусить персти отъ гроба его въ освященной водѣ, исцѣлился отъ своего недуга. Также исцѣлился и другой бѣснумый Никита, который, въ порывѣ ярости, расторгалъ на себѣ даже желѣзныя оковы и силою привлечень былъ въ обитель.

Нѣкто Клементій Титовъ, изъ богатыхъ купцовъ города Пскова, имѣлъ большую вѣру къ чудотворцу и много жертвовалъ на сооруженіе обители. Во время смертоноснаго повѣтрія, опустошившаго Новгородъ и Псковъ, заболѣлъ и сей Клементій. Глубокая язва открылась въ гортани и

душила его: никто не надѣялся видѣть его исцѣленнымъ и приготовляли нужное къ погребенію, но сродники послали въ обитель Крыпецкую къ Игумену Іосифу просить, чтобы помолился о болящемъ. Игумень, послѣ молебна надъ гробомъ Св. Саввы, отпустилъ нѣсколько земли изъ его могилы, съ двумя иноками, которые поспѣшили на коняхъ къ болящему и уже застали его при послѣднемъ издыханіи; но какъ только вкусплъ онъ освященной воды съ сею перстію, внезапно проговорилъ и возсталъ отъ смертнаго одра.

Старець Патермуѡй, просфорникъ обители, страдалъ долгое время лихорадкою и совершенно изнемогъ отъ болѣзни. Онъ просилъ брата своего Данила принести ему святой воды смѣшанной съ перстію отъ гроба Св. Саввы, но не пособило это спасительное для другихъ средство и въ огорченіи сердечномъ воскликнулъ старецъ: «Святче Божій, то ли тебѣ угодно, чтобы не исцѣлиться мнѣ отъ лютыи болѣзни, когда имѣешь власть отъ Бога отгонять различные недуги? Помани, что уже 20 лѣтъ неисходно тружусь я для твоей обители, всегда ходя мимо твоего гроба и поминая имя твое святое; помилуй меня и исцѣли». Послѣ сей слезной молитвы, впалъ онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ теплаго заступника и посѣтителя болящихъ Святаго Савву, который говорилъ ему: «за чѣмъ утруждаешь меня и не даешь покоя» и, взявъ инока за главу, произнесъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, буди здоровъ

и спас душу свою». Даниилъ, возвратясь въ келію, нашелъ болящаго брата, какъ бы спящаго крѣпкимъ сномъ, и когда проснулся, почувствовалъ себя совершенно исцѣленнымъ.

Стражъ церковный Василій, служившій въ Псковѣ при церкви Св. Безребренниковъ, впалъ въ совершенное расслабленіе, и уже отчаявались въ его жизни.—Случилось старцу Даниилу, изъ обители преподобнаго Саввы, посѣтить болящаго, которому рассказалъ о многихъ исцѣленіяхъ, истекавшихъ отъ раки Святаго. Сродники больного просили старца принести имъ освященной персти отъ гроба Св. Саввы и, какъ только вкусилъ расслабленный воды, въ которой смѣшана была сія персть, внезапно возсталъ съ одра болѣзни и самъ могъ придти въ обитель преподобнаго, чтобы принести благодареніе угоднику Божию.

Въ самой обители Крыпецкой, при Игуменѣ Антоніѣ, былъ служитель Іоаннъ, прозваніемъ Дойня, страдавшій жестокою огневницею, и немилостиво оставленный всею братіею, но не оставилъ его чадолюбивый Савва. Болящій услышалъ голосъ внушавшій ему идти ко гробу преподобнаго, и когда, припавши къ священной ракѣ, призвалъ онъ имя его, явился высокій свѣтлый старецъ, съ широкою сѣдою бородою, который, взявъ его за голову, крестообразно потрясъ и сказалъ: «Іоаннъ, отсель буди здоровъ и служи въ обители моей вѣрно, да не горше тебѣ что будетъ.» — Больному казалось отъ жестокой боли, что вся кожа сошла

съ него отъ головы до ногъ, но эта послѣдняя боль была знаменіемъ исцѣленія, о которомъ поспѣшилъ извѣстить Игумена и братію.

Игумень Спасомирожскаго монастыря Іоаннѣиіи впалъ въ тяжкую болѣзнь и не могъ двануться съ одра своего, но все терпѣлъ съ благодареніемъ Господа ради. Слышалъ онъ о многихъ чудесахъ первоначальника Крыпецкой обители Саввы и съ великою къ нему вѣрою послалъ діакона своего Игнатія принести немного персти отъ мощей святаго. Съ благоговѣніемъ получивъ желасмое, всыпалъ онъ персть въ освященную воду и съ сердечнымъ умиленіемъ произнесъ: «Господи, Іисусе Христе, молитвами отца нашего Саввы чудотворца, помилуй меня грѣшнаго и исцѣли отъ лютой болѣзни!» и болѣзнь миновалась, какъ только вкусилъ воды сей.

Поселянинъ монастырскій Андрей Михновъ, отъ глубокой язвы, имѣлъ скорченную ногу и долгое время ходилъ на деревянной опорѣ. Старецъ Крыпецкой обители Іона убѣдилъ болящаго идти помолиться на гробъ чудотворца; тамъ внезапно претерлась больная нога его, какъ здоровая, и безъ всякой помощи возвратился онъ домой.

Много было иныхъ подобныхъ исцѣленій отъ различныхъ недуговъ, окрестнымъ поселянамъ и гражданамъ Псковскимъ всякаго званія, ни чѣмъ инымъ, какъ перстію отъ гроба Преподобнаго, смѣшанною съ освященною водою, если только съ вѣрою ее принимали, даже и не проходя, по не-

моция, въ обитель Св. Саввы. Имена исцѣленныхъ и самыя чудеса записаны были благочестивыми иноками при гробѣ святаго и между исцѣленными, въ числѣ знаменитыхъ, стоитъ Князь Даніилъ Бабичевъ, родомъ изъ Великаго Новгорода, испытавшій также надъ собою благодѣяніе Св. Саввы.

Когда, во дни Царя Іоанна Васильевича, Король Польскій подступилъ съ сильною ратью ко Пскову, то изъ всѣхъ окрестныхъ монастырей иноки бѣжали отъ страха въ укрѣпленный городъ, но въ обители Крыпецкой Евангелиста остался одинъ изъ братіи, по имени Іоаннъ. Онъ разсказывалъ, что Литовцы много разъ подходили къ обители и хотѣли зажечь келліи и церковь, но благодатію Божіею по молитвѣ чудотворца, не могли. Пришли однажды три ротмистра, съ дружиною своею, чтобы окончательно раззорить монастырь, но имъ было страшное видѣніе: они увидѣли война, идущаго съ востока, во всеоружіи, отъ заднихъ воротъ прямо къ церкви Божьего слова, изъ которой вышелъ на встрѣчу ему другой вооруженный воинъ; оба пошли къ гробницѣ преподобнаго Саввы, откуда явился третій ратникъ съ оружіемъ. Внезапно отовсюду предстало множество вооруженныхъ, исходившихъ изъ церквей, келлій и гробницъ и наполнился ими весь дворъ монастырскій. Съ ужасомъ смотрѣли Литовцы сквозь святаго врата на сіе чудное явленіе, и въ страхъ разсѣялись по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ. На третій только день могли они, раз-

ными путями, собраться въ станъ свой и повѣдали королю своему, что великая рать Московская стоитъ въ обители Крыпецкой. Напрасно однако дспытывали о ней плѣнныхъ, пойманныхъ въ окрестности обители; всѣ единодушно свидѣтельствовали, что нѣтъ тамъ ни единого ратника. Король пораженный чудомъ, запретилъ волнамъ своимъ приближаться къ обители и наносить ей малѣйшую обиду, ибо уразумѣлъ, что не просто мѣсто сіе, но что кто-либо изъ угодниковъ Божіихъ ограждаетъ его своимъ присутвіемъ. Король велѣлъ отпустить и плѣнныхъ, которые, пришедши въ Псковъ, рассказали о чудномъ событіи.—Тогда Игумень съ братією возвратились въ обитель и, увидѣвъ ее совершенно цѣлою, съ духовною радостию воспѣли молебень Пресвятой Троицы, Богоматери, Евангелисту и Псковскимъ чудотворцамъ Всеволоду и Евфросину и преподобному Саввѣ, чудно сохранившему свое жительство.

Въ 1598 году записано было еще одно чудо, совершившееся надъ служителемъ Крыпецкой обители Іоанномъ, который много лѣтъ работалъ ей съ великимъ послушаніемъ, повинуюсь Игумену Θεодосію, какъ бы самому Господу.—Пошелъ онъ однажды, по благословенію Игумена, зимою, по замершимъ мхамъ, въ пустынь называемую Рѣпище, но дорогою заблудился и оскудѣвшій силами отъ дряхлости, упалъ безъ чувствъ; сдѣлалась оттепель и онъ почти совершенно погрузился въ

воду, кромѣ головы; такъ пролежалъ нѣсколько дней, доколѣ обрѣлъ его другой служитель монастырскій и привезъ въ обитель; съ трудомъ могли привести его въ чувство. Когда же возвратился ему языкъ, спрашивалъ Игумень: «что съ нимъ случилось?» Иоаннъ разсказалъ бѣдственное свое приключеніе, какъ, взнемогая посреди мховъ объ одномъ лишь скорбѣлъ, что умираетъ безъ покаянія и призывалъ на помощь себѣ Матерь Божию, Евангелиста и преподобнаго Савву. Съ этою молитвою впалъ въ безпамятство и самъ не вѣдалъ, какимъ образомъ обрѣлся опять въ обители; онъ молилъ Игумена Феодосія приобщить его Божественныхъ Тавнъ и облечь въ великій Ангельскій образъ, и когда совершилось благоговѣнное желаніе его сердца, съ миромъ отошелъ къ Господу.

(Изъ печатной повѣсти о началѣ Печерской обители и о Псковскихъ чудотворцахъ, изданной въ Псковѣ въ 1849 году).

29-го Августа, Усѣкновеніе честныя главы Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна.

30-го, иже во святыхъ отецъ нашихъ Патріарховъ Царяграда: Александра, Іоанна и Павла но-ваго.

Въ тотъ же день пересеніе мощей св. Благоуѣрнаго Князя Александра Невскаго, изъ Владиміра въ царствующій градъ св. Петра. (Житіе его описано въ Нолбрѣ).

Въ тотъ же день и память св. Даніила, Князя Московскаго и преставленіе преподобнаго Александра Свирскаго.

Ж И Т І Е

СВЯТАГО ДАНИЛА КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО.

Блаженный Данилъ былъ четвертый сынъ при-
снопамятнаго благовѣрнаго витязя Невскаго и про-
исходилъ въ девятой степени отъ Равноапостоль-
наго Князя Владиміра: время его рожденія въ
1261 году; двухъ лѣтъ, еще въ пеленахъ, остал-
ся онъ послѣ кончины своего родителя, но Богъ
призирающій младенцевъ, сохранилъ Данила, ко-
торого избралъ и возрастилъ себѣ угодникомъ,
не ратуемымъ во всю его жизнь отъ своихъ при-
сныхъ, ибо въ тѣ горькіе дни междуособій семей-
ныхъ, явился онъ, какъ бы Княземъ мира и Кня-
земъ поваго Салтма, престольной Москвы; она
дана была ему въ наслѣдіе отъ святаго родителя
и имъ возвеличена, сперва какъ удѣльное княже-
ніе, которому надлежало сдѣлаться великимъ, и
подобало быть такому мирному началу для града
помазанія Боговѣнчанныхъ Царей нашихъ.

Праведное сѣмя блаженнаго Данила возвели-
чло державный его городъ, которому въ осно-

ваніе положилъ онъ свѣтъя свои мощи, завѣщавъ ему миръ многій. Благодать Божія осѣняла его во дни княженія; если и случалось когда-либо возникать семейной брани между еднокровными въ окрестностяхъ его княженія, то блаженный Князь сей, хотя не уступалъ никому изъ братьевъ въ силѣ и мужествѣ ратномъ, подымался также съ оружіемъ, но не для войны, а для мира, ибо его мудрость превосходила еще ратную силу, и кротостію слова умиротворялъ враждующихъ; такимъ образомъ отъ самаго начала будущая столица дѣлалась уже сердцемъ всея Руси, по кротости сердечной своего Князя. Хотя не сохранила лѣтопись никакихъ громкихъ дѣяній смиреннаго Даніяла; но какія ратныя дѣла могутъ сравниться съ симъ дѣломъ мира?

Довольный своимъ участкомъ, былъ онъ покоренъ старшему брату своему Великому Князю Дмитрію, княжившему въ Переяславѣ; но рука его была крѣпка на враговъ отечества, Татаръ Ордынскихъ, и Богъ помогъ ему побѣдить полчища ихъ у Переяслава Рязанскаго, которыхъ навелъ на отечественные предѣлы Князь Рязанскій Константинъ: самаго Князя привелъ онъ плѣнникомъ въ Москву. Послѣ кончины Дмитрія, смутныя настали времена великаго княженія брата его Андрея, который не умѣлъ привлечь къ себѣ сердца Князей Русскихъ. Иоаннъ, сынъ Дмитрія, наследовалъ удѣлъ Переяславскій и, кончаясь въ ранніе годы бездѣтнымъ, завѣ-

щаль удѣлъ свой дядѣ, Князю Данилу. Такимъ образомъ, безъ всякой крамолы и кровопролитія, впервые расширилось княжество Московское. Не превознесся и Данилъ симъ новымъ приобрѣтеніемъ, но въ мирѣ управлялъ Богомъ дарованнымъ ему достояніемъ до конца своей жизни, успѣвая въ братолюбіи.— Не польстился онъ и на Переяславль и не хотѣлъ оставить родной Москвы, къ которой лежало его сердце. Онъ только послалъ своихъ намѣстниковъ въ Переяславль, откуда бѣжали, неправильно овладѣвшіе имъ намѣстники брата его Андрея, а самъ остался на мѣстѣ избраннаго имъ покоя временнаго и вѣчнаго.

На красномъ берегу Москвы рѣки соорудилъ онъ церковь во имя Ангела своего Данила Столпника и при ней обитель, въ которой самъ пожелалъ окончить дни свои. Чувствуя приближеніе кончины, принялъ онъ, подобно родителю, Ангельскій образъ и самую схиму, и мирно отошелъ къ Господу 24 Мая 1303 года. Ради крайняго своего смиренія, не пожелалъ онъ быть погребеннымъ въ церкви, но на общемъ кладбищѣ съ братією. Старшій сынъ его Юрій уже княжилъ тогда въ Переяславлѣ и преданные ему граждане не отпустили его отъ себя для погребенія родителя, опасаясь крамоль великокняжескихъ. Второй сынъ его Іоаннъ, прозваніемъ Калита, по своему нищелюбію, воздалъ послѣдній долгъ родителю и прославилъ его княженіе, возвеличивъ

достоинством Великаго и поставивъ во главу всея Руси.—27 лѣтъ послѣ преставленія родителя, перенесъ онъ обитель Даниловскую внутрь Кремля, близъ своихъ княжескихъ палатъ, поставивъ тамъ церковь Спаса на бору и поручилъ новому Архимандриту Спасскому управленіе погостемъ Даниловскимъ со всеми его волостями; но съ теченіемъ времени остался въ заустѣніи погостъ сей и забыто было самое мѣсто погребенія Данила: сохранилась только одна церковь.

При правнукѣ Великаго Князя Калиты, Иоаннѣ III-мъ, было первое явленіе блаженнаго Данила. Ъхалъ однажды Великій князь съ дружиною мимо погоста Даниловскаго и подъ однимъ изъ его отроковъ споткнулся конь на самомъ кладбищѣ. Отсталъ юный оруженосецъ, подымая коня. Внезапно предсталъ ему невѣдомый мужъ: явленіе сіе объяло его ужасомъ. «Не бойся, сказалъ ему явившійся, я христіанинъ и Господинъ мѣсту сему: имя мое Князь Данилъ Московскій. Богъ изволилъ мнѣ быть положеннымъ на мѣстѣ семъ; ты же, юноша, скажи великому Князю Иоанну: себя ты всячески утѣшаешь, меня же за чѣмъ предалъ забвенію; но если ты и забылъ меня, Богъ никогда меня не забудеть.»—Сказавъ сіе скрылся; юноша, быстро вскочивъ на коня, настягъ дружину. Видя блѣдность лица его, спросилъ Великій Князь, что съ нимъ было? и юноша подробно рассказалъ свое видѣніе.—Съ тѣхъ поръ Великій Князь велѣлъ совершать торжественныя панихиды

о своемъ предкѣ, учреждать трапезу для братіи и раздавать обильную милостыню нищимъ.

Случилось и сыну его Великому Князю Василию проѣзжать со всѣмъ своимъ свитомъ мимо Данилова. Одинъ изъ вельможъ его, Князь Иванъ Михайловичъ Шуїскій, хотѣвшій сѣсть на коня, ступилъ на тотъ гробовой камень, который съ давнихъ лѣтъ лежалъ надъ могилою блаженнаго Князя Данила; бывшій тутъ благочестивый поселянинъ удержалъ Князя, говоря ему: «не дерзай садиться съ сего камня на коня твоего; да будетъ тебѣ извѣстно, что здѣсь покоится Великій Князь Даниль Московскій.» Шуїскій, видя запустѣніе мѣста и простоту челоуѣка его удерживавшаго, самонадѣянно возразилъ: «мало ли такихъ Князей!» Но въ ту минуту, когда хотѣлъ сѣсть на коня, поднялся на дыбы конь его и мертвымъ опрокинулся на землю; едва живымъ извели Князя изъ-подъ коня; тогда съ чувствомъ равскаанія, велѣлъ онъ отпѣть панихиду надъ гробомъ Великаго Князя Данила и молитвами его получилъ здравіе.

Протекло довольно времени, уже во дни Царя Іоанна Васильевича, купецъ жившій въ Коломнѣ плылъ на ладѣ съ товаромъ въ столицу, и съ нимъ былъ юноша сынъ его, съ которымъ приключилась дорогою столь тяжкая болѣзнь, что уже былъ при послѣднемъ издыханіи. Ладья плыла противъ самаго погоста Даниловскаго; отчаянный отецъ принесъ сына своего на гробницу Князя

Даніила и велѣлъ служившему при церкви іерею пѣть задравный молебенъ, а самъ со многими слезами молилъ Князя помиловать сына его и положить его на самый гробъ; внезапно возсталъ исцѣленный, какъ бы проснувшись отъ сна; съ тѣхъ поръ благодарный отецъ приходитъ ежегодно, въ день исцѣленія сыновняго, на могилу Князя Даніила и совершалъ молебны, раздавая милостыню убогимъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, слыша о чудесахъ, истекавшихъ отъ могилы своего предка, самъ благоговѣнно присутствовалъ при соборныхъ панихидахъ, совершаемыхъ надъ его гробомъ, и велѣлъ возстановить обитель Даниловскую, соорудивъ новую каменную церковь, въ которую перенесены были мощи святаго Князя. Во дни патріаршества Никона, когда сооружался храмъ седми Вселенскихъ Соборовъ въ Даниловскомъ монастырѣ, обрѣтены были нетлѣнныя мощи святаго Князя Даніила и съ торжествомъ перенесены въ новый храмъ. Съ тѣхъ поръ совершается 30 Августа память блаженнаго Князя и перенесенія святыхъ мощей его.

(Изъ рукописнаго сборника житій Святыхъ, № 136, Библіотеки бывшей Царскаго, нынѣ Графа Уварова).

Ж И Т І Е

ПРЕМОДОБНАГО АЛЕКСАНДРА СВИРСКАГО.

Житіе преподобнаго описано довольно пространно, потому что оно ему современно, такъ какъ присный ученикъ его Иродіонъ, бывшій впоследствии игуменомъ обители Свирской, собралъ воедино всѣ драгоцѣнныя воспоминанія о его блаженномъ наставникѣ, не болѣе 12-ти лѣтъ послѣ его представленія, и отъ того составилось столь полное описаніе его жизни.

Въ предѣлахъ Великаго Новгорода родился онъ отъ благочестивыхъ родителей Стефана и Вассы, въ селеніи Мандера, что на рѣкѣ Оятѣ, бывшей Обонежской округѣ. Тутъ, по сосѣдству, была обитель Введенія Божіей Матери, называемая Островскою.—Не богаты были земными благами его родители, добрые поселяне, но богаты благочестіемъ. Были у нихъ въ началѣ супружества, дѣти, потомъ же какъ бы заключилась утроба Вассы и горевали о томъ оба супруга. Пришедши однажды въ обитель Богоматери, усердно помо-

лилась Васса, чтобы Господь даровалъ ей еще дѣтище въ утѣшеніе старости, на которое могли бы возложить упованіе свое родители и потомъ спокойно умереть. Обоимъ супругамъ было внушеніе свыше, что будетъ имъ даровано желанное чадо, и родился имъ обѣщанный младенецъ Иона 15-го 1445 года, при державѣ Великаго Князя Василя Темнаго, во дни святительства Владыки Евфимія Великаго Новгородскаго.

Опытному наставнику порученъ былъ отрокъ для изученія грамоты, но не было успѣха, не безъ устроенія Божія, чтобы не силою разума своего, но только молитвою, все приобрѣталъ испрошенный отрокъ. Съ теплою вѣрою помолился онъ предъ иконою Матери Божіей о дарованіи ему познанія книжнаго и получилъ тайное извѣщеніе, что услышана его молитва. Вскорѣ превзошелъ онъ грамотностию всѣхъ своихъ сверстниковъ, такъ что всѣ изумлялись чрезвычайнымъ его успѣхамъ и ожидали чего-либо необычайнаго отъ сего отрока. Между тѣмъ, съ юныхъ лѣтъ началъ онъ изнувать тѣло свое бдѣніемъ и постами и, хотя во всемъ по заповѣди Божіей послушенъ былъ своимъ родителямъ, въ этомъ одномъ лишь просилъ предоставить ему полную свободу и продолжалъ чудный свой подвигъ, удаляясь отъ всякихъ суетныхъ игръ, которыя еще могли быть свойственны его юному возрасту; онъ восходилъ ежедневно, какъ бы по ступенямъ, на высоту добродѣтели, доколѣ не достигъ совершеннаго воз-

раста, и тогда пришло ему на мысль отречься отъ всего мірскаго и посвятить себя единому Богу.

Слышалъ юноша о пустынной обители Преображенія Господня на дикомъ островѣ Валаамѣ, Ладожскаго озера, и распалился желаніемъ идти туда раздѣлять съ иноками душеспасительные подвиги; Господь, близкій всѣмъ призывающимъ Его, исполнилъ желаніе раба своего. Пришло нѣсколько иноковъ Валаамскихъ для монастырской потребности, на рѣку Оять, по сосѣдству селенія родителей Александра; юноша увидѣлъ ихъ издали на берегу рѣки, поющихъ псалмы и, поклонившись имъ до земли, просилъ благословенія. Изумились смиренію его иноки и спросили: чего отъ нихъ требуетъ? «Требую, отвѣчалъ онъ, отцы святые, чтобы вы молили о мнѣ Бога».—Одинъ изъ старцевъ, исполненный духа прозорливости, уразумѣлъ душевную чистоту юноши и благодать Божію имѣющую въ немъ явиться. Влекомый тѣмъ же духомъ, наипаче сталъ спрашивать юноша о Валаамской обители и уставѣ иноческомъ; старецъ рассказалъ ему чинъ общежитія ихъ обители, келейное правило и уединенное молчаніе, ибо искусенъ былъ въ словѣ и по истинѣ посланъ отъ Бога для обращенія юноши. Внимая ему въ сладость обильныя проливалъ слезы юный подвижникъ и сказалъ наконецъ старцу: «Господь сердцеѣдецъ послалъ святыню твою утвердить мое помышленіе и исторгнуть меня, какъ птицу, отъ многоплетныхъ сѣтей мірскаго

житія; блаженны сподобившіеся столь безмятежнаго жительствова, но какъ избѣжать мнѣ міра для сей Ангельской жизни, ибо родители хотять связать меня узами брачными; хотѣлъ бы бѣжать, но не знаю пути въ вашу обитель». Старецъ отвѣчалъ: «естественна любовь родителей, союзъ ея не разрѣшимъ, но и сію любовь повелѣваетъ побѣдить Владыка нашъ, чтобы взять на рамена крестъ свой и за нимъ послѣдовать тѣснымъ путемъ, возненавидѣвъ славу міра сего, ибо самъ Господь указалъ намъ путь сей ко спасенію; вижу всю глубину любви Божіей, проникшей въ душу твою; и такъ поспѣши совершить доброе свое желаніе чтобы сѣятель злый не посѣялъ плевела въ сердцѣ твоємъ и не заглушилъ въ немъ благой пшеницы, сластолюбіемъ, и ты сдѣлаешься не достойнымъ высокаго призванія. Самъ я укажу тебѣ путь въ нацѣ обитель, ты же возвратись въ домъ свой, ибо намъ не повелѣно отъ Игумена отнимать чадъ отъ родителей; Господь управитъ стези твои».

Юноша пригласилъ старца въ домъ родительскій и не отрекся онъ исполнить его желаніе: долго бесѣдовавъ съ его родителями и благословивъ ихъ предсказавъ, что сынъ ихъ великъ будетъ предъ Богомъ и служителемъ Святыя Троицы.— Спустя не много времени, сталъ проситься юноша у родителей въ сосѣдную весь, какъ бы по нѣкому дѣлу, предупреждая ихъ не гнѣваться, если нѣсколько замѣдлитъ и, принявъ благословеніе, удалился изъ дома отеческаго, ничего не имѣя

съ собою кромѣ одежды и не много хлѣба. Когда отошелъ отъ селенія, въ послѣдній разъ оглянулся на родной кровъ и заплакалъ: «Господи, сказалъ онъ, Ты повелѣвшій рабу твоему Аврааму выйти отъ мѣста рожденія своего въ землю ему обѣтованную, покажи и миѣ путь спасенія и не затвори дверь царствія твоего оставившему домъ родительскій». — Хотя проливалъ слезы, но радовался духовно о предпринятомъ пути и снѣвши ядти, чтобы его не настягли. — Дошедши до рѣки Свири, переправился онъ на противоположный берегъ въ мѣсто пустынное, уже при наступленіи ночи.

Осматривался кругомъ блаженный юноша, гдѣ бы ему провести ночь; онъ увидѣлъ неподалеку озеро, небольшое, но весьма красивое, окруженное какъ бы стѣною вѣковыми деревьями, которыхъ длинныя вѣтви склонялись къ водамъ: подѣ снѣію ихъ, на мирномъ берегу, послѣ долгой молитвы, заснулъ юноша и сквозь тонкій сонъ услышалъ таинственный голосъ: «иди съ миромъ, устроится путь твой въ обитель Всемилостиваго Спаса; когда же тамъ довольно поработаешь Господу, здѣсь соорудишь свою обитель и многіе тобою спасены будутъ». — Вмѣстѣ, съ таинственнымъ гласомъ, проникъ чудный свѣтъ сквозь чашу лѣса и въ сумракъ ночи осіялъ сиящаго, который внезапно воспрянулъ, пораженный чуднымъ видѣніемъ; возблагодаривъ Бога, Александръ пошелъ въ дальнѣйшій путь

Странствуя, просилъ онъ себѣ добраго спутника отъ Господа и послалъ ему Господь Ангела его хранителя. — Оглянувшись, увидѣлъ за собою идущаго челоуѣка и остановился чтобы его привѣтствовать; путникъ спросилъ: куда идетъ? и услышавъ, что на Валаамъ, сказалъ, что и ему тотъ же предлежитъ путь. — Отрадно было юношѣ идти вмѣстѣ съ нимъ, и въ немного дней достигли они берега Ладожскаго озера, до пристанища монастырскаго. Оттолъ перевезлись по шумнымъ водамъ къ обители; увидѣвъ издали на скалѣ церковь Преображенія, сталъ на молитву блаженный Александръ, да приметъ подъ сѣнь свою оставившаго домъ родительскій ради Господа, котораго возлюбилъ всею душою. — Послѣ молитвы, хотѣлъ онъ сказать благодарное слово доброму спутнику своему, но уже тотъ скрылся отъ его взоровъ, и уразумѣлъ юноша, что это былъ добрый Ангелъ, данный ему отъ Бога.

Предъ вратами монастырскими увидѣлъ стоявшихъ иноковъ и смиренно поклонившись, просилъ привести его къ Игумену, котораго со слезами умолялъ принять его въ ликъ иноческій. Иоакимъ, было имя Игумена, усумнился вначалѣ исполнить желаніе пришельца ради юнаго возраста, но такъ усердно было моленіе юноши, что поколебалось первое сомнѣніе настоятеля. Уразумѣвъ въ немъ избранный сосудъ Богу, принялъ его Иоакимъ и остригъ волосы, нарекиши имя Александръ (мірскоеже имя неизвѣстно); было ему тогда отъ роду 26 лѣтъ. —

Игумень велѣлъ ему служить братіи и со своею ревностію преданъ новопостриженный инокъ всей строгости общежительнаго искуса, безъ малѣйшаго ропота исполняя самыя трудныя послушанія.

Между тѣмъ родители повсюду искали утраченнаго сына и всѣмъ поручали собирать о немъ вѣсти. Не ранѣе какъ чрезъ три года пришелъ нѣкто изъ страны Корельской и сказалъ отцу его Стефану, что видѣлъ сына въ обители Валаамской. — Влкомый родительскою любовію, немедленно пустился въ дальній путь Стефанъ; пришедши на пустынный островъ, припалъ къ ногамъ Игумена и со слезами спрашивалъ: тутъ ли и живъ ли сынъ его. Успокоилъ его Игумень и велѣлъ идти отдохнуть въ гостиницу. Но Игумень, возвѣстившій Александру о пришествіи отца его, не могъ убѣдить ревностнаго инока выдти на свиданіе съ нимъ даже и въ сѣни своей келліи: до такой степени отрекся онъ отъ всего мірскаго. Тогда только вынужденъ былъ согласиться, изъ послушанія къ Игумену, когда отчаянный отецъ грозилъ наложить на себя руки предъ вратами обители. Горько заплакалъ Стефанъ, увидя сына своего изможденнаго отъ поста, въ убогой одеждѣ, и бросившись къ нему на шею, умолялъ возвратиться въ домъ свой, чтобы успокоить старость родителей; но не умолимъ былъ подвижникъ и напротивъ того самъ убѣждалъ отца оставить міръ. Долго не соглашался Стефанъ, но наконецъ убѣжденный духовною бесѣдою сына,

далъ ему обѣщаніе постричься въ обители Богоматери, что на Островѣ, которая была близъ ихъ селенія. Исполнивъ обѣтъ свой, тамъ постригся Стефанъ подь именемъ Сергія; постриглась также и его мать, принявъ имя Варвары, и оба въ молитвенномъ подвигѣ довершили житейское свое поприще. Услышавъ о ихъ блаженной кончинѣ, прославилъ Александръ Господа, направляющаго каждого человѣка на путь спасенія, и самъ еще болѣе предался иноческимъ трудамъ, со всякаго рода лишеніями, при неуклонномъ присутствіи на всѣхъ церковныхъ службахъ, такъ что возбудилъ общее изумленіе братіи; но онъ пожелалъ еще большаго подвига.

Александръ сталъ просить настоятеля отпустить его на безмолвное жительство въ пустыню, и возбранялъ вначалѣ опытный старецъ, совѣтуя, чтобы утвердилъ стопы свои на первой степени общаго житія, прежде нежели взойти на верхнія уединеннаго молчанія, въ которомъ такъ много можетъ встрѣтиться искушеній отъ духовъ нечистыхъ. Повиновался блаженный и продолжалъ подвизаться въ общежитіи, усердно служа братіи и исполняя всѣ самыя трудныя работы монастырскія, босой и въ рубищѣ, не смотря на зимнюю стужу. Однажды ночью Александръ уединенно молился въ своей келліи, прося Господа и Пречистую его Матерь, чтобы наставили его на путь спасенія. Внезапно услышалъ небесный голосъ, повелѣвающій ему идти на то мѣсто, которое прежде было

ему указано и, открывъ оконцо, увидѣлъ онъ свѣтъ великій, сіяющій съ юговостока, какъ бы перстомъ указывающій на избранное мѣсто.

Не утаивъ онъ бывшаго ему видѣнія отъ настоятеля, и на сей разъ уже не рѣшился отказать старецъ Іоакимъ; при столь видномъ указаніи Божиємъ, онъ отпустилъ его съ благословеніемъ въ пустыню. Ночью молитвенно вышелъ изъ обители Валаамской Александръ, чтобы создать свою; и окрыляемый духомъ вѣры, пришелъ на указанное ему мѣсто, которое оставило глубокое впечатлѣніе въ его памяти первымъ видѣніемъ: это было въ 1485 году.—«Се покой мой, псаломски воскликнулъ онъ, здѣ вселюся, ибо Господь соизволилъ мѣсту сему», и опять осіялъ его небесный лучъ. Преносибный поставилъ себѣ малую хижну, для краткаго отдыха, и одинъ водворился во глубинѣ непроходимаго бора, гдѣ дотолѣ не было ни одного жилища человѣческаго и гдѣ впоследствии много спаслось душъ, ради его молитвы. Когда однажды шелъ зачерпнуть воды въ озерѣ, съ псаломною пѣснью на устахъ, имѣлъ онъ опять тайное внушеніе свыше: «не чуждаться тѣхъ, которые будутъ прибѣгать подъ сѣнь его, но руководить ихъ на путь спасенія,» и хотя прискорбно было любителю безмолвія снова привыкать къ молвѣ человѣческой, не смѣлъ однако ослушаться небеснаго гласа.

Не весьма далеко отъ избранной имъ пустыни, какъ бы за девять поприщъ, было помѣстье дво-

рянское Андрея Завалишина, который, по обычаю того времени, занимался псовой охотой. Однажды погнался онъ за оленемъ и увлеченъ былъ быстротою его бѣга въ самую чашу лѣса; одинъ устремился онъ все глубже въ лѣсъ, оставивъ свою утомленную дружину, и увидѣвъ оленя, стоящаго на высокомъ холмѣ, но какъ только хотѣлъ приблизиться къ нему отважный ловець, ринулся олень въ чашу лѣса и скрылся отъ взоровъ. Тогда началъ ловчій озираться вокругъ себя: оставшись одинъ безъ дружины въ такой глубокой пустынѣ, обрадовался, увидѣвъ малую хижину и подлѣ нея, слѣдъ человѣческой. Здѣсь, конечно, обитаетъ какой либо рабъ Божій, помыслилъ онъ и, сотворивъ молитву, толкнулъ въ двери. Вышелъ Александръ и ужаснулся, думая, что предъ нимъ призракъ, ибо не видалъ дотолѣ лица человѣческаго въ сей пустынѣ. Ужаснулся и ловчій, при видѣ пустытника въ рубищѣ; но первый ободрилъ его, сказавъ «рабъ Божій, не бойся, я не безплотный духъ, подай мнѣ благословеніе и молитву.»—«Благословенъ Богъ, не дающій уловить насъ врагамъ нашимъ,» осторожно отвѣчалъ отшельникъ, и сталъ спрашивать, какъ зашелъ въ его пустыню. Тогда пришелець назвалъ себя и объявилъ, что присланъ Великимъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ въ свое помѣстье, увлеченъ же былъ во внутреннюю пустыню ловлею оленя. «Но не олень, а Божія сила привела меня къ твоему преподобію, говорилъ онъ:—случалось

мнѣ и прежде, во время ловли, видѣть противъ мѣста сего, иногда столпъ огненный, или лучъ свѣта, а иногда какъ бы дымъ восходящій къ небу. Много разъ покушался дойти доселѣ, и никогда не могъ. Но скажи мнѣ, Бога ради, отче святей, какъ твое имя и откуда пришелъ въ сію пустыню, для пользы души моей?»

Опечалился Александръ, что уже не могло утаиться отъ человѣковъ его жителство и заклиналъ именемъ Божиимъ пришельца никому не открывать о немъ, доколѣ живъ. Потомъ, съ глубокимъ вздохомъ и слезами, рассказалъ ему, какъ пришелъ въ сію пустыню, чтобы плакаться о грѣхахъ своихъ, изъ Валаамской обители и, питаясь быліемъ травнымъ, уже семь лѣтъ въ ней прибывалъ, не выдавъ ни одного человѣка. Спросилъ его ловчій: «какъ могъ перенести столь непомѣрный подвигъ?» Смирненно отвѣчалъ отшельникъ: «сперва, чадо, не по силамъ было мнѣ сидѣть въ пустынѣ, и я уже не могъ стоя молиться, но простершись на землю, взывалъ ко Врачу душъ и тѣлесъ, чтобы избавилъ меня отъ немощи тѣлесной; однажды предсталъ мнѣ свѣтлый мужъ и, осѣнивъ знаменіемъ крестнымъ, на всегда исцѣлилъ меня отъ болѣзни, укрѣпивъ на послѣдующіе труды.»—Съ благословеніемъ отпустилъ отъ себя пустынный пришельца.

Нѣсколько времени спустя начала распространяться молва о чудномъ отшельникѣ въ окрестныхъ странахъ, ибо не утаилъ заповѣданнаго при-

шелеть, чтобы не подвергнуться осужденію скрыва-шаго въ землю талантъ. Дошла вѣсть до роднаго брата Александра, Іоанна, что единоутробный ему спасается въ пустынь; съ радостію пришелъ онъ посѣтить его и чтобы вмѣстѣ сожителство-вать въ пустынь, ибо единоправенъ былъ брату своему; вмѣстѣ стали они трудиться, питаюсь дѣломъ рукъ своихъ въ часы свободные отъ мо-литвы; когда же утомлялись, не позволяли себѣ ложиться на землю для отдыха, но сидя нѣсколько дремали. Памятуя бывшее ему явленіе, блажен-ный Александръ хотѣлъ распространить мѣсто и устроить келліи: напротивъ того братъ Іоаннъ, отъ котораго по смиренію таилъ свое видѣніе, по-мышлялъ только о безмолвіи и о стѣсненіи самой хижины, въ которой обитали. Произошло недо-умѣніе между братьями: Іоаннъ какъ старшій упрекалъ младшаго въ превозношенія; опечалился Александръ, но смиренно безмолвствовалъ; ночью воздѣлъ онъ руки къ небу и со слезами сталъ себя укорять предъ Господомъ: «Горе мнѣ, есть еще во мнѣ мудрованіе плотское, если послѣ столь-каго воздержанія могу еще раздражаться, хотя и о добромъ дѣлѣ; но помилуй меня, Господи, про-стри мнѣ руку помощи и облеку меня въ одежду кротости и долготерпѣнія, ибо какъ буду я учить другихъ, мнѣ обѣтованныхъ, если самъ не побѣж-ду прежде своей страсти.»—Такъ молился всю ночь, задыхаясь отъ рыданія, и къ утру возро-дилась въ сердцѣ его тишина; упреки брата уже

не имѣли на него никакого вліянія и со смиреніемъ во всемъ покорился ему, какъ старшему.— Въ скоромъ времени скончался Іоаннъ, и братъ похоронилъ его во внутренней пустынѣ; къ нему же начали мало по малу собираться братія, чтобы пользоваться его духовною бесѣдою и обитать подъ его сѣнію.

Пришелъ опять къ пренедобному тотъ же дворянинъ Завалишинъ, съ своими отроками и принесъ много хлѣба, прося его молитвъ. Съ любовію принялъ усердную жертву пустынникъ, видя вѣру его и, побесѣдовавъ духовно, отпустилъ съ благословеніемъ.— Потомъ собралъ братію и внушилъ имъ прославить Бога, не забывающаго убогихъ, но совѣтовалъ и самимъ не оставаться праздными, очищать лѣсъ и воздѣлывать землю, чтобы не только питаться трудами рукъ своихъ, но и снабжать убогихъ.

УСТРОЙСТВО ОБИТЕЛИ СВИРСКОЙ.

Нѣкто инокъ, по имени Никифоръ, услышавъ о высокой жизни пустынника Свирскаго, пришелъ къ нему просить благословенія. Блаженный также исполнился радости, ибо много слышалъ о семъ Никифорѣ, который носилъ на себѣ тяжкія вериги и опоясывался желѣзомъ. Онъ пригласилъ его остаться и много получилъ отъ него Александръ пользы духовной, Спусти довольно времени, инокъ Никифоръ сталъ проситься на поклоненіе въ Кіево-Печерскую Лавру, и хотя убѣждалъ его блаженный Александръ остаться, доколѣ не устроится обитель, но не могъ его преклонить. По взаимной молитвѣ они разстались и отходящій предсказалъ, что Господь соорудитъ на мѣстѣ семъ обитель съ каменными церквами. Много испыталъ подвижникъ искушеній въ пустынѣ отъ духовъ нечистыхъ: иногда окружало его цѣлое полчище ихъ со страшными угрозами, чтобы оставилъ мѣсто сіе; но добрый воинъ Христовъ вооружался противъ нихъ знаменіемъ крестнымъ разсѣвая всѣ страхованія. Явился ему и Ангелъ Господень въ глубинѣ пустыни и осіялъ небеснымъ свѣтомъ, укрѣпляя духъ его, чтобы не страшился привидѣній діавольскихъ, но чтобы исполнилъ повелѣнное, собралъ бы на мѣстѣ семъ обитель и соорудилъ церковь во имя Пресвятыя Троицы. Уже двадцать пять лѣтъ пребывалъ въ пустынѣ подвижникъ, когда утѣшенъ былъ божественнымъ явленіемъ, свыше всего, что до того

времени восхищало духъ его; повторилось для него видѣніе, бывшее нѣкогда Аврааму, трехъ свѣтлыхъ Ангеловъ, съ посохами въ рукахъ, избравшихъ собою Святую Троицу. Ужасъ объялъ его; онъ палъ ницъ предъ дивными почитателями, умоляя ихъ назвать себя недостойному рабу, и услышалъ небесный голосъ: «Не бойся мужъ желаній, благоволилъ Духъ Святой избрать тебя жилищемъ, ради сердечной твоей чистоты, и сбылось надъ тобою Евангельское слово: придемъ со Отцемъ моимъ и обитель у тебя сотворимъ. Ты же сооруди здѣсь храмъ во имя Святыя Троицы и собери молитвенную братію, да спасешь души ихъ; превозмогай и укрѣпляйся.» Скрылось отъ взоровъ чудное явленіе, оставивъ въ сердцѣ преподобнаго Александра благоговѣйную радость. Онъ сталъ помышлять о томъ, гдѣ бы соорудить обѣтныи храмъ? и увидѣлъ Ангела, въ куколѣ и мантии ивоческой, съ простертыми крылами, въ томъ видѣ, какъ являлся нѣкогда великому Пахомію; онъ указалъ ему мѣсто для храма.

Тогда преподобный съ чрезвычайною резностію началъ заботиться о сооруженіи заповѣданной церкви: хотя сердечное желаніе и влекло его къ безмолвію, но долженъ былъ покориться волѣ Божіей. Умножалось число братіи, священника же не было у нихъ. Напрасно умоляли ученики, чтобы воспріялъ на себя санъ священства; не соглашался Александръ, по своему смиренномудрію, доколѣ по просьбѣ братіи, не принудилъ его къ

тому Архіепископъ великаго Новгорода Серапіонъ. Съ миромъ отпустилъ онъ пустынножителя послѣ духовной бесѣды и немедленно приступилъ Александръ къ построенію деревянной церкви; потомъ послалъ учениковъ своихъ Феодора и Тихона въ Новгородъ, просить себѣ антиминь и все нужное для освященія церкви. Но уже Владыка Серапіонъ находился тогда въ Москвѣ, а въ великомъ Новгородѣ случился Епископъ Коломенскій Митрофанъ, который сопутствовалъ великому Князю Василию Іоанновичу, покорившему Псковъ, и отъ сего Святителя получили посланцые нужную утварь.

Исполнивъ давнее желаніе своего сердца, еще болѣе усугубилъ труды свои преподобный, прилагая къ священнослуженію дѣло рукъ.—Случилось однажды, на праздникъ Пресвятыя Троицы, когда братія занята была приготовленіемъ всего нужнаго для приѣма многочисленныхъ богомольцевъ, что не было достаточно првнесено воды. Услышавъ о томъ отъ келаря, самъ преподобный поспѣшилъ носить воду изъ озера въ пекарню; и братія, увидѣвъ своего наставника, занятаго сею черною работою, устремились помогать ему. То же повторилось и въ другой разъ, когда не было нарублено довольно дровъ; и опять подаль онъ примѣръ смиренія и трудолюбія для всего братства. Если иногда видѣлъ, кто-либо изъ иноковъ не смодолъ положеннаго ему количества жита для хлѣбовъ, то подымался до утренняго пѣнія

и довершалъ начатое перадивнымъ, ибо всегда вмѣнялъ себя какъ бы послѣднимъ изъ всѣхъ, но въ церковь являлся прежде другихъ и едва послѣ литургіи вкушалъ не много мѣба. Рубище, въ которое былъ облеченъ, возбуждало иногда укоризны невѣждъ, но со смиреніемъ переносилъ онъ всѣ оскорбленія Христа ради.—Никого изъ братіи не обличалъ суровымъ словомъ, но въ духѣ прозорливости притчами наставлялъ виновныхъ, короткою рѣчью невольно приводя ихъ къ раскаянію. Между тѣмъ строго наблюдалъ, чтобы исполнялся весь уставъ монастырскій, чтобы не было собесѣдованія въ келліяхъ послѣ вечерняго правила, ни праздныхъ разговоровъ при необходимости встрѣчѣ.

Непрестанно наставлялъ старецъ учениковъ своихъ назидательнымъ словомъ, о высотѣ иноческой жизни, внушая имъ удалиться отъ страстей и съ любовію совершать предпринятый ими подвигъ.—Повсюду распространялась молва о добромъ жителствѣ его иноковъ, и сосѣдніе владѣльцы съ усердіемъ жертвовали имущества свои въ возникающую обитель. Былъ однажды ропотъ между братією, что при распространеніи обители не было удобнаго мѣста для построенія мельницы; преподобный отвѣчалъ на ихъ укоры, что одинъ онъ хотѣлъ безмолвствовать въ пустынѣ и сами пришли они обрѣсти его.—Два озера были недалеко отъ монастыря, на верженіе стрѣлы другъ отъ друга, между горъ; преподобный, собравъ братію, ве-

лѣлъ прокопать пространство между озерами въ глубокомъ оврагѣ; вода съ шумомъ устремилась изъ верхняго озера въ нижнее и, къ общему утѣшенію, можно было поставить удобную мельницу.

Пришла благая мысль на сердце преподобнаго соорудить каменную церковь въ своей обители, на мѣсто деревянной, и созвалъ онъ на совѣтъ всю братію: но вмѣсто одобренія, услышавъ слово укоризны, что скудость мѣста не позволяетъ и помыслить о такомъ дерзновенномъ предпріятіи; но противорѣчіе не удержало блаженнаго старца; онъ напомнилъ ропщущимъ, что съ помощію Божіею все возможно и велѣлъ готовить кирпичъ и все нужное для постройки, а самъ между тѣмъ послалъ трехъ изъ учениковъ своихъ къ Великому Князю Василию Іоанновичу, просить у него искусныхъ каменщиковъ: съ любовію исполнилъ Государственный благочестивое сіе желаніе, ибо много слышалъ о старцѣ и заочно уважалъ, какъ бы одного изъ древнихъ отцевъ. Онъ прислалъ къ нему, не только каменщиковъ, но и обильную милостыню, прося себѣ его молитвъ, и старецъ Александръ могъ предпринять строеніе каменнаго храма на указанномъ ему отъ Ангела мѣстѣ.

Нѣкто поселянинъ Григорій, изъ сосѣдней вѣси, хотѣлъ положить въ фелонь преподобнаго даданіе свое для обителя, но старецъ отринувъ руку его и самый даръ; огорчился Григорій и, пришедши въ келлію, спрашивалъ: «почему пріемлетъ даданіе отъ всего народа, его же даръ отвергаетъ,

не зная его лично?» — Преподобный отвѣчалъ ему: «истинно говоришь ты, что доселѣ не видѣлъ я лица твоего, но отъ руки твоей исходитъ великій смрадъ, хотя и мнишься приносить даръ Богу, ибо ты нарушаешь заповѣдь Божию: чти отца твоего и мать; безчестишь словами свою мать и даже дерзаешь поднимать на нее руки. — Тяжкій на тебѣ грѣхъ, если не покаешься.» — Умилился грѣшникъ и со слезами исповѣдалъ предъ нимъ всѣ свои грѣхи, прося умиловать Бога. Но преподобный послалъ его испросить сперва прощенье у матери и потомъ уже принести даръ свой олтарю.

Былъ у сего Григорія другъ, по имени Симеонъ, богатый поселянинъ, у котораго скончалась жена. Усумнился вдовецъ, вступать ли ему во второй бракъ? Но Григорій велѣлъ ему идти въ обитель преподобнаго къ вѣдущему тайны сердечныя, который только одинъ можетъ подать ему благой совѣтъ. Повиновался Симеонъ и припалъ къ ногамъ старца, спрашивая: что ему дѣлать? Смирненно отвѣчалъ преподобный: Богу единому извѣстны тайны человѣческаго сердца и кто я грѣшный, чтобы проникать ихъ? но если настоятельно требуешь отъ меня слова, не сочетайся бракомъ до восьми мѣсяцевъ и пребывай все сіе время въ чистотѣ, для пользы души твоей. — Нынѣ же иди съ миромъ и не забудь словъ моихъ!» — Однако спустя нѣсколько времени, позабылъ Симеонъ благой совѣтъ старца и сродники убѣдили его вступить въ бракъ. Когда же наступилъ ось-

мый мѣсяцъ, постигла его лютая болѣзнь почуствовалъ онъ скорое свое исхожденіе отъ міра; тогда горько началъ плакать, упрекая сродниковъ, что заставили его нарушить слово старческое; и дѣйствительно скончался въ опредѣленный день.

Пришелъ однажды въ обитель преподобнаго челоуѣкъ рода боярскаго, Тимоѣей Апрѣлевъ, открыть ему скорбь своего сердца, что въ теченіи многолѣтняго супружества ему раждались только дѣти женскаго пола; жена же его была опять беременна, и потому прибѣгалъ къ молитвамъ старческимъ, чтобы даровалъ ему Господь младенца мужскаго. «Для чего искушаешь мое смиреніе? сказалъ ему старецъ, не Богомъ ли устроится рожденіе чады? и теперь жена твоя носитъ въ утробѣ дѣтище женскаго пола; тебѣ подобаетъ только просить Бога, чтобы даровалъ ей счастливо разрѣшиться отъ бремени. На будущее же время, если хочешь получить желаемое, подобаетъ тебѣ подражать страннопріимству безплодныхъ Авраама и Сарры, миловать нищихъ и призирать сирыхъ и вдовицъ, чтобы имѣть ходатаями предъ Богомъ!» Такъ съ молитвою и благословеніемъ отпустилъ къ его семейству. Черезъ годъ времени пришелъ къ нему опять бояринъ сообщать свою радость, что у него наконецъ родился сынъ.

Уже сорокъ лѣтъ подвизался преподобный въ своей пустынѣ, когда было о немъ чудное видѣніе одному благочестивому мужу, по имени Даніилу, который жилъ не далеко отъ обители, былъ сы-

номъ духовнымъ старца, весьма милостивъ къ нищимъ и много жертвовалъ въ обитель. Даниилъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и семь дней, какъ мертвый, лежалъ на одрѣ. Потомъ внезапно очнулся какъ бы отъ страшнаго видѣнія, и началъ говорить.—Присные спрашивали его: «что чувствовалъ, когда казался мертвымъ предъ ихъ глазами?» и онъ разсказалъ имъ, проливая слезы умиленія, что ему видѣлось, будто два святыхъ Ангела несли душу его въ мѣста свѣтлыя и райскія, и тамъ увидѣлъ въ необычайномъ свѣтѣ блаженнаго учителя своего Александра, окруженнаго ликомъ своихъ учениковъ, который сказалъ ему, если хочешь здѣсь быть, то возвратись вспять и подвижайся.—Когда облегчился Даниилъ отъ болѣзни, пришелъ онъ въ обитель Свирскаго и разсказалъ свое видѣніе старцу; прослезился преподобный и говорилъ ему: «истину сказалъ тебѣ Ангелъ, явившійся въ образѣ моемъ; подвижайся, но храни про себя твое видѣніе, ибо не могъ я грѣшный сподобиться такой славы.» Это было за восемь лѣтъ до его представленія.

Шель однажды старецъ Александръ, въ убогой одеждѣ, на сельскую работу. Встрѣтился ему рыбарь, который спрашивалъ, «здравствуетъ ли Игумень», потому что онъ хотѣлъ принять отъ него слово утѣшенія.—Преподобный спросилъ о причинѣ скорби, и тотъ отвѣчалъ: «на сихъ дняхъ мы имѣли счастливый ловъ и утаили отъ владѣтеля мѣста большаго осетра, чтобы не лишиться

мзды своей; онъ же, узнавъ о томъ, хочетъ насъ наказать, посему бѣгаю гнѣва его и иду къ Игумену вашему, въ надеждѣ что онъ научитъ меня, что сдѣлать». — Старецъ отвѣчалъ «какую пользу надѣешься получить отъ человѣка грѣшника? возвратись въ домъ свой, ибо нѣтъ теперь Игумена въ обители; я расскажу ему твое горе и надѣюсь, что по вѣрѣ твоей поможетъ тебѣ Господь; ты же, не теряя времени, закинь неводъ и если поймаешь опять такую же рыбу, поспѣши отнести ее къ владѣльцу, чѣмъ не только утолишь гнѣвъ его, но получишь награду». — Повѣрилъ слову его рыбарь, закинулъ ярежи и поймалъ столь же большаго осетра, какъ и перваго; онъ поспѣшилъ отнести его къ владѣльцу, рассказавъ, какимъ образомъ послалъ ему Богъ такой удачный ловъ, молитвою преподобнаго, и ради сей молитвы щедро наградилъ его владѣлецъ.

Еще одинъ богатый купецъ великаго Новгорода, который терялъ одного за другимъ всѣхъ своихъ дѣтей, пришелъ повѣдать скорбь свою Преподобному; но онъ предсказалъ, что и послѣдняго лишится за то, что былъ немилостивъ къ убогимъ и неправедною куплею обременялъ немощныхъ; если же покается въ грѣхахъ своихъ и исправитъ жизнь, то Господь утѣшитъ его многими чадами и въ старости маститой окончить онъ дни свои въ обители. — Все сіе исполнилось отъ слова до слова.

Въ послѣдніе годы жизни возымѣлъ ревност-

ное желаніе преподобный соорудить еще каменную церковь во имя Рождества Богоматери. Опять обратился онъ къ помощи Державнаго и получивъ желаемое, положилъ основаніе церкви съ трапезою. Вскорѣ послѣ того читалъ онъ у себя въ келліи акаѣистъ Матери Божіей, и окончивъ, сказалъ ученику Аѳанасію: «трезвись и бодрствуй, ибо будетъ намъ чудное посѣщеніе». Внезапно осіялъ великій свѣтъ весь монастырь; старецъ Александръ устремился къ дверямъ своей келліи и увидѣлъ надъ олтаремъ основанной имъ церкви Матерь Божию, какъ бы сидящую на престолѣ, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, при предстоіиіи ликовъ Ангельскихъ. Палъ предъ Нею ницъ преподобный и услышалъ утѣшительное обѣщаніе, что не оскудѣетъ покровъ Ея надъ созданной имъ обителью, не только при жизни его, но и послѣ преставленія.—Потомъ видѣлось ему множество иноковъ, отовсюду стекавшихся съ камнями для сооруженія храма, который чудно сооружался, и радостно исполнилось сердце преподобнаго.—Ученикъ его Аѳанасій лежалъ какъ мертвый отъ страшнаго видѣнія; старецъ же послалъ немедленно за отцемъ своимъ духовнымъ Исаіею, чтобы открыть ему то, что видѣлъ и слышалъ.

Когда было довершено зданіе третьей церкви Верховныхъ Апостолъ, старшина каменщиковъ, по имени Игнатій, велѣлъ купить двухъ барановъ, чтобы дружина его могла разговѣться. Огорчился старецъ и удержалъ его, чтобы не было

пролитія крови въ обители. «До сихъ поръ, говорилъ онъ, ты довольствовался одинаковою съ нами пищею: для чего же теперь хочешь нарушить уставъ монастырскій? но чтобы не было оскудѣнія твоей дружинѣ, Богъ пошлетъ намъ довольно рыбы на праздникъ.»—Старецъ указалъ самъ, гдѣ закинуть мрежу въ глубокомъ озерѣ, и было извлечено такое множество рыбъ, что ею удовлетворялись и братія и дружина.

Настало наконецъ время блаженнаго преставленія Александра, въ старости глубокой, когда уже приблизился онъ къ Господу по духовной лѣтвицѣ высокихъ своихъ добродѣтелей. Собралъ онъ братію, возвѣстилъ ей близкій конецъ свой и поручилъ учениковъ предстательству Матери Божіей; плакала безутѣшная братія о разлукѣ съ великимъ своимъ наставникомъ; онъ же утѣшалъ ихъ говоря: «Или я лучше древнихъ отцевъ, которые всѣ возвратились въ землю, изъ которой были взяты? всѣ воскреснуть, чтобы предстать нелицемѣрному Судіи. Духомъ не разлучаюсь съ вами и если обрѣту благодать предъ Богомъ и будетъ любовь между вами, не оскудѣетъ обитель предстательствомъ Матери Божіей; вы же свято соблюдайте божественныя заповѣди и уставъ иноческій; оставляю вамъ вмѣсто себя четырехъ братій священниковъ Исаію, Никодима, Леонтія и Иродіона; изъ нихъ кого изберетъ Господь и поставитъ Святитель Макарій, тотъ будетъ вамъ Игуменомъ и тому покоряйтесь; наипаче украшайтесь

смиреномудріємъ, милуйте сирыхъ и нищихъ, и удаляйтесь всего мірскаго. Господь же благоволившій мнѣ соорудить здѣсь обитель, распространить мѣсто сіе и на васъ свое благословеніе!» До самой минуты своего отшествія непрестанно поучалъ онъ братію и даже, въ избытокъ своего смиренія, хотѣлъ, чтобы грѣшное его тѣло было брошено въ пустынь; но братія не соглашалась. Тогда просилъ, чтобы погребли его близъ церкви Преображенія, не далеко отъ обители, гдѣ была общая усыпальница братіи и, преподавъ послѣднее цѣлованіе ученикамъ своимъ, испустилъ духъ съ предсмертною молитвою: «Господи! въ руцѣ твои предаю духъ мой!»

(Изъ Сборника житій Святыхъ, хранящагося въ Новгородской Семинаріи и Антоніевомъ монастырѣ).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Съ помощію Божіею совершился четырехлѣтній трудъ; собраны мною воедино житія всѣхъ отечественныхъ Святыхъ и нѣкоторыхъ подвижниковъ, мѣстно чтимыхъ по святости своей жизни, собраны и житія сродныхъ намъ угодниковъ Божіихъ племени Славянскаго и Церкви Иверской, которая тѣсно связана съ нашею іерархическимъ управленіемъ.—Если могъ я въ такое непродолжительное время окончить обширное предпріятіе, то потому единственно, что мнѣ къ тому благоприятствовали и лица духовныя и самыя обстоятельства. Лѣтнее уединеніе въ Останкинѣ давало мнѣ полную свободу посвящать исключительно нѣблые мѣсяцы сему отрадному занятію; сосѣдство столицы и Лавры Троицкой, гдѣ могъ пользоваться совѣтами просвѣщенныхъ мужей и обильными рукописями двухъ книгохранилищъ Патріаршаго и Лаврскаго, окрыляло, можно сказать, трудъ мой.— Не менѣе благосклонны были ко мнѣ Настоятели обителей и Епархіальные Архіереи, которые, по

первой моей просьбѣ, поспѣшали доставлять списки, а иногда и подлинники житій Святыхъ, даже изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи: изъ Колы и Туруханска; житія же Грузинскихъ Святыхъ, по благосклонности Экзарха, были для меня переведены, еще во время моего путешествія въ Грузію: такимъ образомъ окончился трудъ мой, и я не видалъ, какъ протекло время.

Теперь предстоитъ другой, страшный вопросъ: удовлетворилъ ли я ожиданіямъ читателей! ибо не малы и требованія съ того, кто рѣшился на столь отважное дѣло. О, если снисходительно вникли въ то чувство любви къ отечественнымъ Святимъ, которое побуждало меня писать! Имена ихъ были извѣстны по свяцамъ, и то не многимъ; дѣянія же большею частію утаены отъ всѣхъ кому недоступны были пыльные хартіи, заключенныя въ книгохранилищахъ, и не всякій рѣшался перелистать огромные фоліанты, чтобы извлечь изъ нихъ сущность сказанія о дѣлахъ угольниковъ Божіихъ.—Иныя же погребены были въ той безвѣстной міру обители, гдѣ почивалъ и самъ невѣдомый угольникъ Божій, укрывшійся и по смерти въ то забвеніе, котораго искалъ при жизни; одни только ближайшіе жители тѣхъ мѣстъ о нихъ слышали, и то по преданію, ибо въ упраздненныхъ обителяхъ, обращенныхъ въ приходскія церкви, не всегда хранилась списки житія, какъ напримѣръ: преподобнаго Трифона, просвѣтителя Лоарей близъ Колы, и многихъ другихъ.

Да послужить въ оправданіе недостатковъ моего труда хотя то, что я собралъ и тѣмъ извлекъ изъ забвенія многія чудныя сказанія о нашихъ святыхъ подвижникахъ, и даже цѣлыя лѣтописныя отрывки; которые таились въ ихъ житіяхъ. Можно ли, при столь обширномъ трудѣ, требовать той отчетности исторической, въ числахъ и фактахъ, которыя составляютъ исключительно условіе сочиненія историческаго? Цѣль моя была болѣе нравственная, нежели ученая; я желалъ, чтобы не утрачены были, для назиданія православныхъ спасительныя рѣчи и дѣянія великихъ подвижниковъ нашей Церкви и узнали бы о нихъ наши единовѣрцы, ради общенія, и если только достигъ сей цѣли, съ меня довольно. Безъ всякаго сомнѣнія, съ благодарностію принимать буду всѣ указанія моихъ ошибокъ, чтобы ихъ исправить по возможности, при полномъ изданіи всѣхъ мѣсяцевъ; и такимъ образомъ будетъ совершенствоваться трудъ сей, хотя и не вдругъ.—Мнѣ же остается окончить его словами большей части писателей житій, которые смиренно просили слушающихъ и читающихъ: «Бога ради, не зазрѣть ихъ грубости и милостиво простить всѣ ихъ погрѣшности».

17 Марта 1858.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ИМЕНЪ СВЯТЫХЪ, КОТОРЫХЪ ЖИТІЯ ПОМѢЩЕНЫ ВЪ ДВѢ-
НАДЦАТИ КНИГАХЪ СЕГО СВОРНИКА.

А.	Мѣсяцъ стр.
Або, святой, мученикъ	Январь, 37
Авивъ, святой Епископъ Пекресскій	Юль, 419
Авнѣжскіе, преподобные, Григорій и Бассіанъ	Юнь, 221
Авраамій, преподобный, Архимандритъ Ростовскій	Октябрь, 422
Авраамій, Св. мученикъ Болгарскій	Мартъ, 49
Авраамій, преподобный, Галицкій	Юль, 175
Авраамій, преподобный, Архимандритъ Смоленскій	Августъ, 175
Агапитъ, безмездный, врачъ Печерскій	Юль, 35
Агаѳодоръ, Священномуч. Херсонскій (См. Херсонскіе Священномученики).	Мартъ, 51
Адрианъ, преподобный, Пугумень, я старецъ Леонидъ, началь- ники Шѣпехонской обители	Мартъ, 32
Александръ Невскій, Св. благовѣрный Великій Князь	Ноябрь, 231
Александръ, преподобный, Ошевенскій	Апрѣль, 133
Александръ, преподобный, Куштскій	Юнь, 103
Александръ, преподобный, Свирскій	Августъ, 224
Алексій, святой, Митрополитъ Кіевскій по всей Руси чудо- творецъ	Октябрь, 89
Алипій, препод., иконописецъ Печерскій	Августъ, 167
Амфилохій, преподобный, Глушицкій	Октябрь, 279
Андрей, праведный, Тотемскій	Октябрь, 275
Андрей, благовѣрный Князь Смоленскій, Переяславскій чудо- творецъ	Октябрь, 405
Андрей Первозванный, Св. Апостолъ	Юль, 436
Андрей Боголюбскій, благовѣрный Великій Князь	Юнь, 258
Андропикъ, преподобный	Юль, 135

Антоній, преподобный, Сійскій	Декабрь, 44
Антоній, преподобный, Дымскій	Январь, 381
Антоній, преподобный, Марткобскій	Январь, 394
Антоній, Святый, Архієпископъ Новгородскій (См. Іоакимъ, Лука и Германъ).	Февраль, 84
Антоній, Іоаннъ и Евстагій, Св. мученики Литовскіе	Апрѣль, 53
Антоній, преподобный, Печерскій	Іюль, 53
Антоній, преподобный, Леохновскій	Іюль, 91
Антоній, преподобный, Рямляинъ	Августъ, 24
Ареѳа, преподобный, Печерскій	Октябрь, 394
Аркадій, святый, Епископъ Новгородскій	Декабрь, 301
Арсеній, святый, Архієпископъ Сербскій	Октябрь, 414
Арсеній, Святитель, Епископъ Тверскій	Мартъ, 3
Арсеній, преподобный, Коневскій	Іюнь, 123
Арсеній, преподобный, Новгородскій	Іюль, 86
Арсеній, преподобный, Комельскій	Августъ, 186
Артеміѳ, праведный, Веркольскій	Октябрь, 367
Арчаль, мученикъ, Царь Іверскій	Мартъ, 152
Аванасій, святый, затворникъ Печерскій	Декабрь, 2
Аванасій Высоцкій, Серпуховскій преподобный	Сентяб., 361
Аванасій Пательарій Патріархъ Цареградскій	Май, 41
Б.	
Бидзина, Шалва и Елизбаръ, Эристовы	Сентяб., 291
Борисъ, блаженный, Царь Болгарскій	Май, 90
Борисъ и Глѣбъ, святые, Князья страстотерпцы	Іюль, 189
В.	
Варлаамъ, преподобный, Хутыньскій	Ноябрь, 49
Варлаамъ, преподобный, игумень Печерскій	Ноябрь, 133
Варвава, преподобный, Ветлугскій	Іюнь, 113
Варсонофій, преподобный, чудотворецъ Казанскій (См. Гурій и Варсонофій).	Октябрь, 48
Василій, святый, Архієпископъ Новгородскій	Октябрь, 73

Василій, Священномученикъ Херсонскій (См. священномученика Херсонскіе).	Мартъ, 51
Василій, святый, Епископъ Рязанскій	Май, 375
Василій и Константинъ, Св. благовѣрные Князья	Іюль, 2
Василій, Св. блаженный, Христа ради юродивый	Августъ, 3
Василій, преподобный, Печерскій. (См. Феодоръ и Василій)	Августъ, 54
Василій, блаженный, Мангазейскій	Май, 307
Вассіанъ, преподобный, Тотемскій	Сентяб., 199
Вассіанъ и Іона, преподобные Пертомскіе	Іюнь, 137
Вечеславъ, Св. мученикъ, Князь Чешскій	Сентяб., 276
Владиміръ, святый, Князь Новгородскій	Октябрь, 70
Владиміръ, святый, Равноапостольный, Великій Князь	Іюль, 122
Владиміръ, блаженный, Князь Южной Сербіи	Май, 491
Всеволодъ-Гаврилъ, благовѣрный Князь Псковскій	Ноябрь, 397
Г.	
Галактіонъ, преподобный, Вологодскій	Сентяб., 427
Георгій, благовѣрный Великій Князь	Февраль, 4
Георгій, блаженный, мученикъ	Февраль, 109
Георгій, преподобный, Святогорець	Іюнь, 295
Георгій (см. Іоанна, Евемія и Георгія)	Іюнь, 284
Геннадій, святый, Архіепископъ Новгородскій	Декабрь, 163
Геннадій, преподобный, Любимградскій	Январь, 398
Герасимъ, Питиримъ и Іона, преподобные, Епископы Пермскіе.	Январь, 412
Германъ, святый, Архіепископъ Казанскій	Іюль, 82
Германъ, святый, Епископъ Новгородскій (См. Іоакимъ, Лука и Германъ)	Февраль, 84
Германъ, преподобный, Валаамскій (См. Сергій и Германъ)	Іюнь, 241
Глѣбъ, Св. Князь-страстотерпецъ (См. Борись и Глѣбъ)	Іюль, 189
Григорій, преподобный, Пельшемскій	Сентяб., 548
Григорій, преподобный, Печерскій чудотворецъ	Январь, 50
Григорій, святый, Архіепископъ Новгородскій (См. Іоакимъ, Лука и Германъ)	Февраль, 84
Григорій, преподобный (См. Авнежскіе преподобные)	Іюнь, 221
Гурій и Варсонофій, Святители, чудотворцы Казанскіе	Октябрь, 26

Д.	
Давидъ и Константинъ. Св. мученики Князя Аргветскіе . . .	Октябрь, 12
Давидъ III, святой, Царь, возобновитель	Январь, 449
Давидъ, святой, Гареджіійскій	Мартъ, 193
Даміанъ, преподобный, пресвитерь и пѣлбникъ	Октябрь, 162
Даніилъ, преподобный, Переяславскій	Декабрь, 294
Даніилъ, святой, Князь Московскій	Августъ, 218
Димитрій, святой, Митрополитъ Ростовскій	Сентяб., 333
Димитрій, преподобный, Прилуцкій	Февраль, 126
Димитрій, святой, Царевичъ	Май, 303
Дионисій, преподобный, архимандритъ Свято-Троицкой Сер- твовой лавры	Май, 217
Дионисій, Преподобный, Глушицкій	Июнь, 1
Дионисій, святой, Архіепископъ Суздальскій	Июнь, 231
Домонть-Тимофей, благовѣрный Князь	Май, 337
Е.	
Евгеній, Священномученикъ Херсонскій (См. Херсонскіе свя- щенномученики)	Мартъ, 31
Евстратій, преподобномученикъ Печерскій	Мартъ, 186
Евстратій, Архіепископъ Сербскій	Январь, 28
Евстаѣій, святой, мученикъ Литовскій (См. Антоній, Іоаннъ и Евстаѣій).	Апрѣль, 33
Евѣмій, преподобный, Сямжемскій	Октябрь, 319
Евѣмій, Святитель Новгородскій	Мартъ, 69
Евѣмій, преподобный, Суздальскій	Апрѣль, 1
Евѣмій, преподобный, Аеоискій (См. Іоаннъ, Евѣмій и Георгій).	Июнь, 284
Евѣросинія, препод., Княжна Суздальская	Сентяб., 436
Евѣросинія, препод., Княжна Полоцкая	Май, 396
Евѣросинія, святая, благовѣрная Великая Княгиня	Июль, 22
Евѣросинъ, преподобный, Синоезерскій	Мартъ, 146
Евѣросинъ, святой, Псковскій чудотворецъ	Май, 289
Елизбаръ, Эристовъ. (См. Бидзіа, Шалва и Елизбаръ).	Сентяб., 291
Елпидій, священномученикъ Херсонскій (См. Херсонскіе свя- щенномученики)	Мартъ, 31

Еразмъ, преподобный, Печерскій	Февраль, 237
Ефремъ, преподобный, Новоторжскій	Январь, 483
Ефремъ, преподобный, Печерскій	Январь, 493
Евремъ, священномученикъ Херсонскій (См. Херсонскіе священномученики)	Мартъ, 51
Ефремъ, преподобный, Перекомскій	Май, 323
Ефремъ, патриархъ Сербскій	Июнь, 339
Евсерій, Священномученикъ Херсонскій (См. Херсонскіе священномученики)	Мартъ, 51
З.	
Зосима, преподобный	Сентябрь, 17
И.	
Игнатій, преподобный, Вологодскій	Декабрь, 279
Игнатій, святой, Епископъ Ростовскій	Май, 482
Игорь, мученикъ, Князь Кіевскій	Сентяб., 156
Иларіонъ, Епископъ Меглицкій	Октябрь, 372
Иларіонъ, преподобный, Грузинскій	Ноябрь, 159
Инокентій, Святитель Иркутскій	Ноябрь, 339
Инокентій, преподобный, Вологодскій	Мартъ, 1
Припархъ, преподобный, Борисоглѣбскій	Январь, 337
Иродіонъ, преподобный, Илозерскій	Сентяб., 542
Исаакій, препод., затворникъ Печерскій	Февраль, 223
Исаія, святой, Епископъ Ростовскій	Май, 284
Исподоръ, Священномученикъ	Январь, 19
Исподоръ, святой, юродивый Ростовскій, называемый Твердословъ	Май, 278
І.	
Іаковъ, преподобный, Боровицкій	Октябрь, 389
Іаковъ, святой, Епископъ Ростовскій	Ноябрь, 392
Іаковъ, препод., игумень Желѣзноборскій	Апрѣль, 43
Іеремія, преподобный, прозорливый	Октяб., 166
Іессей, святой, Епископъ Цикавскій	Декабрь, 19
Іоакимъ, Лука и Германъ, святыя, Епископы Новгородскіе, и Архіепископы: Григорій, Мартирій, Антоній и Симеонъ	Февраль, 84
Іоанникій, Архіепископъ Сербскій	Май, 501

Іоаннъ, святой, Архієпископъ Новгородскій	Сентябрь, 47
Іоаннъ, святой, Епископъ Суздальскій	Октябрь, 321
Іоаннъ, преподобный Рылскій	Октябрь, 342
Іоаннъ, милостивый, блаженный Ростовскій	Ноябрь, 119
Іоаннъ, преподобный (См. Марко, Іоаннъ и Феофила)	Декабрь, 285
Іоаннъ, блаженный, мученикъ Казапскій	Январь, 435
Іоаннъ, святой, мученикъ Литовскій (См. Автопій, Іоаннъ и Евстаіій)	Апрѣль, 53
Іоаннъ, святой, Христа ради юродивый	Май, 485
Іоаннъ новый, мученикъ Бѣлградскій	Іюнь, 41
Іоаннъ, Евѣмпій и Георгій, Св. Аѳонскіе	Іюнь, 284
Іоаннъ и Лонгинъ, Ярепгскіе Чудотворцы	Іюль, 7
Іоаннъ, блаженный, Христа ради юродивый, Московскій	Іюль, 14
Іоаннъ, мученикъ Варяжскій (См. Феодоръ и Іоаннъ)	Іюль, 84
Іоаннъ, святой, многострадальный	Іюль, 162
Іоасафъ, преподобный, Князь Кубенскій	Сентяб., 181
Іовъ, Желѣзо, блаженный, игумень лавры Почаевской	Августъ, 45
Іона, святой, Архієпископъ Новгородскій	Ноябрь, 20
Іона, преподобный, Епископъ Пермскій (См. Герасимъ, Пятиримъ и Іона)	Январь, 412
Іона, преподобный, Печерскій	Мартъ, 191
Іона, преподобный, Пертомскій (См. Вассіанъ и Іона)	Іюнь, 137
Іона, Святитель, Митрополитъ всея Руси	Іюнь, 157
Іосифъ, преподобный, игумень Волоколамскій	Сентяб., 84
Іуліанія, благовѣрная Княгиня Вяземская	Декабрь, 259
Іуліанія, блаженная, Муромская	Январь, 3
Іуліанія, преподобная Княжна Ольшанская	Іюль, 18
К.	
Кавитонъ, Священномученикъ (См. Херсонскіе священномученики)	Мартъ, 51
Кассіанъ, преподобный, Грекъ, Угличскій чудотворецъ	Май, 380
Кассіанъ, преподобный (См. Авнежскіе преподобные)	Іюнь, 221

Кетеванъ, мученица, Царица	Сентяб., 216
Кирианъ, Митрополитъ всея Руси	Сентяб., 235
Кирилль, преподобный, Новозерскій	Февраль, 42
Кирилль и Меодій, преподобные, просвѣтителѣ Славянъ	Февраль, 139
Кирилль, святой, Епископъ Туровскій	Апрѣль, 140
Кирилль, преподобный, Бѣлозерскій	Июнь, 68
Климентъ, святой, первый Архіепископъ Болгарскій	Ноябрь, 188
Константинъ, святой мученикъ, Князь Аргветскій (См. Давидъ и Константинъ)	Октябрь, 12
Константинъ, мученикъ	Ноябрь, 98
Константинъ, святой, Князь и чада его Михаилъ и Феодоръ, Муромскіе чудотворцы	Май, 368
Константинъ, святой, Митрополитъ Кіевскій и всея Руси	Июнь, 50
Константинъ, святой, благовѣрный Князь (См. Василій и Константинъ)	Июль, 2
Корнилій, преподобный, игумень Псково-Печерской обители	Февраль, 232
Корнилій, преподобный, Комельскій	Май, 337
Косма, преподобный, игумень, что на рѣкѣ Яхремѣ	Октябрь, 313
Кукша и Шимень, преподобные Печерскіе	Августъ, 37
Л.	
Лаврентій, преподобный, затворникъ	Январь, 511
Лаврентій, преподобный, Калужскій	Июль, 103
Лазарь, преподобный, Мурманскій	Мартъ, 175
Лазарь, святой, Царь Сербскій	Июнь, 204
Леонидъ, старецъ, начальникъ Пѣшихонской обители. (См. Адрианъ, преподобный игумень)	Мартъ, 32
Леонтій, Святитель Ростовскій	Май, 387
Лонгинъ, преподобный, игумень Коряжемскій	Февраль, 106
Лонгинъ, Яренскій чудотворецъ. (См. Иоаннъ и Лонгинъ)	Июль, 7
Лука, святой, Епископъ Новгородскій. (См. Иоакимъ, Лука и Германъ)	Февраль, 84
Лукіанъ, преподобный	Сентябрь, 71
Людмила, мученица, и внучка ея Св. Вечеславъ, Князь Чешскій	Сентяб., 276

М.	
Макарій, преподобный, игумень Калазинскій	Мартъ, 128
Макарій, святой, Митрополитъ Кіевскій	Май, 36
Макарій, преподобный, Ужвскій и Желтоводскій	Юль, 227
Макарій, преподобномученикъ, архимандритъ Овручскій	Сентяб., 163
Максимъ, святой, юродивый Московскій	Ноябрь, 116
Максимъ, преподобный, Грекъ	Августъ, 136
Марко, Иоаннъ и Теофилъ, преподобные	Декабрь, 283
Мартирій, препод., игумень Зеленецкій	Декабрь, 102
Мартирій, святой, Архіепископъ Новгородскій. (См. Иоакимъ, Лука и Германъ)	Февраль, 84
Мартиніанъ, преподобный	Январь, 195
Матсеѣ, преподобный, прозорливый	Октябрь, 168
Меркурій, святой	Ноябрь, 352
Меодій, преподобный, просвѣтитель Славянъ. (См. Кирилъ и Меодій)	Февраль, 139
Митрофанъ, Святитель, Воронежскій чудотворецъ	Ноябрь, 314
Михаилъ, мученикъ, Великій Князь, и бояринъ его Феодоръ	Сентяб., 316
Михаилъ, святой, первый Митрополитъ Кіевскій	Сентяб., 359
Михаилъ Гобротъ, святой мученикъ	Ноябрь, 149
Михаилъ, благовѣрный Князь Тверскій	Ноябрь, 218
Михаилъ, преподобный, Клопскій	Январь, 181
Моисей, святой, Архіепископъ Новгородскій	Январь, 439
Моисей Углицъ, преподобный	Юль, 243
Мстиславъ, святой, Князь Новгородскій	Юнь, 139
Н.	
Наумъ, преподобный, Болгарскій	Декабрь, 264
Неофитъ, святой мученикъ, Епископъ Урбинскій	Октябрь, 417
Несторъ, преподобный, лѣтописецъ Печерскій	Октябрь, 398
Никандръ, преподобный, Псковскій	Сентяб., 408
Никита, Святитель Новгородскій	Январь, 514

Никита, преподобный, столпник Переяславскій	Май, 422
Никодимъ, преподобный, престофорникъ Печерскій. (См. Сиври- дочъ и Никодимъ)	Октябрь, 483
Никодимъ, преподобный, Кожеезерскій	Июль, 253
Никола, Салось, блаженный, юродивый	Февраль, 244
Николай, Святоша, преподобный, Князь Черниговскій	Октябрь, 287
Николай, блаженный	Июль, 249
Никонъ, преподобный, игумень	Ноябрь, 139
Никонъ, преподобный, Сухой	Декабрь, 98
Николь, преподобный, игумень Печерскій	Мартъ, 161
Нилъ, преподобный, Столбенскій	Декабрь, 76
Нилъ, преподобный, Сорскій	Май, 193
Нина, святая просвѣтительница Грузія	Январь, 367
Нифонтъ, святой, Новгородскій	Апрѣль, 30
О.	
Ольга, святая Клягния Россійская	Июль, 68
П.	
Павель, преподобный, Обнорскій	Январь, 138
Павель, мученикъ, Россійскій	Апрѣль, 24
Павсій, преподобный, Галицкій чудотворецъ	Май, 410
Павсій, преподобный, Угличскій	Июнь, 53
Параскева, преподобная	Октябрь, 296
Пасхутій, святой, Боровскій	Май, 1
Пахомій, преподобный, Нерехтскій	Мартъ, 167
Пахомій, блаженный	Май, 204
Петръ, Святитель, Митрополитъ Московскій и всея Россіи чудотворецъ	Декабрь, 221 и Авг., 192
Петръ, преподобный, Царевичъ Ордынскій	Июнь, 243
Петръ и Февронія, Преподобные Князя	Июнь, 229
Питиримъ, преподобный, Епископъ Пермскій. (См. Герасимъ, Питиримъ и Юна)	Январь, 412
Пимень, преподобный, многоболѣзненный	Августъ, 37
Пимень, преподобный, постникъ Печерскій. (См. Кукуша и Пимень)	Августъ, 197

Поликарпъ, святой, архимандритъ Печерскій	Июль, 222
Проконій, Христа ради юродивый, Устюжскій чудотворецъ . .	Июль, 28
Прохоръ, преподобный, Печерскій	Февраль, 101
Р.	
Романъ Ольговичъ, святой, Рязанскій Князь	Июль, 168
С.	
Савва, преподобный, Вишерскій	Октябрь, 3
Савва, преподобный, Звѣнгородскій	Декабрь, 22
Савва, преподобный, Архіепископъ Сербскій	Январь, 209
Савва второй, Архіепископъ Сербскій	Февраль, 82
Савва, преподобный, Крымскій, Псковскій чудотворецъ . .	Августъ, 200
Саватій, преподобный	Сентяб., 9
Сергій, преподобный, Радонежскій чудотворецъ	Сентяб., 430
Сергій, преподобный, Муромскій	Октябрь, 171
Сергій и Гермащъ, преподобные Валаамскіе	Июнь, 241
Серапіонъ, Святитель Новгородскій	Мартъ, 113
Симеонъ, праведный, Верхотурскій	Сентяб., 202
Симеонъ, святой, Архіепископъ Новгородскій. (См. Іоаннъ, Лука и Германъ).	Февраль, 84
Симонъ, преподобномученикъ, Устюжскій	Июль, 97
Симонъ, блаженный, Христа ради юродивый, Юрьевецкій.	Ноябрь, 4
Сирскіе Святыя Отцы	Май, 178
Спиридонъ и Никодимъ, преподобные просторники Печерскіе.	Октябрь, 483
Стефанъ, Дечанскій, святой, Краль Сербскій	Октябрь, 432
Стефанъ новый, Св. праведный, Деспотъ Сербовъ	Октябрь, 222
Стефанъ, святой, первый Епископъ Пермскій	Апрѣль, 60
Стефанъ, святой, Епископъ Владимірскій	Апрѣль, 133
Стефанъ, преподобный, Комельскій	Июнь, 116
Стефанъ, преподобный, Махрищскій	Июль, 108

Сусанна или Шушанка, святая, Царица Грузинская	Октябрь, 328
Сумонъ, святой, Епископъ Суздальскій	Май, 211
Т.	
Титъ, преподобный, пресвитеръ Печерскій	Февраль, 240
Тихонъ, преподобный, Луховскій	Июнь, 225
Тихонъ, Епископъ Воронежскій и Елецкій	Августъ, 65
Трифонъ, преподобный, Архимаандритъ Вятскій	Октябрь, 178
Трифонъ, преподобный, Печенгскій	Декабрь, 179
У.	
Урошь V, святой, послѣдній Царь Сербскій	Декабрь, 5
Ф.	
Февронія, преподобная, Книжница. (См. Петръ и Февронія)	Июнь, 229
Филиппъ, преподобный, Прабскій	Ноябрь, 124
Филиппъ, святой, Митрополитъ Московскій	Январь, 58
Фотій, святой, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи	Май, 434
Х.	
Херсонскіе Священномученики (Василій, Ефремъ, Капитонъ, Евгений, Елпидій и Агаѳодоръ)	Мартъ, 51
Ц.	
Шалва, Эристовъ. (См. Бидзина, Шалва и Елизбаръ)	Сентяб., 291
Шю, святой. (Житіе его въ житіи Сирскихъ Св. Отцевъ)	Май, 183
Шушанка. (См. Сусанна, Св. Царица Грузинская)	Октябрь, 328
Ѡ.	
Ѡеогность, святой, Митрополитъ всея Руси	Мартъ, 95
Ѡеодоръ, святой, Князь Ярославскій и чада его	Сентяб., 303
Ѡеодоръ, святой, Архіепископъ Ростовскій	Ноябрь, 413
Ѡеодоръ, Епископъ Суздальскій	Июнь, 337
Ѡеодоръ, блаженный, Христа ради юродивый, Новгородскій	Январь, 389
Ѡеодоръ и Іоаннъ, мученики Варяжскіе	Іюль, 84
Ѡеодоръ и Василій, преподобные Печерскіе	Августъ, 54

Теодосій, преподобный, Тотемскій	Январь, 497
Теодосій, преподобный, Иечерскій	Май, 107
Теоктистъ, святой, Архієпископъ	Декабрь, 271
Теофила, преподобный. (См. Марко, Иоаннъ и Теофила, препо- добные)	Декабрь, 285
Теранонтъ, преподобный, Мопзенскій	Декабрь, 103
Терапонтъ, преподобный, Бѣлозерскій	Май, 471